

DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101

ISSN 2078-9823 (Print)
ISSN 2587-7879 (Online)

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 21 № 1 / 2021

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 53

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва) 430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 53

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Mordovia State University)
19, Baktin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий : актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
Джон Сингер Сарджент
Утренняя прогулка. 1888.*

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Г. Н. Давыдовой*
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 06.04.2021.
Дата выхода в свет 12.04.2021.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 10,08
Тираж 300 экз. (1-й завод – 150 экз.)
Заказ № 408. Цена свободная

Адрес типографии:

430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24
Типография Издательства
Мордовского университета

*The journal «Russian Journal of the
Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
Sargent, John Singer
Morning Walk. 1888*

Desktop publishing
and graphic design by *G. N. Davydova*
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 06.04.2021.
Date of publishing 12.04.2021.
Sheet size 70 × 100 1/16.
Conventional printed sheets 10,08
Number of copies 300 (1 plant – 150)
Order No. 408. Free price

Address of the Printing House:

24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia.
Mordovia State University Printshop

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Чулуун Сампилдондов – *главный редактор*, доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@ Rambler.ru (Саранск, Россия)

Андросов Валерий Павлович – доктор исторических наук, профессор, директор, Институт востоковедения РАН, director@ivran.ru (Москва, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaiira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Вдовин Сергей Михайлович – кандидат экономических наук, профессор, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленки Анжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. В. Кондратюка, slava-home50@mail.ru (Полтава, Украина)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – член-корреспондент РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylypost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.usakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьёрппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@minuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, *Editor-in-Chief*, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Valery P. Androsov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, director@ivran.ru (Moscow, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozertsev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey M. Vdovin – Candidate of Economics, Professor, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Vyacheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Kondratyuk Poltava National Technical University, slava-home50@mail.ru (Poltava, Ukraine)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rggu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famlypost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmcts.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.ushakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. О. Наумов

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ «ТЮЛЬПАНОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
В КЫРГЫЗСТАНЕ: РОЛЬ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА** 9

М. А. Елдин, С. И. Малоземов

**ЦЕЗАРОПАПИЗМ И СЕКУЛЯРИЗМ В ВИЗАНТИЙСКОЙ
И РУССКОЙ ТРАДИЦИИ** 19

В. Ф. Батяев

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ 31

А. Н. Рухлин

**СЕКТЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.
НА СТРАНИЦАХ СИМБИРСКИХ И САМАРСКИХ
ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ** 48

ФИЛОСОФИЯ

Е. А. Коваль, А. А. Сычев, Н. В. Жадунова

НОРМОТВОРЧЕСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ: ПРАВО, МОРАЛЬ, РЕЛИГИЯ 63

Д. Б. Казанцева, С. И. Ивентьев

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ** 78

Н. С. Савкин

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ 96

А. Е. Шишкин

**ВЗАИМНЫЕ ПРОЦЕССЫ УМИРАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
И ВИДОВ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** 104

ПСИХОЛОГИЯ

К. М. Романов

И. А. ИЛЬИН О ФЕНОМЕНЕ ВЕРЫ 112

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 123

CONTENT

HISTORY

Aleksandr O. Naumov

**ON THE CAUSES OF THE “TULIP REVOLUTION” IN KYRGYZSTAN:
THE ROLE OF THE EXTERNAL FACTOR** 9

Michael A. Eldin, Sergey I. Malozemov

**CAESAROPAPISM AND SECULARISM IN THE BYZANTINE
AND RUSSIAN TRADITION** 19

Vasil F. Batsiayev

THEATRICAL ARTS OF JEWS IN BELARUS 31

Alexey N. Rukhlin

**SECTS AND RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY
ON THE PAGES OF THE SIMBIRSK AND SAMARA DIOCESAN NEWS** 48

PHILOSOPHY

Ekaterina A. Koval, Andrey A. Sychev, Natalya V. Zhadunova

REVOLUTIONS IN NORM-CREATING: LAW, MORALITY, RELIGION 63

Dina B. Kazantseva, Sergey I. Iventev

**SPIRITUAL AND MORAL POTENTIAL OF PERSONALITY
IN THE SOCIAL-POLITICAL SPHERE OF MODERN RUSSIA** 78

Nikolay S. Savkin

EXTREME SITUATION AND CHALLENGES OF THE TIME 96

Alexey E. Shishkin

RECIPROCAL PROCESSES OF HUMAN DYING AND ITS ACTIVITIES 104

PSYCHOLOGY

Konstantin M. Romanov

I. A. ILYIN ABOUT FAITH PHENOMENON 112

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 124

К вопросу о причинах «тюльпановой революции» в Кыргызстане: роль внешнего фактора

Введение. «Цветные революции», представляющие собой государственные перевороты с использованием технологий, механизмов и инструментов «мягкой силы», стали ярким феноменом на постсоветском пространстве в начале XXI в. Попытки демонтировать политические режимы в регионе с помощью методик ненасильственной борьбы предпринимаются западными специалистами по геополитической инженерии до сих пор, причем непосредственно у границ Российской Федерации. Цель статьи заключается в изучении роли внешнего фактора в ходе подготовки и осуществления одной из «цветных революций» первой волны – «тюльпановой революции» в Республике Кыргызстан. **Материалы и методы.** Методологической основой исследования являются системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. **Результаты и обсуждение.** Представлен анализ причин общественно-политического кризиса в Кыргызстане, который привел к «тюльпановой революции» 2005 г. Особый акцент сделан на изучении деятельности США по формированию в стране прозападного гражданского общества путем продвижения различных проектов и программ в области демократизации. С помощью западных акторов «мягкой силы», действовавших в Кыргызстане начиная с 1990-х гг., были организованы местные неправительственные организации и средства массовой информации, подготовлены оппозиционные режиму А. Акаева кадры в различных сферах общественно-политической жизни. **Заключение.** Даже в специфических условиях Центральной Азии Вашингтону удалось создать «революционную» инфраструктуру «на местах», оказав помощь антиправительственным силам там, где они были недостаточно компетентны. Автор приходит к выводу, что без финансовой и организационной поддержки киргизская оппозиция не смогла бы реализовать успешный сценарий «цветной революции». Победа «тюльпановой революции» не принесла обещанного ее лидерами народу процветания; напротив, именно это событие нанесло огромный урон системе государственного управления страны и запустило серию кризисов, которые преследуют Кыргызстан до сих пор.

Ключевые слова: «цветные революции», «мягкая сила», Кыргызстан, государственный переворот, «тюльпановая революция», А. Акаев, К. Бакиев, Р. Отунбаева, США, демократизация, неправительственные организации, средства массовой информации.

Для цитирования: *Наумов А. О.* К вопросу о причинах «тюльпановой революции» в Кыргызстане: роль внешнего фактора // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 9–18. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.009-018.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

On the Causes of the “Tulip Revolution” in Kyrgyzstan: the Role of the External Factor

Introduction. “Colour revolutions”, which are coups using technologies, mechanisms and tools of soft power, became a notable phenomenon in the post-Soviet space at the beginning of the XXI century. Attempts to dismantle political regimes in the region using methods of non-violent struggle are still being made by Western experts in geopolitical engineering, and directly at the borders of the Russian Federation. The article examines the role of an external factor in the preparation and implementation of one of the “color revolutions” of the first wave – the “Tulip revolution” in the Republic of Kyrgyzstan. **Materials and Methods.** The methodological basis of the research is the system, structural-functional, comparative-political approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction and observation. **Results and Discussion.** The article presents an analysis of the causes of the socio-political crisis in Kyrgyzstan that led to the “Tulip revolution” in 2005. Special emphasis is placed on studying the activities of the United States to form a Pro-Western civil society in the country by promoting various projects and programs of democratization. With the help of Western soft power actors operating in Kyrgyzstan since the 1990s, local non-governmental organizations and mass media were organized, and cadres opposed to the Akayev regime were trained in various spheres of social and political life. **Conclusions.** Even in the specific conditions of Central Asia, Washington managed to create a “revolutionary” infrastructure on the ground, helping anti-government forces in areas where they were not competent enough. The author concludes that without financial and organizational support, the Kyrgyz opposition would not have been able to implement the successful scenario of the “colour revolution”. The victory of the “Tulip revolution” did not bring the prosperity promised by its leaders to the people; on the contrary, it was this event that caused huge damage to the country’s public administration system and triggered a series of crises that still haunt Kyrgyzstan.

Keywords: “colour revolutions”, soft power, Kyrgyzstan, coup d’etat, “Tulip revolution”, A. Akaev, K. Bakiev, R. Otunbayeva, USA, democratization, non-governmental organizations, mass media.

For citation: Naumov A. O. On the causes of the “Tulip Revolution” in Kyrgyzstan: the role of the external factor. *Gumanitarian : aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 9–18 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.009–018.

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

Введение

В начале октября 2020 г. в Кыргызстане произошла третья за последние полтора десятилетия неконституционная смена власти. На следующий день после прошедших 4 октября парламентских выборов тысячи демонстрантов собрались в центре Бишкека, чтобы выразить протест против их результатов. Начались столкновения оппозиционных и антиправительственных сил с правоохранителями. Уличные бои продолжались до глубокой ночи, протестующие сумели потеснить отряды милиции и захватили президентский дворец и пар-

ламент. Государственная власть рухнула в мгновение ока. Очередной кризис власти в Кыргызстане стал следствием хрупкости системы государственного управления, основательно подорванной еще «тюльпановой революцией» 2005 г.

Напомним, что «тюльпановая революция» также произошла в результате массовых акций протеста, которые начались после выборов в Жогорку Кенеш (парламент Республики Кыргызстан) в феврале – марте 2005 г. 24 марта законный президент А. Акаев вместе с семьей был вынужден покинуть страну и в начале апреля дистанционно подать в отстав-

ку. На внеочередных выборах победил один из лидеров оппозиции, К. Бакиев, спустя пять лет ставший жертвой государственного переворота, вошедшего в историю как «дынная революция» [7, с. 157–185].

Целью данной статьи является анализ причин «тюльпановой революции», которая, на наш взгляд, запустила процесс затяжного кризиса киргизской государственности. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение роли внешнего воздействия, которое во многом привело к эскалации общественно-политического кризиса в стране в 2005 г. Заметим, что вопрос о роли внешних игроков (в первую очередь США) в подготовке и осуществлении «тюльпановой революции» до сих пор не становился предметом специального научного изыскания, хотя ряд отечественных и зарубежных авторов в той или иной степени подвергали анализу проблемы международного измерения «цветной революции» в Кыргызстане 2005 г. [4; 5; 9].

Методы исследования

Методологической основой исследования являются системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. «Цветную революцию» мы определяем как государственный переворот с использованием импортированных из-за рубежа ненасильственных технологий, механизмов и инструментов «мягкой силы». Под «мягкой силой» понимается способность достигать целей посредством обаяния и притяжения, а не принуждения или подкупа. При этом практику применения «мягкой силы» на международной арене целесообразно разделить на два вида. В первом случае ее следует рассматривать как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между странами и народами. Во втором – как технологию деструктивную, с помощью которой государства оказывают скрытое воздействие на зарубежные общества, манипулируя

ими для достижения узкокорыстных и порой агрессивных целей. Основатель концепта Дж. Най указывал, что, как и любая другая форма власти, «мягкая сила» может обращаться не только во благо. «Выкручивание мозгов, – писал американский ученый, – отнюдь не лучшее выкручивание рук» [6, с. 148]. Именно в этом контексте стоит говорить о применении западных технологий «мягкой силы» в ходе «цветных революций» в Сербии в 2000 г. («бульдозерная революция»), Грузии в 2003 г. («революция роз»), Украине в 2004 г. («оранжевая революция») и, наконец, в Кыргызстане в 2005 г. («тюльпановая революция»).

Результаты и обсуждение

Успех указанных выше государственных переворотов был бы невозможен без всесторонней поддержки со стороны коллективного Запада, однако сбрасывать со счетов внутренние факторы также в корне неверно. Республика Кыргызстан, например, подошла к 2005 г., имея множество проблем социально-экономического и политического характера, а именно: низкий уровень жизни большинства населения и глубоко укоренившаяся коррупция; ухудшение криминогенной обстановки; нарастание противоречий между более обеспеченным (по киргизским меркам) Севером и бедным Югом; усталость граждан страны от режима ввиду несменяемости власти, семейственности и клановости и т. д.

Став президентом независимого Кыргызстана в 1991 г., А. Акаев поначалу пытался проводить весьма либеральную внутреннюю политику, намереваясь создать из страны некую «центральноазиатскую Швейцарию». Местные власти допускали существование оппозиционных партий, независимых неправительственных организаций и средств массовой информации. По меткому замечанию киргизского исследователя А. Акматалиевой, А. Акаев щедро раздавал демократические обещания не только согражданам, но и международному сообществу. Однако в условиях

ухудшения социально-экономических условий и прогрессирующей коррумпированности режима президенту было все сложнее выполнять либеральные обещания [1, с. 72]. По мере усиления проблем в экономике власти стали подвергать серьезным ограничениям гражданские и политические права граждан, а Кыргызстан – дрейфовать в сторону типичной азиатской автократии.

В феврале 2005 г. в стране должны были состояться выборы в Жогорку Кенеш. А. Акаев стремился обеспечить их благоприятный исход и тем самым сохранить возможность остаться у власти по истечении срока собственных президентских полномочий в октябре того же года. Для этого глава государства активно использовал «административный ресурс», в том числе устраняя потенциальных соперников. Еще в 2001 г. по итогам противоречивого судебного процесса был заключен в тюрьму один из самых популярных оппозиционных деятелей Ф. Кулов; другой известный критик режима, Р. Отунбаева, незадолго до голосования была снята с выборов под явно надуманным предлогом (провела слишком много времени за пределами страны в период работы на дипломатической службе). В то же время в борьбе за места в парламенте с предсказуемо положительным результатом принимали участие дети президента, премьер-министра и других высокопоставленных чиновников и близких к режиму представителей бизнеса.

Исключительно внутренние факторы, однако, не могли привести к стремительной потере власти А. Акаевым и его командой весной 2005 г. В этих условиях особую роль приобретали события на внешнем контуре Кыргызстана, связанные с интересами великих держав в регионе. Дело в том, что осенью

2001 г., после террористических атак 11 сентября и начала американской «войны с террором», Кыргызстан стал занимать важное место в системе внешнеполитических координат администрации Дж. Буша – младшего. По просьбе официального Вашингтона в декабре 2001 г., в целях поддержки операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, режим Акаева дал согласие на размещение в международном аэропорту «Манас» под Бишкеком вспомогательной военной базы «Ганси». Данная база стала важным логистическим центром контртеррористической операции западной коалиции против движения «Талибан» и «Аль-Каиды». В начале 2005 г. на ней дислоцировалось 800 американских и 100 испанских солдат¹.

Выбор Кыргызстана был обусловлен не только выгодным географическим положением, но и еще одним немаловажным фактором: ввиду избранного А. Акаевым в начале правления курса на демократизацию страны именно здесь активно реализовывались западные программы по продвижению демократии и наиболее комфортно чувствовали себя зарубежные, в первую очередь американские акторы «мягкой силы», их осуществлявшие. По объемам помощи со стороны США Кыргызстан находился на 3-м месте среди всех стран СНГ; за десятилетие с небольшим (с 1992 по 2004 г.) она составила почти 750 млн долл., значительная часть которых шла на создание и развитие гражданского общества². Согласно официальным данным, программы помощи были «направлены на улучшение политических процессов и подотчетности государственных институтов, укрепление гражданского общества и правозащитной деятельности, а также поддержку независимых средств массовой информации»³.

¹ Nichol J. Coup in Kyrgyzstan: Developments and Implications. CRS Report for Congress, April 14, 2005 [Electronic resource]. – URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32864.pdf>.

² Ibid.

³ U. S. Assistance to the Kyrgyz Republic – Fiscal Year 2004. U. S. Department of State [Electronic resource]. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/fs/35990.htm>.

В 2004 г. правительство Кыргызстана отказало в локализации на авиабазе в аэропорту «Манас» американских самолетов-разведчиков «АВАКС» (это резко меняло назначение объекта, превращая его в территорию действия разведывательных и стратегических сил США в регионе), мотивируя это тем, что подобная трансформация не входит в рамки полномочий и задач контртеррористической операции в Афганистане и не отвечает обязательствам Кыргызстана в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). К тому времени режим Акаева уже всерьез рассматривал вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования военного форпоста Запада в непосредственной близости от Бишкека. По мнению президента, высказанному им уже после бегства из страны, именно его требование к США закрыть авиабазу стало «одним из элементов того, что они (Соединенные Штаты. – *А. Н.*) спланировали “тюльпановую революцию” в Кыргызстане» [5, с. 32–33].

Чем меньше оставалось времени до парламентских выборов, способных изменить расстановку политических сил в Кыргызстане, тем активнее администрация Дж. Буша – младшего высказывала серьезную озабоченность в связи с усилением авторитарных тенденций, ростом уровня коррупции, преследованиями независимых СМИ и правозащитных организаций в стране. По сути, Вашингтон взял курс на проведение очередной «цветной революции» и создание из Кыргызстана нового очага антироссийского влияния на постсоветском пространстве наряду с Грузией и Украиной, резко изменившими внешнеполитический курс после «революции роз» и «оранжевой революции» [4, с. 298].

Необходимые условия для осуществления госпереворота в центральноазиатском «оплоте демократии» уже были созданы. По количеству неправительственных организаций (НПО), например, Кыргызстан стал

рекордсменом на пространстве СНГ, обойдя все страны Содружества [3, с. 90; 8, с. 122]. К началу 2005 г. количество существовавших в стране НПО, включая филиалы иностранных и/или международных структур, исчислялось тысячами; большая часть существовали на средства Агентства США по международному развитию, Фонда Евразии, Национального демократического института по международным делам, Международного республиканского института, Фонда Сороса и прочих структур, уже доказавших эффективность в ходе «цветных революций» в Сербии, Грузии и Украине. НПО занимались спланиванием оппозиционных сил и гражданских активистов, формированием независимых от государства СМИ, обеспечением мониторинга выборов, наконец, созданием молодежных структур. По образу и подобию сербского «Отпора», грузинской «Кмары» и украинской «Поры» в Кыргызстане буквально за пару месяцев до «тюльпановой революции» были организованы два молодежных оппозиционных движения – «Кел-Кел» («Возрождение») и «Бирге!» («Вместе!»). Их деятельность заключалась в мобилизации граждан на протестные акции, проведении различных форумов и семинаров, распространении среди населения агитационно-пропагандистских изданий и т. д. Именно они применяли на практике уже проверенные в ходе других «цветных революций» приемы ненасильственной борьбы с правящими режимами по методичкам Дж. Шарпа и его учеников.

Соединенные Штаты реализовывали и такой компонент «мягкой силы», как образовательные программы. Вашингтон курировал Американский университет в Бишкеке; активно проводился академический обмен студентов. Число граждан Кыргызстана, прошедших стажировку в США за годы независимости страны, достигало 2 700 чел. Многие из них были политиками, лидерами общественного мнения, известными медийными личностями (включая

непосредственных вождей «тюльпановой революции» К. Бакиева, Ф. Кулова, Р. Отунбаеву). Среди местных структур выделялась организация «Сорос-Кыргызстан», которая на средства одноименного Института выделяла гранты для поддержки местной системы образования, издавала в прозападном ключе линейки учебников и учебных пособий для школ и вузов, труды ведущих местных ученых [10, р. 52].

Большое значение США и их акторы «мягкой силы» придавали созданию в Кыргызстане независимых от государства, но не от грантодателей средств массовой информации. Первостепенную роль в этом процессе сыграла американская неправительственная организация «Фридом Хаус». По ее инициативе и при всесторонней поддержке в ноябре 2003 г. в Кыргызстане впервые была открыта частная типография, все производительные мощности которой были направлены исключительно на поддержание оппозиционных СМИ и НПО. Именно в этой типографии было выпущено большинство «революционных» материалов и изданий, в частности, труд Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии». Здесь же выходили функционировавшие на средства западных грантов газеты «Республика» и «Моя столица – Новости», которые резко критиковали правящий режим, публиковали факты о коррупции правительства и злоупотреблениях членов президентской семьи, а порой и вовсе открыто призывали к антиконституционной смене власти. Используемый организацией «Фридом Хаус» печатный станок, непрерывно выпускавший оппозиционные брошюры, плакаты, газеты, издания, различные инструкции по борьбе с режимом Акаева, не уступал по объемам государственной типографии «Учгун». Даже отключенное правительством накануне первого тура выборов электроснабжение типографии не смогло прекратить ее деятельность, так как посольство США оперативно организовало доставку и работу двух резервных генераторов. Одновременно сенаторы

Дж. Маккейн и Дж. Байден выступили с двухпартийным заявлением, подвергнув резкой критике А. Акаева за попрание свободы слова в стране и отметив, что отказ в предоставлении гражданам основных политических прав может привести к серьезным последствиям [3, с. 100].

Не меньшая роль в подготовке и осуществлении «тюльпановой революции» отводилась участию прозападных структур в избирательном процессе. Еще в 1998 г. в Кыргызстане была создана «Коалиция за демократию и гражданское общество» во главе с известным оппозиционером Э. Байсаловым. Годовой бюджет организации составлял 110 тыс. долл. (очень серьезная по местным меркам сумма), которые поступали от подотчетного Конгрессу США Национального демократического института по международным делам [12]. Задачами «Коалиции» были обеспечение координации мониторинга за выборами через сеть региональных представительств, а также развитие местного самоуправления и повышение образовательной грамотности населения. В 2004 г. американское правительство профинансировало поездку группы из 75 граждан Республики Кыргызстан, включая Байсалова, в охваченную общественно-политическим кризисом Украину, после чего последний откровенно заявил: «Украинский опыт (участие в «оранжевой революции». – А. Н.) сформировал меня. Я увидел, какими могут быть результаты нашей работы» [12]. Нельзя не отметить и созданный при активном участии Дж. Сороса весной 2004 г. Институт экономической политики «Бишкекский консенсус», целью которого стало осуществление мониторинга на парламентских и президентских выборах 2005 г. [4, с. 301]. Упомянутый выше Национальный демократический институт по всей стране специально «под выборы» организовал десятки так называемых Информационных центров демократии, где оппозиционные

активисты могли проводить встречи, проходить обучение, изучать западные СМИ, выходить в Интернет, готовить новостные выпуски на русском, киргизском и узбекском языках [13]. Наконец, через Международный фонд избирательных систем правительство США выделило 170 тыс. долл. на закупку необходимого для маркировки кончиков пальцев оборудования на всех 1 300 избирательных участках и обучения работы с ним. Еще 420 тыс. долл. было потрачено непосредственно на подготовку членов избирательных комиссий и местных наблюдателей, 300 тыс. – на распространение обучающей литературы через местные НПО и СМИ [9, p. 98].

Внешний фактор оказал существенное влияние и на консолидацию антиакаевской оппозиции: в самом конце декабря 2004 г. ряд зарегистрированных блоков и партий, включая «Народное движение Кыргызстана» К. Бакиева и «Ата-Журт» Р. Отунбаевой, подписали меморандум о сотрудничестве для совместного противодействия правящему режиму [2, с. 62]. Большинство из них представляли собой «организации-одндневки», созданные специально для участия в парламентских выборах, однако их возглавляли политические «тяжеловесы», занимавшие ранее высокие государственные посты, но позже не без американского участия перешедшие в оппозицию к А. Акаеву.

Таким образом, к началу событий 2005 г. с помощью США в Кыргызстане была создана полноценная (в условиях Центральной Азии) «революционная» инфраструктура, нацеленная на смену политического режима в стране. При этом до определенного момента официальный Вашингтон и подконтрольные ему акторы «мягкой силы» старались не показывать открытой и однозначной поддержки киргизским оппозиционерам, занимаясь созданием необходимого общественного фона, объединением различных антиправительственных структур

и оказанием им организационной и материальной поддержки. Избирательная кампания в Жогорку Кенеш послужила триггером для открытого вмешательства Соединенных Штатов во внутривнутриполитический процесс Республики Кыргызстан. Используя результаты многолетней работы по формированию прозападного общественно-политического дискурса в стране и опираясь на заранее подготовленную сеть оппозиционных партий, НПО и СМИ, Вашингтон перешел в наступление, в том числе на политико-дипломатическом фронте.

Особого внимания заслуживает фигура посла США в Кыргызстане С. Янга, который, отбросив дипломатический этикет, публично поддерживал оппозицию и выступал против действующего главы государства [3, с. 304]. В ответ последний, выступая на открытии пропрезидентской молодежной акции «Люди Кыргызстана» 2 февраля 2005 г., обвинил американского посла во вмешательстве во внутренние дела страны, а США в целом – в организации «цветных революций» в Грузии и Украине. 19 марта 2005 г., когда протесты в Кыргызстане достигли апогея, в средствах массовой информации, вероятно, с подачи администрации А. Акаева был распространен документ за подписью С. Янга, который власти однозначно трактовали как доказательство слов президента республики. В адресованной в Вашингтон записке дипломат характеризовал А. Акаева как «ставленника России» и предлагал потратить десятки миллионов долларов на продвижение интересов перспективных оппозиционных деятелей, таких как К. Бакиев, Ф. Кулов и Р. Отунбаева, чьи «интересы и мировоззрение совпадали с американскими». Согласно документу, главной задачей посольства США было посеять недоверие к властям, спровоцировать беспорядки и манипулировать молодежью, чтобы «популяризировать американский образ жизни среди них и уменьшить влияние России» [9, p. 101–102].

Далеко не все исследователи вопроса, особенно на Западе, склонны считать этот документ подлинным (указывая, например, на используемый в нем небезупречный английский язык), однако признают, что многие в Кыргызстане искренне верили в его аутентичность [9, р. 102]. Для этого, надо заметить, имелись веские основания. Так, на официальном сайте Государственного департамента США за несколько месяцев до «тюльпановой революции» было прямо указано: «В рамках подготовки к местным, парламентским и президентским выборам в 2004 и 2005 гг. американское правительство обеспечивает подготовку и помощь политическим партиям, пропагандистским группам, независимым средствам массовой информации и независимым наблюдателям. Эти программы помощи готовят судей и адвокатов, поощряют участие граждан в принятии решений местными органами власти, поддерживают неправительственные организации и правозащитников, способствуют гражданскому образованию, продвигают усилия по прекращению торговли людьми и облегчают процесс децентрализации. Программы обучения и обмена направлены на создание настроенного на реформы кадрового состава, ориентированных на действия граждан путем установления контактов со следующим поколением лидеров и предоставления им непосредственного опыта повседневного функционирования рыночной, демократической системы»⁴. С. Янг открыто приветствовал начало «тюльпановой революции» и не скрывал роли Вашингтона в ее подготовке. «То, что произошло сегодня, – объявил посол 24 марта, – касается киргизского народа и его решений, однако Соединенные Штаты гордятся тем, что оказали содействие этому процессу» [10, р. 53].

В тот же день – день бегства А. Акаева из страны – госсекретарь К. Райс заявила, что США наблюдают за событиями в Кыргызстане и пытаются помочь продвигать там «демократический процесс, который может обеспечить киргизскому народу стабильное правительство и движение к лучшему демократическому будущему»⁵.

30 марта 2005 г. влиятельная «Нью Йорк Таймс» писала: «В прошлом году средства, выделенные на демократические программы в Кыргызстане, составили около 12 миллионов долларов. Сотни тысяч долларов идут на программы продвижения демократии в стране и из других финансируемых правительством США учреждений, таких как Национальный фонд в поддержку демократии (головная организация для Национального демократического института и Международного республиканского института. – А. Н.). Это не включает в себя средства выделенные на типографию “Фридом Хаус” или киргизо-язычную службу Радио Свободная Европа/Радио Свобода» [13]. В качестве ответного шага захватившее власть в результате госпереворота правительство К. Бакиева уже 14 апреля (все-го через три дня после того, как Жогорку Кенеш официально принял отставку А. Акаева) подтвердило прибывшему с блиц-визитом в Бишкек главе Пентагона Д. Рамсфелду, что «права США на базирование (речь, разумеется, шла о базе в аэропорту «Манас». – А. Н.) будут сохранены»⁶. В конце июля Д. Рамсфелд вновь побывал в Кыргызстане и с удовлетворением заявил репортерам, что «статус базы является предметом переговоров с принимающей стороной, а не с региональным альянсом, который известен как Шанхайская организация сотрудничества и в котором доминируют Россия и Китай» [11].

⁴ U. S. Assistance to the Kyrgyz Republic – Fiscal Year 2004. U. S. Department of State.

⁵ Remarks With Greek Foreign Minister Petros Molyviatis After Meeting. Secretary Condoleezza Rice [Electronic resource]. U. S. Department of State, March 24, 2011. – URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/43821.htm>.

⁶ Nichol J. Op. cit.

Заключение

Государственный переворот в Кыргызстане был осуществлен по сценарию «цветных революций» 2000–2004 гг., хотя и имел специфику, связанную с изначально значительно более низким уровнем развития гражданского общества, чем в странах Восточной Европы. Но даже в таких условиях зарубежные специалисты по смене политических режимов смогли преуспеть. Импортированные программы поддержки и развития демократии, реализуемые в основном американскими и местными прозападными неправительственными структурами, обеспечили оппозиции поддержку в областях, где она была недостаточно сильна: развитии «независимых» НПО и СМИ, электоральном мониторинге, протестной мобилизации населения и т. д. Очевидно, что без помощи извне – идейной, организационной и материальной – «тюльпановая революция» не могла состояться.

Отличительной особенностью «цветных революций» стал их ненасильственный характер. Однако в Кыргызстане отработанный западными политтехнологами механизм дал сбой: события марта 2005 г. сопровождалось массовыми погромами, грабежами, поджогами и даже человеческими жертвами. Увлечение же «цветными» технологиями привело к ухудшению социально-экономической ситуации в стране, череде общественно-политических кризисов, сползанием к статусу «несостоявшегося государства» и весьма реально замаячившей перспективой гражданской войны в 2010 г. Казалось бы, переход к новой форме правления в начале второго десятилетия XXI в., отказ от геополитических метаний и заигрываний с США, ставка на тесный союз с Россией и членство в Евразийском экономическом союзе помогли Кыргызстану разорвать этот порочный круг нестабильности и хаоса. Однако события осени 2020 г. заставили серьезно усомниться в данном предположении.

Библиографический список

1. Акматалиева А. Цветные революции и парламентская демократия в Грузии и Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 69–84.
2. Здоровец Я. И. Кадровые резервы «цветных» революций в Центральной Азии. Персоны и структуры. – М.: Центр политической информации, 2006. – 240 с.
3. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / под общ. ред. С. Н. Гриняева. – М.: АНО ЦСОиП, 2015. – 236 с.
4. Князев А., Масаулов С. Киргизия: самая обширная сеть НПО, военные базы и разложение государственности // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. – М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив»; Кучково поле, 2014. – С. 297–311.
5. Медовкина Л. Ю. Информационное противостояние РФ и США в период «тюльпановой революции» в Киргизии // Наука Красноярск. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 26–40.
6. Най Дж. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
7. Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.
8. Наумова А. Ю., Авдеев В. Е., Наумов А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. – СПб.: Алетейя, 2013. – 164 с.
9. Beacháin D. Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan // Rethinking the 'Coloured Revolutions' / ed. by D. Lane and S. White. – Abingdon: Routledge, 2010. – P. 87–114.
10. Kazakpaev M. U. S. – Kyrgyzstan: Partners in Different Divisions // Central Asia and the Caucasus. – 2006. – No. 3 (39). – P. 50–54.
11. Schmitt E. Rumsfeld Stop in Kyrgyzstan Aims to Keep Access to Base [Electronic resource] // The New York Times. – 2005. – July 26. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/07/26/world/asia/rumsfeld-stop-in-kyrgyzstan-aims-to-keep-access-to-base.html?searchResultPosition=51>.
12. Shishkin Ph. In Putin's Backyard, Democracy Stirs – With U. S. Help [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – 2005. Feb. 25. – URL: <https://www.wsj.com/articles/SB110929289650463886>.

13. *Smith C. U. S. Helped to Prepare the Way for Kyrgyzstan's Uprising* [Electronic resource] // The New York Times. – 2005. – March 30. – URL: http://www.nytimes.com/2005/03/30/world/asia/us-helped-to-prepare-the-way-for-kyrgyzstans-uprising.html?_r=0.

References

1. *Akmatalieva A.* Colour revolutions and parliamentary democracy in Georgia and Kyrgyzstan. *Central'naya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*. 2013; 16 (2): 69–84. (In Russ.).
2. *Zdorovec Ya. I.* Personnel reserves of the “colour revolutions” in Central Asia. Persons and structures. Moscow, 2006, 240 p. (In Russ.).
3. Irregular conflicts: “colour revolutions”. Analysis and evaluation of forms, techniques and methods of conducting regime change operations in sovereign states. Moscow, 2015, 236 p. (In Russ.).
4. *Knyazev A., Masaulov S.* Kyrgyzstan: the most extensive network of NGOs, military bases and disintegration of statehood. *Ubiystvo demokratii: operacii CRU i Pentagona v postsovetiskij period = Killing democracy: CIA and Pentagon operations in the post-Soviet period*. Moscow, 2014: 297–311. (In Russ.).
5. *Medovkina L. Yu.* Information confrontation between Russia and the United States during the ‘Tulip revolution’ in Kyrgyzstan. *Nauka Krasnoyarska = Science of Krasnoyarsk*. 2017; 6 (3): 26–40. (In Russ.).
6. *Nye J.* The future of power. Moscow, 2014, 444 p. (In Russ.).
7. *Naumov A. O.* “Soft power”, “colour revolutions” and technologies for changing political regimes at the beginning of the XXI century. Moscow, 2016, 274 p. (In Russ.).
8. *Naumova A. Yu., Avdeev V. E., Naumov A. O.* “Colour revolutions” in the post-Soviet space. Saint-Petersburg, 2013, 164 p. (In Russ.).
9. *Beachain D.* Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan. Rethinking the ‘Coloured Revolutions’. Ed. by D. Lane and S. White. – Abingdon: Routledge, 2010. – P. 87–114. (In Eng.).
10. *Kazakpaev M.* U.S.-Kyrgyzstan: Partners in Different Divisions. *Central Asia and the Caucasus*. 2006. 3(39): 50–54. (In Eng.).
11. *Schmitt E.* Rumsfeld Stop in Kyrgyzstan Aims to Keep Access to Base. The New York Times, July 26, 2005. Available at: <https://www.nytimes.com/2005/07/26/world/asia/rumsfeld-stop-in-kyrgyzstan-aims-to-keep-access-to-base.html?searchResultPosition=51>. (In Eng.).
12. *Shishkin Ph.* In Putin's Backyard, Democracy Stirs – With U. S. Help. The Wall Street Journal, Feb. 25, 2005. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB110929289650463886> (Accessed: 8.12.2020). (In Eng.).
13. *Smith C. U. S. Helped to Prepare the Way for Kyrgyzstan's Uprising*. The New York Times, March 30, 2005. Available at: http://www.nytimes.com/2005/03/30/world/asia/us-helped-to-prepare-the-way-for-kyrgyzstans-uprising.html?_r=0. (In Eng.).

Поступила 10.12.2020.

Сведения об авторе

Наумов Александр Олегович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных организаций и проблем глобального управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Сфера научных интересов: мировая политика, «мягкая сила», «цветные революции». Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

Submitted 10.12.2020.

About the author

Aleksandr O. Naumov – Candidate of History, Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). Research interests: world politics, soft power, coloured revolutions. The author has more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-1223-9587>.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

УДК 141.1:322.24

*М. А. Елдин¹, С. И. Малоземов²*¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: eldin1974@yandex.ru*² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: semalozemov@yandex.ru*

Цезаропапизм и секуляризм в византийской и русской традиции

Введение. В обобщающей характеристике духовных творений мыслителей Руси и России рассматривается роль ортодоксального конфессионального наследия, представляется анализ социальных традиций балканских и российских народов. Разнонаправленные тенденции, с одной стороны, антиклерикальных сил, с другой – церковной общественности свидетельствуют, что актуального разрешения тема секуляризации российского общества не получила. Цель статьи заключается в рассмотрении понимания процессов цезаропапизма и секуляризма в российском обществе, историсофских и методологических последствиях данного понимания. **Материалы и методы.** В качестве теоретико-методологической стратегии исследования рассматривается интегративный подход, соединенный с историко-методологическим и философско-историческим анализом. Решение исследовательских задач обеспечивалось комплексом взаимодополняющих теоретических (анализ научной, исторической литературы, журналистских исследований по изучаемой проблеме, компартивистский анализ текстов, сопоставление, обобщение) и эмпирических (изучение и обобщение нормативно-правовых документов, рассматриваемых понятия цезаропапизма и секуляризма) методов. **Результаты исследования.** Рассмотренная модель понимания секуляризации и секуляризма в реалиях российской истории свидетельствует о вторичном, заимствованном характере данных понятий. По мнению авторов, декреты императоров Византии, Декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и церкви от школы» не соответствовали ожиданиям участников Поместного собора, которые выразили свои чаяния в документе «О правовом положении Православной российской церкви». **Обсуждение и заключение.** Ожидаемым эффектом фактического понимания процессов может стать правильно выстроенная модель государственно-церковных отношений, которая может появиться только при сбалансированном факторе разнообразных интересов акторов современной государственно-религиозной политики России. Предлагаемые положения и выводы создают предпосылки для дальнейшего изучения феноменов секуляризма и секуляризации при проектировании государственно-религиозного ландшафта недалекого будущего.

Ключевые слова: секуляризация, цезаропапизм, квазирелигия, Декрет «Об отделении церкви от государства и церкви от школы», документ «О правовом положении Православной российской церкви», логика государственно-церковных отношений, конвенционалистская и сепарационная модели государственно-церковных отношений.

Для цитирования: Елдин М. А., Малоземов С. И. Цезаропапизм и секуляризм в византийской и русской традиции // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 19–30. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.019-030.

© Елдин М. А., Малоземов С. И., 2021

Michael A. Eldin¹, Sergey I. Malozemov²

¹ National Research Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk),
e-mail: eldin1974@yandex.ru

² National Research Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk),
e-mail: semalozemov@yandex.ru

Caesaropapism and Secularism in the Byzantine and Russian Tradition

Introduction. The role of Orthodox confessional heritage and the analysis of social traditions of the Balkan and Russian peoples are considered in the generalizing characteristic of the spiritual creations of the thinkers of Rus and Russia. The multidirectional tendencies of anti-clerical forces on the one hand, and of the Church community on the other, indicate that the topic of secularization of Russian society has not received an actual resolution. The purpose of the article is to examine the understanding of the processes of caesaropapism and secularism in Russian society, as well as the historiosophical and methodological consequences of this understanding. **Materials and Methods.** An integrative approach combined with historical-methodological and philosophical-historical analysis is considered as a theoretical and methodological research strategy. The solution of research problems was provided by a complex of complementary theoretical (analysis of scientific, historical literature, journalistic research on the problem under study, comparative analysis of texts, comparison, generalization) and empirical (study and generalization of normative and legal documents of the concepts of caesaropapism and secularism) methods. **Results.** The considered model of understanding secularization and secularism in the realities of Russian history indicates the secondary, borrowed nature of these concepts. According to the authors, the Decrees of the Byzantine emperors, acts of the Council of people's Commissars "On the separation of Church from state and Church from school" did not meet the expectations of the participants of the local Council of the Russian Orthodox Church, who expressed their aspirations in the document "on the legal status of the Russian Orthodox Church". **Discussion and Conclusion.** The expected effect of the actual understanding of the processes can be a well-built model of state-Church relations, which can only appear if the diverse interests of the actors of modern state-religious policy in Russia are balanced. The proposed provisions and conclusions create prerequisites for further study of the phenomena of secularism and secularization in the design of the state-religious landscape of the near future.

Keywords: secularization, caesaropapism, quasi-religion, Decree "On the separation of Church from state and Church from school", Document "on the legal status of the Russian Orthodox Church", logic of state-Church relations, conventionalist and separation models of state-Church relations.

For citation: Eldin M. A., Malozemov S. I. Caesaropapism and Secularism in the Byzantine and Russian Traditions. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 19–30 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.019-030.

Введение

На всем протяжении истории существования отечественной культуры не теряют актуальности вопросы самоопределения народов и обществ в области нравственности. Одной из тенденций современности в отмеченной сфере выступает кризис восточно-христианского наследия на фоне интенсивной экспансии западной системы ценностей и нравственных установок.

Однако, обладая огромным потенциалом, восточное православие постепенно начало восстанавливать позиции после той духовной катастрофы, которой была гибель Византийской империи в 1453 г., когда Константинополь пал под ударами турок-османов. Востребованность и актуальность византийской святоотеческой традиции объясняется присущими ей чертами. Среди них выделяются: свобода личности, кото-

рая была уникальной в церковной истории; нацеленность на диалог с инакомыслящими, объясняемый стремлением к синергизму в чувствовании и действии.

Антиклерикальные силы также с большим энтузиазмом откликнулись на данный юбилей. Например, в Санкт-Петербурге 4 февраля 2018 г. прошел согласованный с властями одного из районов города митинг «Антиклерикализм-2018» под лозунгом «Царство церквей – царство цепей!»¹. Истоки данного закона лежат, на наш взгляд, в давних традициях процесса секуляризации, который начался задолго до 1918 г.

Секуляризация (первоначально – от латинского слова *saeculum* «век», далее в значении *saeculari(u)s* «светский, мирской») – освобождение современной западной цивилизации из-под влияния религии – пришлось на период развитого модерна (середина XVIII – середина XX в.) и часто понималась философами, политологами и социологами как процесс социальных изменений в ходе модернизации и прогресса. Как пишет философ В. Гараджа, «с точки зрения Вебера, католицизм, лютеранство, кальвинизм предстают как ступени процесса рационализации религией социальной деятельности, ведущего к “расколдовыванию мира” и означающего самоотрицание иудеохристианского типа религиозности, его обмирщение, замену религиозной картины мира научной, религиозной культуры – светской» [2]. Наиболее радикальные концепции секуляризации рисовали модель, при которой в результате неуклонного развития, экономических и социальных преобразований религия будет окончательно устранена из жизни людей. Под влиянием протестантских моделей «естественного права», «свободы совести» христианство, доминировавшее в Европе и оказывающее сильнейшее влияние

на все сферы человеческой жизни, в том числе на культуру, постепенно выводилось из сферы общественного дискурса. Еще в начале – середине XX столетия процесс секуляризации делал весьма успешную попытку свести религиозную систему христианства к неглавным, вторичным социальным институтам, а может, и вообще покончить с религией как отсталым предрассудком. Однако весьма неожиданно для многих исследователей во второй половине XX в. религия стала выбираться из искусственно созданного для нее гетто. Этот процесс продолжается и до сего дня, что позволяет говорить о наблюдающемся возрождении интереса к религии, важности религиозной идентичности человека, все возрастающей роли религиозных институций в социальной жизни общества [3, с. 41–43].

Царская власть как в Византии, так и в России выступала центром схода сил общественного напряжения. К функциям царской власти относилось снятие данного напряжения. Поэтому в русской конфессиональной культуре власть православного царя воспринимается в качестве гарантии возможного спасения после смерти. Неудивительно, что массовый характер крестьянских войн не может быть объяснен исключительно наличием социально-экономических проблем. Особую значимость представляет и ощущение потери «чувства святости» государства, окончания «освященной благодатью» жизни и наступления бездуховности, что остро ощущалось религиозными философами в начале XX столетия. Интерес к изучению национальной специфики, корням русской жизни, характерный для религиозных мыслителей того времени, поддерживался необходимостью осмысления ценностей российской государственности. Порой подобные попытки доходили до шовинистических вы-

¹ В Петербурге состоялся митинг «Антиклерикализм-2018» [Электронный ресурс] // Невские новости. – 2018. – 2 апреля. – URL: <https://nevnov.ru/531163-v-peterburge-sostoyalsya-miting-antiklerikalizm-2018>.

падов. Начиная с XVIII столетия московская соборная общественность была заменена петербургской.

Традиционно философы рассматривают антиномизм, присущий анализу русской национальной психологии. Так, Н. А. Бердяев в качестве совокупности ее факторов выделяет особенность географического положения России (между Востоком и Западом), смешение языческих верований с православием Византийской империи, а также основной корень полемики – несоединимое мужское и женское начало в русском духе и русской природе.

Поскольку светская власть в России постоянно отвлекалась от нравственного авторитета, народ черпал духовную силу, святость, связывал высший нравственный идеал с учением, жизнью, судьбой хранителя веры. Проблемы смысла человеческой жизни, абсолютной ответственности за себя, за другого, за мир в целом, борьбы со злом и многие другие – красная нить в творчестве русских мыслителей. Их философию можно назвать метафизикой любви, совести, добра. Его концентрированное выражение – фундаментальный труд В. Л. Соловьева «Оправдание добра. Моральная философия», в котором добро онтологически трактуется как высшая сущность, которая воплощается в различных формах – в истории человечества, индивидуальном бытии человека, религии церкви.

Материалы и методы

Отечественные науку и богословие традиционно волнуют не только тема взаимоотношений государственной и церковной власти в Византийской империи, но и проблема влияния этих государственно-церковных отношений на Русь (Россию). Несомненно, опыт византийской цивилизации представляет собой составную часть русской традиции, в связи с чем научно-

практическое значение представляет опыт осмысления государственно-церковных отношений Византии. Многие исследователи эту систему отношений определяют как цезаропапизм. Однако данный термин нуждается в дополнительном исследовании. Так, в энциклопедии «Русская философия» (2007) цезаропапизм определяется как такое соотношение государства и церкви, при котором государственные интересы преобладают над церковными, а государственная власть, являясь верховной, превращается в центр религии. Следовательно, царь одновременно наделен не только абсолютной светской властью, но и жреческими функциями, тем самым являясь наместником Бога на земле². Однако разделения на царскую и духовную власть в Византийской империи не существовало, ибо вся полнота власти была сосредоточена в руках императора. К тому же для России особое значение приобрела проблема секуляризма российского общества. По мнению Ф. Гайды, М. А. Елдина, Х. Йоаса, В. Цыпина, А. Рокуччи, П. Скрыльникова, И. К. Смолича, Д. А. Цыплакова, А. Щипкова, понимание цезаропапизма и секуляризма невозможно без понимания духовной области, которая представляет собой условие для преломления системы отношений между государством и церковью, в том числе в России, столь неоднозначно оцениваемой исследователями.

Использованы преимущественно методы теоретико-методологического направления: историко-методологический и философско-исторический, реализация которых во взаимосвязи с интегративным подходом обеспечивает определенный результат.

Необходимо обратить внимание, что термин «секуляризм» был введен в научный обиход английским писателем-агностиком Дж. Холиаком в 1846 г. В дискуссии с англи-

² Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина ; сост.: П. П. Апрышко, А. П. Поляков. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 674–675.

канским священнослужителем Б. Грантом, опубликованной в 1853 г. под названием «Христианство и секуляризм», Дж. Холиак выразил основную идею теории естественной морали без отсылок к понятию Бога, сакрального или любым религиозным ценностям. В дальнейшем продолжатели дела Холиака все более радикализировали понятие секуляризма, превратив его, по сути, в атеистический концепт с жестко антиклерикальной направленностью.

Не нужно думать, что Россия стала пионером в деле общегосударственной секуляризации в жестком антицерковном виде. Не менее жаркие споры о секулярности велись в Германии в 90-е гг. XIX в. в связи с реформой среднего школьного образования, а также во Франции примерно в то же время, когда в стране шла острая политическая дискуссия о принципах светской культуры и светского государства. Принятое в результате французское антиклерикальное законодательство 1905 г.³ было подвергнуто жесткой критике со стороны католического епископата по причине отказа Республики покровительствовать религии, содержать и финансировать ее (ст. 2). При этом отмечалась возможность оказания государством финансовой помощи религиозным организациям при определенных условиях. Именно данное противоречие в ст. 2 позволило французскому социологу Э. Пуля обоснованно заявить, что Республика все-таки религию признает, субсидирует, оплачивает, финансирует и освобождает от налогов⁴. В конечном счете в документах и декларациях французского католического епископата к 1925 г. было сформулировано разграничение понятий *laïcisme* как антицерковной светскости и *laïcité* как допусти-

мой в общественно-политической жизни нецерковности. Следует заметить, что оба термина уже существовали во французском языке, но католические богословы считали нужным наполнить их необходимым объемом содержания для более точного выражения мысли.

Проведя серьезный анализ темы светскости государства во Франции, профессор М. Шахов указывает: «Конституция Франции не дает никакого юридического определения принципа светскости; а само понятие “светскость” является неоднозначным» [9].

Результаты исследования

Итак, несколько важных замечаний. Во-первых, у понятия светскости нет однозначной юридической трактовки даже для Франции, где оно является одним из важнейших принципов государственного конституционного строительства. Во-вторых, принцип светскости, секулярности имеет скорее нейтральный характер, когда государство нейтрально относится к различным конфессиям, уважая плюрализм и религиозную свободу граждан. В-третьих, Закон о разделении церкви и государства от 9 декабря 1905 г. постепенно теряет значение и уходит в область неглавных, вторичных законов, «которыми пренебрегают».

В дальнейшем на уровне Римско-католической церкви принимались документы, характеризующие секуляризм как материалистическое и атеистическое мировоззрение. Так, документы II Ватиканского собора определяют, что «град земной, по праву предающийся мирским заботам, управляется по своим собственным принципам». Данное обстоятельство повышает значимость отказа от злополучного учения, которое строительство нового общества не

³ Закон Франции от 9 декабря 1905 г. о разделении церкви и государства // Понкин И. В. Светскость государства / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. – М., 2004. – С. 174–188.

⁴ *Poulat E.* La laïcité qui nous gouverne. Au nom de l'État // Documents Episcopat. Bulletin du Secrétariat de la Conférence des évêques de France, Juin 2001. – № 8/9. – P. 12–16.

связывает с религией и религиозной свободой граждан, тем самым разрушая ее⁵. Речь идет о секулярности как учении, идеологии.

Обсуждение

В религии дуализм добра и зла принимает форму святости – греха как земных воплощений этого дуализма. Под святостью русские понимают идеальный образ жизни, стремление к духовной телесности как истинной сущности существования человека. Проблема достижимости духовной телесности означает подчинение христианину язычника. Это объясняет почитание русскими «святых», для которых неприемлемо внешнее сопротивление, но внутренняя борьба с собой. Но, по большей части, русские люди не стремятся к святости, не только не стараясь, но и не желая до конца подавить в себе самое сильное языческое начало. Русский человек охотно соглашается, что каждый несет на себе «печать греха», но всегда верит в истину искупления. Протоиерей В. В. Зеньковский в работе «Принципы православной антропологии» сказал, что грех поразил природу человека, который из-за этого заболел, но грех не лишил человека его образа Божия из-за чего-то и может быть время, чтобы сбросить силу греха и войти в истину сыновства с Богом⁶. Уверенность в Божьей милости дает русскому человеку некоторую надежду на то, что его грехи будут прощены, и, следовательно, он мало думает о безупречной морали в течение жизни. Каждая империя – не только геополитическое и социальное явление, но и культурное. Это приведение мира в соответствие с тем идеалом, который свойственен тому или иному народу. Идеальные мотивы могут превалировать над другими. Организация в российском

обществе как тип общества была главным элементом политической социальной сферы российского общества.

Царственный венценосец являлся воплощением истинной духовности и нравственности, краеугольным камнем существовавшего миропорядка. При этом для России была характерна сакрализация монархической власти в православно-универсалистских категориях. Однако нетрудно заметить, что стремление дворянских и военных элит любой ценой законсервировать имперскую основу государственности привело к распаду как элит, так и империй, который лишь ускорился Первой мировой войной. Так, в России претензии высшего офицерства на сохранение статуса Третьего Рима, имевшие продолжением идеологию Белого движения в борьбе за реставрацию «единой и неделимой» империи, послужили одной из главных причин его краха. Процесс секуляризации также не протекал гладко. Первые отголоски начинающихся процессов секуляризации можно усмотреть в споре иосифлян с «нестяжателями» на рубеже XV–XVI столетий. Уже при «великом государе всея Руси» Иоанне Васильевиче III (1462–1505 гг.), в 80-е гг. XV в., вместе с ослаблением новгородской вольницы были секуляризованы (буквально – изъяты из церковной собственности и возвращены в государственную) часть монастырских земель Новгородчины. Тогда же внутри церкви остро встал вопрос о необходимости землевладения и получения церковью прибавки за счет сельскохозяйственного производства. Подобные тенденции (присвоение церковной собственности) продолжились и в последующие годы, при царе Иоанне Васильевиче (Грозном) (1533–1584 гг.). В этом

⁵ Догматическая Конституция о Церкви (Lumen Gentium). п. 36 // Документы II Ватиканского Собора. – М., 2004. – С. 120.

⁶ Русская религиозная антропология. Т. 2 : Антология / сост. Н. К. Гаврюшин. – М. : Московская духовная академия, 1997. – С. 440–441.

же ряду можно вспомнить споры между царем Алексеем Михайловичем (1645–1676 гг.) и Святейшим Патриархом Никоном о правильном понимании царско-церковных отношений и их разграничении.

При императоре Всероссийском Петре Алексеевиче Романове (1682–1725 гг.) Церковь потеряла патриаршее управление и была фактически поставлена в разряд с другими государственными ведомствами; над Церковью был учрежден новый надзирающий орган – обер-прокурор Священного синода. По словам немецкого философа Ю. Хабермаса, произошло принудительное отчуждение церковного имущества в пользу государственной власти, которую он называл «секулярной» [11, с. 12]. Особенно сильные процессы секуляризации (в значении отъема церковной собственности и земли, сокращения церковных учреждений, монастырей) происходили в царствование императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.). Подобная тенденция наблюдалась также в правление императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), когда произошло разделение монастырей на классы и значительное их сокращение. «Блистательное время» просветительских инициатив императрицы Екатерины Великой (1762–1796 гг.) было отнюдь не «блистательным» для Русской церкви. Достаточно вспомнить подписанный императрицей «Манифест о секуляризации» от 8 марта 1764 г., по которому 567 из 954 действующих монастырей подлежали ликвидации, а также было изъято из церковного владения около 9 млн га земли [7, с. 365–377].

Начало XIX в., ознаменованное Отечественной войной 1812 г. и попытками революционных потрясений, заставило государственную власть обратить большее внимание на внутренние, российские про-

блемы, в том числе проблемы взаимоотношений с Церковью. Было улучшено денежное содержание духовенства, принято положение о системе церковно-приходских школ, открыты новые духовные семинарии и академии, поддерживалась миссионерская деятельность среди так называемых малых народов Российской империи (система «просвещения инородцев» Н. И. Ильминского)⁷ и даже далеко за ее пределами (просветительская деятельность святого Николая (Касаткина) в Японии). Нужно отметить, что в дело осмысления особого пути русского православия немало внесло просвещенное монашество, поддерживаемое традициями «старчества» и «умной молитвы», возрожденными усилиями старца Паисия (Величковского). Ученики старца Паисия заново воссоздавали монашескую жизнь, совершая дела благотворительности и милосердия [7, с. 447–456]. Оглядываясь на тысячелетнюю историю России, К. Н. Леонтьев видел ее в консерватизме религиозно-нравственных институтов византийского православия защитный палладий, который спас русское общество от разрушения: «Византизм дал нам силы вынести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на Великокняжеском знамени верующие войска Димитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Московская Русь уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь» [4, с. 323].

Нужно заметить, что до трагических событий 1917–1918 гг. процесс секуляризации в России не имел явно выраженной атеистической подоплеки. Секуляризация в России, как мы уже подчеркнули выше, касалась только хозяйственных и земельных вопросов. Церковь была частью государственной системы, а православие было

⁷ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н. И. Ильминского : сборник документов и материалов / авт.-сост.: Р. Р. Исхаков, Х. З. Багаутдинова. – Казань, 2015. – 660 с.

государственным исповеданием. Подобное понимание подтверждает и статья «Секуляризация в России» из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона⁸. С этой позицией солидарен и современный итальянский историк А. Роккуччи, утверждающий, что «общество, культура и сама политика в России накануне октябрьской революции глубоко пропитаны религиозным содержанием и чувством» [5, с. 96].

События февраля 1917 г., когда случились отречение императора Николая Александровича и приход к власти Временного правительства, отчасти застали церковь врасплох. Святейший Правительствующий Синод не смог сразу определиться по отношению к Временному правительству и правильно оценить сложившуюся ситуацию. Только 9 марта 1918 г. Синод выступил с воззванием о поддержке Временного правительства⁹. При этом «7 марта Временное правительство по докладу обер-прокурора В. Львова поручило ему инициировать разработку ряда церковных реформ. Предполагалось провести приходскую и епархиальную реформы с переустройством управления “на церковно-общественных началах”». Новая революционная власть стала диктовать Синоду, епископату и всему духовенству жесткие условия дальнейшего существования Русской церкви. «Свобода Церкви» оборачивалась еще более жестким диктатом. 8 марта шесть архиепископов – членов Синода, включая Сергия (Страгородского) и святителя Тихона (Беллавина), выступили с заявлением обер-прокурору, в котором выражали протест против принятого накануне постановления Временного правительства. Архиереи напоминали о только что произнесенных словах о «свободе Церкви» и отмечали: «Св. Синод во всем

пошел навстречу этим обещаниям, издал успокоительное воззвание к российскому народу и совершил другие акты, необходимые, по мнению Правительства, для успокоения умов». Острейший конфликт между В. Львовым и Синодом закончился их полным разрывом и роспуском дореволюционного состава Синода [1].

Долго находиться в таком положении, не имея реальных органов управления, церковь не могла. Одновременно часть влиятельных митрополитов и архиепископов осознавали, что необходимо созвать Поместный собор Русской православной церкви, где наметить пути выхода из создавшейся ситуации, а возможно, и поднять вопрос об избрании патриарха. Подобная инициатива не получила сопротивления со стороны Временного правительства. Напротив, она была воспринята реформаторами-временщиками как необходимая мера по пути демократизации церковной жизни в России.

Уже в августе 1917 г. началась первая сессия Чрезвычайного Поместного собора. Собор продлился больше года, и на его фоне произошли страшные потрясения основ русской жизни: продолжалась война с Германией, закончившаяся позорным Брест-Литовским миром; провозглашение России республикой (1 сентября 1917 г.); падение Временного правительства, Октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания, издание Декрета об отделении церкви от государства и начало Гражданской войны.

2 декабря 1917 г. пленарное заседание Собора приняло определение «О правовом положении Православной российской церкви». Документ был подготовлен группой ученых, одним из которых являлся философ, богослов, общественный деятель профессор Московского университета С. Н. Булгаков.

⁸ Секуляризация в России // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфронъ. – Т. 39 (57). – СПб., 1900. – С. 332–334.

⁹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – С. 32.

В документе была выражена точка зрения Поместного собора на возможные взаимоотношения с будущим российским гражданским правительством, выбранном на Учредительном собрании¹⁰. Также в нем были заложены основные подходы к теме разграничения государственного и церковного устройства жизни, как его видели члены Поместного собора. Предлагалась конвенционалистская парадигма государственно-религиозных отношений при доминировании государственно-церковных отношений, возможно, на основе дополнительных договоренностей. Логика документа носила следующий характер. Вначале провозглашался «первенствующий публично-правовой статус церкви». Следующим пунктом определялась самостоятельность церкви в вопросах догматического, канонического, вероучительного и богослужебного характера. Далее указывалось на необходимость со стороны государства признавать внутренние распоряжения и узаконения церкви, а также высказывалось требование, чтобы государственные законы, касающиеся церкви, не издавались без согласования с нею. Одиннадцатый пункт предполагал, что государство обязано защищать церковные святыни и священнослужителей от осквернения и оскорбления. Далее говорилось, что церковь не готова отказаться от темы духовного просвещения и воспитания детей и молодежи – восемнадцатый и девятнадцатый пункты предполагали помощь со стороны государства образовательным учреждениям, созданным церковью, а также сохранение предмета «Закон Божий» в обязательной образовательной программе. В двадцатом и двадцать первом пунктах определялась деятельность церкви в армейских институтах. В пунктах с двадцать второго по двадцать пятый пояснялось, как члены Поместного собора видят юридические и экономические основы взаимодействия

между церковными «установлениями» (в контексте документа – учреждениями) и государственными институтами. Контекст документа обращал его к единственно легитимной форме власти на тот момент – Учредительному собранию – и совершенно не считался со стремительно развивающимися событиями по узурпации государственной власти большевиками. Конечно, большевистское правительство и не собиралось обращать серьезного внимания на этот документ, созданный странной структурой из «попов и царских прихлебаев».

Уже 6 января 1918 г. Учредительное собрание будет разогнано, а 2 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров примет Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», ставший на 70 лет основой государственной политики в отношении религиозных организаций России. Декрет был подготовлен петроградским священником М. Галкиным [6]. После его опубликования стало понятным, что в проекте нового социалистического государства для церкви места нет. Ожиданиям Поместного собора не суждено было сбыться.

Декрет лишил церковь функций в государственном аппарате и вывел из сферы образования, а все имущество, принадлежавшее религиозным организациям, было национализировано.

Еще в начале декабря 1917 г. по инициативе Совета народных комиссаров была создана специальная комиссия, которая занялась разработкой Декрета об отделении церкви от государства. В конце месяца, когда проект декрета был опубликован, митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) предостерег большевистское руководство от принятия документа в таком виде. Он писал: «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу... Считаю своим нрав-

¹⁰ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. – Вып. 1–4. – М. : Новоспасский монастырь, 1994. – С. 6–8.

ственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта об отобрании церковного достояния»¹¹. Возникла угроза распада религиозного единства, выступавшего в качестве благоприятного условия для интеграции в русскую жизнь и других народностей Российской империи [8, с. 118].

Документ радикально демаркировал церковно-государственные отношения, ни о каком конвенционализме уже не могло идти и речи. Единственно возможная позиция государства по отношению к религиозным учреждениям – жестко сепаратистская, отделительная. Так, в ст. 1 провозглашалось: «Церковь отделяется от государства». Заметим, что даже в законе Франции от 9 декабря 1905 г., который, возможно, являлся для большевистского руководства образцом для подражания, такого радикального отделения не провозглашалось.

Далее в документе последовательно подчеркивалось, что в государственных и общественных учреждениях отменяются религиозные обряды и церемонии. Властям предписывалось допускать свободу исполнения религиозных обрядов только в том случае, если они не нарушали общественный порядок. Иными словами, категория «общественного порядка» стала доминировать в дихотомии «исполнение религиозного обряда» – «общественный порядок». Декрет отменял религиозную клятву в государственных и общественных учреждениях и заменял ее торжественным общенародным обещанием.

Задумки членов Поместного собора о возможности сохранения учебного курса «Закона Божия» были развеяны в прах девятой статьёй Декларации, которая запрещала

«преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы». Оговаривалось, что «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом»¹², но это не спасало ситуацию в целом. Документ устанавливал, что церковь не только не сможет получать какие-либо привилегии перед другими религиозными организациями, но, лишаясь государственных субсидий и помощи местных органов власти, переводится в разряд «частных обществ и союзов» без прав юридического лица. Неслыханное унижение! Фактически объявление церкви и любой ее структуры вне закона – вот что читалось сквозь скупые строки декларации. Современный социальный философ Х. Йоас такое отношение государства к церкви называет «коммунистической принудительной секуляризацией, которая являла собой пример политики насильственной маргинализации религии, а также навязывания секуляризма, т. е. нерелигиозных взглядов [12]. Итак, новое социалистическое государство с первых дней советской власти не просто выбрало сепаратистскую модель государственно-церковных отношений, оно заняло открыто враждебную, антиклерикальную позицию. Был взят курс на уничтожение церкви как общественного института и истребление священства как враждебного класса. Секуляризм, по словам российского философа А. Щипкова, представляет угрозу современному миру, ибо в период господства секуляризма «человечество пережило несколько кровавых революций, две мировые войны» [10], что актуально и для России. Очевидно, что традиционная религия, базовые религиозные ценности так и не были вытеснены экспансией секуляри-

¹¹ Цит. по: История Русской церкви : в 9 кн. – Кн. 9 : 1917–1997 / протоиерей Владислав Цыпин. – М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С. 49.

¹² Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 2 февраля (20 января) 1918 г. [Электронный ресурс] / Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>.

ма из системы культуры, что свидетельствует о кризисе секуляристских доктрин.

Заключение

Русский народ ценит церковь по двум причинам. Во-первых, она обеспечивает ему реализацию принципа соборности в служении Господу (отсюда – соборность как духовное единство членов церкви). Во-вторых, она не нарушает, а, наоборот, поддерживает обрядовые традиции русской культуры, сохранившиеся со времен языческой Руси. В XX столетии русские православные люди не отвергли хода истории с ее бурными вихрями. Время современности не смогло подчинить их. Опираясь на при-

сущий русскому религиозному человеку более привычный исторический и религиозный опыт, выбор был сделан в пользу времени литургии.

Освобождение от радикального понимания секуляризма как наследия атеистического прошлого – значимая задача как для верующих, так и для неверующих исследователей, ищущих гармоничные подходы в построении солидарного и справедливого российского общества. При этом необходимо использовать опыт понимания современных процессов секуляризации, десекуляризации и постсекуляризма, характерные для современной Центральной и Западной Европы.

Библиографический список

1. *Гайда Ф.* Февральская революция. Почему церковь поддержала Временное правительство [Электронный ресурс]. – М., 2013. – URL: <https://pravoslavie.ru/59859.html>.
2. *Гараджа В. И.* Вебер [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия / сост.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». – М., 2014. – URL: <http://religion.niv.ru/doc/encyclopedia/orthodox/articles/1351/veber.htm>.
3. *Елдин М. А.* Византийская константа духовных традиций российского и финно-угорского типа культур и современность // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2013. – № 4 (24). – С. 34–44.
4. *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. Т. 7. Кн. 1 : Публицистика 1862–1879 годов. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – 560 с.
5. *Рокучи А.* Размышления о пост-секулярном обществе и о секуляризации в истории России в новейшее время // ЧЕЛОВЕК.RU. – 2012. – № 8. – С. 94–99.
6. *Скрыльников П.* Как церковь отлучали от управления государством. Большевицкий антиклерикальный декрет подготовил священник [Электронный ресурс] // НГ-Религии. – 2018. – 17 января. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-01-17/13_435_dekret.html.
7. *Смолич И. К.* Русское монашество, 988–1917. – М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997. – 607 с.
8. *Цыплаков Д. А.* «Культурный код» и секуляризация в России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 116–121.
9. *Шахов М.* Объединения религиозного характера в современной Франции [Электронный ресурс]. – М., 2017 / Московская Сретенская духовная семинария. – URL: <http://sdsmp.ru/news/p3456/>.
10. *Щинков А.* Религиозность и кризис идеологии секуляризма. [Электронный ресурс]. – М., 2016 / Всемирный русский народный собор. – URL: <https://vrns.ru/analytics/4182>.
11. *Habermas J.* Glauben und Wissen. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 57 s.
12. *Joas H.* Wellen der Säkularisierung // Kühnlein M., Lutz-Bachmann M. Unerfüllte Moderne?: Neue Perspektiven auf das Werk von Charles Taylor. – Frankfurt am Main, 2011. – S. 716–729.

References

1. *Gayda F.* The February revolution. Why did the Church support the Provisional government. *Pravoslavie.ru* = Pravoslavie.ru. 2013. (In Russ.).
2. *Garadzha V. I.* Weber. *Pravoslavnaia jenciklopedija* = Orthodox encyclopedia. 2014. (In Russ.).

3. *Eldin M. A.* The Byzantine constant of spiritual traditions of Russian and Finno-Ugric cultures and modernity. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovanii* = Russian Journal of the Humanities. 2013; 4(24): 34–44. (In Russ.).
4. *Leontiev K. N.* Complete works and letters. Vol. 7. Book 1: Journalism of 1862–1879. St. Petersburg, 2005, 560 p. (In Russ.).
5. *Rokucci A.* Reflections on post-secular society and the secularization in the history of Russia in modern times. *Chelovek.RU* = Human.ru. 2012; 8: 94–99. (In Russ.).
6. *Skrylnikov P.* How the Church was excommunicated from government. The Bolshevik anti-clerical decree was prepared by a priest. 2018. (In Russ.).
7. *Smolich I. K.* Russian monasticism, 988–1917. Moscow, 1997, 607 p. (In Russ.).
8. *Tsyplakov D. A.* “Cultural code” and secularization in Russia. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = The Humanities and Social Studies in the Far East. 2016; 1(49): 116–121. (In Russ.).
9. *Shakhov M.* Association of a religious nature in modern France. *Moskovskaja Sretenskaja duhovnaja seminarija* = Moscow Sretensky theological Seminary. Moscow, 2017. (In Russ.).
10. *Shchipkov A.* Religiosity and the crisis of secularism ideology. *Vsemirnyj russkij narodnyj sobor* = World Russian people's Council. Moscow, 2016. (In Russ.).
11. *Habermas J.* Glauben und Wissen. Frankfurt am Main, 2001, 57 s. (In Germ.).
12. *Joas H.* Wellen der Säkularisierung. Kühnlein M., Lutz-Bachmann M. Unerfüllte Moderne?: Neue Perspektiven auf das Werk von Charles Taylor. Frankfurt am Main, 2011: 716–729. (In Germ.).

Поступила 27.11.2020.

Сведения об авторах

Елдин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: религиозная философия, византология. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-0814>.

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Малоземов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – аграрная политика России в условиях постсоветской трансформации. Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-2256>.

Submitted 27.11.2020.

About the authors

Mikhail A. Eldin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: religious philosophy, byzantology. The author has more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-0814>.

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Sergey I. Malozemov – Candidate of History, Associate Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev State University (Saransk, Russia). Research interests: agricultural policy of Russia in the post-Soviet transformation. The author has more than 70 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6070-2256>.

E-mail: semalozemov@yandex.ru

УДК 792(=411.16)(476)

В. Ф. Батяев*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь), e-mail: batyaev.41@mail.ru*

Театральное искусство евреев Беларуси

Введение. Важное место в жизнедеятельности евреев Беларуси занимает духовная культура. Ее значимым компонентом является искусство, в том числе театральное. В Беларуси с XVI в. действуют множество различных еврейских театральных объединений, однако их изучению до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. В этнологической литературе по этой проблеме специальных работ нет. В то же время анализ процесса их создания, репертуара и деятельности, определения форм и структуры представляет большой научный интерес и имеет важное практическое значение. **Методы исследования.** В исследовании еврейских театральных объединений Беларуси применен структурный метод, который позволил выявить их формы (кружки, антрепризы, студии, театры) и структуру. Для рассмотрения процесса создания театральных объединений, деятельности в различные исторические периоды востребован сравнительно-исторический метод. Использован также функциональный метод, с помощью которого выяснены функции театральных объединений. **Результаты исследования.** На основе проанализированной научной литературы рассмотрен процесс создания еврейских театральных объединений Беларуси, выявлены их формы, структура, выяснены драматургия и деятельность в различные исторические периоды. Охарактеризованы также театральные объединения, которые использовали в постановках произведения современной и классической драматургии, впитавшие в себя лучшие черты еврейской культуры на белорусской земле, широко обращались к еврейской литературе, дали жизнь первым пьесам многих авторов. **Обсуждение и заключение.** В результате проведенного исследования раскрыто, что театральное искусство евреев Беларуси начало развиваться с XVI в., а репертуар еврейских театральных объединений: кружков, антреприз, студий и театров – состоял в основном из еврейской классической и советской драматургии, западноевропейских комедий. Ставили также высокую трагедию, водевиль и оперетту. Для постановок этих объединений характерно стремление к ярким стилизованным народным зрелищам с острой сатиричностью, гротесковостью, буффонадой, карнавальностью. Еврейское театральное искусство внесло заметный вклад в культуру евреев. Оно способствовало идейно-эстетическому и интернациональному воспитанию народа.

Ключевые слова: Беларусь, драматург, евреи, коллектив, кружок, пьеса, режиссер, спектакль, студия, сцена, театр, группа.

Для цитирования: Батяев В. Ф. Театральное искусство евреев Беларуси // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 31–47. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.031-047.

Благодарность: Автор выражает благодарность эксперту академику НАН Беларуси А. И. Локотко и рецензенту доктору исторических наук, доценту И. И. Калачевой за внимательное прочтение работы и ценные замечания.

© Батяев В. Ф., 2021

Theatrical arts of Jews in Belarus

Introduction. Spiritual culture occupies an important place in the life of the Jews in Belarus. Its important component is art, including theatrical. In Belarus since the 16th century there are many different Jewish theatrical associations, but they have not been sufficiently studied to date. There are no special works on this problem in the ethnological literature. At the same time, the analysis of the process of their creation, repertoire and activity, determination of forms and structure is of great scientific interest and is of great practical importance. **Research Methods.** The structural method was applied for studying Jewish theater associations in Belarus. This method allowed to identify their forms (clubs, enterprises, studios, theaters) and structure. To consider the process of creating theater associations, activities in different historical periods, the comparative-historical method was applied. The functional method was also used, with the help of which the functions of theatrical associations were clarified. **Results.** On the basis of the analyzed scientific literature, the article examines the process of creating Jewish theatrical associations in Belarus, identifies their forms, structure, clarifies the drama and activities in various historical periods. Theatrical associations are also characterized, which used in their performances works of modern and classical drama, which absorbed the best features of Jewish culture on the Belarusian land, widely turned to Jewish literature, staged the first plays of many authors. **Discussion and Conclusion.** As a result of the study, it was revealed that the theatrical art of the Jews of Belarus began to develop in the 16th century, and the repertoire of Jewish theatrical associations (clubs, enterprises, studios and theaters) consisted mainly of Jewish classical and Soviet drama, Western European comedies. They also staged a high tragedy, vaudeville and operettas. The performances of these associations are characterized by a striving for bright stylized folk shows with sharp satirism, grotesque, buffoonery, carnivalism. Jewish theatrical art has made a notable contribution to Jewish culture. It contributed to the ideological, aesthetic and international education of the people.

Keywords: Belarus, playwright, Jews, team, club, play, director, performance, studio, stage, theater troupe.

For citation: Batsiayev V. F. Theatrical arts of Jews in Belarus. *Gumanitarniy : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 31–47 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.031-047.

Acknowledgements: The author is grateful to the expert, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus A. I. Lokotko and the reviewer Doctor of Historical Sciences, Associate Professor I. I. Kalacheva for careful reading of the manuscript and helpful remarks.

Введение

На современном этапе развития общества роль духовной культуры и ее важного компонента – искусства, в том числе театрального, в жизнедеятельности этноса возрастает. Театральное искусство как форма общественного сознания глубоко и правдиво раскрывает сложность внутреннего мира человека, его общественные устрем-

ления, художественно отражает жизнь этноса посредством драматических действий, утверждает определенные идеи, мировоззрения, идеологии. Оно имеет важное значение в деле эстетического, нравственного и политического воспитания людей. Театральные объединения евреев в Беларуси действуют с XVI в., однако их изучению уделялось недостаточное внимание.

Обзор литературы

Имеются лишь некоторые сведения в многотомной истории советского драматического театра¹, а также разделы театроведов М. Колодинского, К. Кузнецовой и Р. Смольского в коллективной монографии [5–7], в которых в 60-е и 80-е гг. XX в. рассмотрена история создания и деятельность Государственного еврейского театра БССР (БелГОСЕТ). В монографии философа А. Я. Скира, изданной в 90-е гг. XX в., есть краткие сведения о деятельности отдельных любительских театральных коллективов евреев Минска и БелГОСЕТ [11]. В 2000 г. театровед А. Г. Герштейн опубликовал монографию [2], в которой содержатся сведения об истории создания и деятельности различных еврейских театральных объединений и БелГОСЕТе. В сборнике, составленном историком Э. Г. Иоффе и писателем Г. Л. Релес² и опубликованном в том же году, имеются краткие сведения о появлении в XVI в. первых народных театральных представлений в Беларуси. В начале XXI в. в работах исследователей истории и культуры евреев Т. А. Вашкевич, Э. Г. Иоффе, А. Кагановича, В. М. Лившица, А. М. Подлипского, А. Я. Розенберга, В. М. Цыпина и А. Л. Шульмана [1; 3; 4; 8–10; 12–14] содержались краткие сведения о создании и деятельности отдельных театральных объединений в различных населенных пунктах Беларуси в конце XIX – 30-е гг. XX в., а в сборнике, составленном А. Литиным и

И. Шендаровичем³, есть данные о создании и деятельности Могилевского еврейского самодеятельного драматического театра «Шалом». В этнологической литературе по этой проблеме работ нет. В то же время анализ процесса создания, репертуара и деятельности, определения форм и структуры еврейских театральных объединений в Беларуси представляет значительный научный интерес и имеет важное практическое значение.

Методы исследования

В исследовании еврейских театральных объединений Беларуси применен структурный метод, который позволил выявить их формы (кружки, антрепризы, студии, театры) и структуру. Для рассмотрения процесса создания театральных объединений, деятельности в различные исторические периоды востребован сравнительно-исторический метод. Использован также функциональный метод, с помощью которого выяснены функции театральных объединений.

Результаты

Народная драма как жанр в творчестве евреев Беларуси появилась в XVI в. На ее возникновение оказало влияние окружающее нееврейское население. Она действовала только в общинах, живших среди народов с давними традициями сценического искусства. В условиях господства религиозных предписаний в еврейской жизни народные театральные представления проходили только во времена празднования Пурима,

¹ История советского драматического театра : в 6 т. / АН СССР. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР ; [Ред. коллегия А. Анастасьев и др.]. – М. : Наука, 1966–1971. – Т. 2 : 1921–1925 / отв. ред. К. Л. Рудницкий. – 1966. – 474 с. ; Т. 3 : 1926–1932 / отв. ред. М. Н. Строева. – 1967. – 613 с. ; Т. 4 : 1933–1941 / авт. А. Анастасьев, А. Гозенпуд, В. Зингерман [и др.]. – 1968. – 696 с. ; Т. 5 : 1941–1953 / авт. И. Вишневская, А. Гозенпуд, Е. Перегудова [и др.]. – 1969. – 736 с.

² Лехаим! Из еврейского фольклора / сост. Э. Г. Иоффе, Г. Л. Релес. – Минск : Ураджай, 2000. – 383 с.

³ История Могилевского еврейства. Документы и люди. – 2002 – 2011. – Кн. 2 : в 3 ч. Ч. 3 : Возрождение общинной жизни и традиций благотворительности / [сост. : А. Литин, И. Шендарович]. – Минск : ЮНИПАК, 2011. – 515 с.

когда отменяли галахический запрет на ряжение в платье противоположного пола и на маски. Празднование предусматривало и карнавализацию проведения: поощрение обычно недопустимого пьянства, шуточные переделки священных текстов, которые нередко читал «пуримский раввин», и т. п. В этой обстановке стали возможными и пародии на проповеди бадханов (ведущих традиционной еврейской свадьбы), и смесь набожности с богохульством в пуримских представлениях – пуримшпиль⁴.

В последующее время, с ослаблением влияния раввина на общественную жизнь, стали создавать любительские драматические кружки. В конце XIX – начале XX в. в Калинковичах участники такого кружка периодически ставили несложные одноактные пьесы на иврите и идише. В начале XX в. еврейские любительские драматические кружки существовали почти в каждом местечке Гродненщины. По традиции, идущей от пуримшпилей, драматические представления часто сопровождалась музыкой; также был популярен жанр оперетты. В Лиде пуримшпильеры (артисты) на театрализованные представления надевали высокие картонные красочные шляпы и мечи. В тот же период еврейские театральные деятели, не имея своих театров, держали антрепризу и ставили еврейские спектакли в городских театрах Минска, Витебска, Могилева и других городов Беларуси. В Минском зале «Париж» периодически выступала еврейская труппа «Интимный театр» под руководством Л. Лихтермана. Успешно работали в Гомеле еврейские труппы под управлением М. Л. Гефнера, И. Ф. Коневского и А. Фишзона. В годы Первой мировой войны любительская театральная труппа Речицы поставила пьесу «Яков – кузнец»;

на вырученные деньги (около 300 руб.) пошили 500 пар белья и столько же кисетов с подарками для солдат [1, с. 244; 3, с. 120, 164; 4, с. 201; 10, с. 133; 11, с. 30].

В конце XIX – начале XX в. действовали также передвижные еврейские труппы. Среди них были труппы, возглавляемые мастерами, которые подбирали исполнителей и репертуар. Были и труппы, где работали актеры средних творческих возможностей, а также малохудожественные коллективы, которые объезжали небольшие местечки, малые деревни, нередко приглашая для исполнения эпизодических ролей местных жителей – любителей театра. В городах Беларуси работала со своим театром реформатор еврейской сцены Э.-Р. Каминская. Начало ее творчества датируется 1892 г. Она исполняла роли простых еврейских женщин, стремилась к созданию профессиональной труппы и серьезного высокохудожественного репертуара. Обращалась к классическому наследию и лучшим современным пьесам, основала и возглавила «Литературную труппу». Театры, в том числе коллектив Э.-Р. Каминской, играли всё – драму и оперетту (последнее в связи с тем, что сочетание драматического и музыкального искусства – одна из значительных особенностей еврейского театра). Здесь ставили трагедии и комедии, шел еврейский и переводной репертуар. Чаще всего это были литературные поделки, нередко сочиненные членами труппы. Они несли в глухие местечки подлинное искусство театра, высокое слово писателей-классиков – Шолом-Алейхема, И. Переца, М. Горького, У. Шекспира, Ф. Шиллера [2, с. 7, 8].

С первых лет советской власти в Беларуси существовали любительские и полупрофессиональные еврейские драматические студии и кружки. Многие театральные

⁴ Лехаим! Из еврейского фольклора. – С. 11.

труппы были передвижными, часто менявшими состав, группированный, как правило, вокруг одного-двух наиболее талантливых актеров⁵. В ноябре 1918 г. при Обществе им. И. Переца в Витебске создан драматический коллектив, возглавляемый режиссером И. П. Миндлином. Сначала он назывался «драматическим кружком», а затем «Еврейской студией при Обществе им. И. Переца». Для дебюта были избраны две пьесы Я. Гордина. Спектакль «Сатана» был поставлен 16 декабря 1918 г., «Сиротка Хася» – 13 января 1919 г. Двадцать первого февраля в Пролетарском клубе поставлен спектакль «Отец и сын» по работе С. Ан-ского. В конце марта 1919 г. состоялись четыре премьеры, в том числе спектакли «Сила правды» Я. Гордина, «Июль» П. Гиршбейна, «Мазлтов» Шолом-Алейхема; режиссером был И. П. Миндлин. Затем поставлены спектакли «Путь к свободе» Я. Шейндлина, «Их четверо» Г. Запольского, «За океаном» Я. Гордина и др. Театральными подмостками были Городской театр, Пролетарский клуб, Дом просвещения. Еврейские драматические кружки были созданы и при Втором Витебском губернском показательном театре, Союзе коммунистической молодежи (СКМ), Витебском губернском комитете по еврейским национальным делам и др. Самодеятельные артисты еврейского драматического кружка при СКМ в 1919 г. поставили спектакль «Вечный странник» О. Дымова. Режиссером-постановщиком был С. Фейгельсон. Автором другой постановки – «Путь к свободе» – является рабочий Я. М. Шейнин. Создателями и руководителями кружка были Р. Д. Израйлов и И. Х. Зингерович, которые в мае 1920 г. организовали собственную драматическую студию при губкоме по еврейским делам. Еврейские драматические

кружки в тот период действовали и в других городах и местечках Беларуси. В 1919 г. драматический кружок существовал в Мстиславле. С 1920 г. театральные постановки ставил еврейский литературно-драматический кружок им. Шолом-Алейхема при уездном профбюро в Горках [8, с. 98; 9, с. 93, 95; 12, с. 148].

В 20-30-е гг. XX в. количество еврейских драматических студий и кружков в Беларуси значительно возросло. В те годы в Новогрудке действовал любительский театр. В первой половине 20-х гг. XX в. в клубах, летних садах, школах Минска, Витебска в других населенных пунктах работали драмкружки, гастролировали театральные труппы. Их репертуар в основном состоял из еврейской драматургии, западноевропейских комедий и оперетт. Из драматургов наиболее популярными были Шолом-Алейхем, А. Гольдфаден, Ш. Аш, С. Ан-ский. Драмкружки ставили пьесы и инсценировки. В Минске большим успехом пользовался спектакль «Эс фидлт нит» («Не играет скрипка», т. е. не везет) по пьесе Шолом-Алейхема, поставленный в клубе кустарей; «Степеню» того же автора – в «Саду пищевиков» в Минске. В 1921 г. в Витебске и Минске делали попытки создать еврейские профессиональные театры. В Витебске в начале мая объединили все еврейские драматические студии и группы в еврейский театр, который получил статус государственного и финансировался из государственного бюджета. После перевода всех художественных учреждений на самокооперацию театр прекратил существование. В то же время не удалось создать еврейский профессиональный театр и в Минске. В 1922 г. за создание театра взялся актер и режиссер М. Рафальский. Он основал кружки художественного слова, драматические

⁵ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 2 : 1921–1925. – С. 431.

коллективы, наиболее значительные – при комсомольском клубе. Здесь ставили постановки по произведениям И. Переца, пьесы Э. Ростана («Два Пьеро»), Г. де Мопассана («В порту»), Г. Гауптмана («Затонувший колокол»). М. Рафальский имел свою концепцию актерской игры: в актере осуществляется единство духовного и физического (телесного, материального); без этого единства немислима не только театральная культура, но и культура в целом. Все в актере: его тело, движения, мимика, интонация, взгляд, голос, пауза – одухотворено, является носителем, выразителем душевных связей актера со зрителем. В феврале 1922 г. М. Рафальский собрал небольшую труппу из 16–17-летних еврейских ребят, отмеченных драматическим талантом. Эту группу вместе с М. Рафальским Белорусский институт культуры командировал на учебу в Москву на четыре года, где ее включили в состав студии Белорусского драматического театра в качестве еврейской секции. В Москве студийцы не только овладели профессией, но и выучились осмысливать явления искусства в контексте времени, приобщились к сокровищам мировой культуры. К концу учебы в студии насчитывалось 35 чел. Они составляли основной костяк будущего театра. Первой студийной работой стала «Песнь песней» Шолом-Алейхема, затем – «Луна рассказывает» И. Переца и «Хедар» Шолом-Алейхема и И. Переца⁶. Из этих работ более совершенной была постановка «Хедар». Все три спектакля ставил М. Рафальский. Много внимания уделяли пластическому рисунку мизансцены внешней выразительности. В мае 1922 г. в Витебске еврейская труппа, ликвидированная в 1921 г. из-за отсутствия средств финансирования, возобновила

спектакли. Она была пополнена новыми силами, улучшила репертуар, в который вошли «Отец» А. Стриндберга, «Привидения» Г. Ибсена, «Кандида» Б. Шосо, инсценировка «Рассказы о семи повешенных» Л. Андреева и др. Эта труппа при Втором гостеатре существовала несколько лет. В 1924 г. еврейские драмкружки были созданы при клубе им. Хайкина и при клубе кустарей. Последний возглавил режиссер Беккер, насчитывалось почти 20 участников. Он поставил пьесу С. Ан-ского «Отец и сын», затем – «Дер провокатор». В Лиде в тот период работали пять драмкружков. В середине 20-х гг. XX в. в Ушачах действовал еврейский драматический кружок [2, с. 9; 5, с. 249, 250; 9, с. 93, 97, 98; 10, с. 179, 259; 11, с. 118, 119; 13, с. 125].

Во второй половине 20-х гг. XX в. еврейская студия во главе с М. Рафальским в Москве показала спектакли «Скапен» («Проделки Скапена») по пьесе Мольера, «Ин полиш офн кейт» («На покаянной цепи») И. Переца, «Шейлок» У. Шекспира, «Шулямис» А. Гольдфадена и др.⁷ В 1926 г. студийцы после выпускных экзаменов прибыли из Москвы в Минск, 15 октября впервые выступили на сцене Первого Белорусского государственного драматического театра. Двадцать первого октября состоялось торжественное открытие Белорусского государственного еврейского театра (БелГОСЕТ). В 1933 г. театр получил здание закрытой хоральной синагоги. Репертуар театра был подготовлен еще в студии: «На покаянной цепи» И. Переца, «Шейлок» («Венецианский купец») У. Шекспира, «Праздник в Касриловке» по Шолом-Алейхему, «Происки Скапена» Мольера. Художественным руководителем был М. Рафальский. Материал студии также

⁶ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 2 : 1921–1925. – С. 443.

⁷ Там же. – Т. 3 : 1926–1932. – С. 564, 565.

стал основой для создания праздничного народного представления, как бы организованного народными умельцами, самодеятельными актерами (пуримшпилерами). В дни праздника Пурим показывали инсценировки на библейские темы (об Эсфири, разоблачившей злые козни временщика Амана и спасшей еврейский народ от уничтожения). Пуримшпилер – один из источников образования еврейского народного театра [2, с. 16, 17–19, 21; 5, с. 250; 11, с. 119].

В своем становлении БелГОСЕТ прошел этапы, общие для советского многонационального театра, но это не исключало его особенности, отличительности. Актеры и режиссеры постоянно жили в атмосфере поисков, экспериментов, новаций, характерных для театров 20-х гг. XX в. Элемент эклектичности – зрительный облик постановки, довольно очевидный в стилистике спектаклей. Так, в постановке «На покаянной цепи» И. Переца (режиссер М. Рафальский, художник И. Рыбак, композитор А. Крейн)⁸ воспроизведена во всей ограниченности и косности культура еврейского местечка. В центре спектакля трагическая судьба человека – жертвы религиозного фанатизма и аскетизма. Ешиботник (семинарист) осмелился полюбить девушку, что запрещалось религиозными догмами. За это его покарали – посадили на цепь для покаяния [6, с. 565; 10, с. 251].

Для первых постановок еврейского театра характерно стремление к ярким стилизованным народным зрелищам с острой сатиричностью, гротесковостью, буффонадой, карнавальностью. В этом смысле показательным был спектакль «Праздник в Касриловке» (режиссер А. Дикий, художник

И. Рабинович)⁹. Показана ссора двух богатеев, которые в праздник Пурим вместо подарков получили тарелки. Действие было насыщено народными песнями, танцами, которые органично вплетались в ткани произведения. В последнем действии целиком воспроизводился народный праздник Пурим [5, с. 251].

В активе театра был еще один спектакль – «Плутни Скапена» Мольера¹⁰. В постановке были введены интермедии. Пародировали репертуар и исполнительское искусство дореволюционного театра, действовали персонажи старых еврейских оперетт – Семке Лец (П. Вольпина), Хацкеле Колбойник (М. Альтмана), Малкеле-солдат (И. Рубанова), Рейзеле дем ребнс (И. Берковская) [2, с. 20; 5, с. 251].

В первом театральном сезоне репертуар был в основном связан вчерашним днем местечковой еврейской действительности. Необходимо было как можно быстрее ликвидировать тематическую ограниченность, пополнить репертуар новыми произведениями. Изменения, произошедшие в стране, требовали обстоятельного художественного осмысления в судьбе людей. В результате установления дружеских контактов с писателями репертуар театра пополнился современными пьесами. Поворотным моментом стала постановка пьесы А. Вевьюрки «Ботвин» (режиссер М. Рафальский, художник А. Тышлер)¹¹. Премьера прошла в декабре 1928 г. Актерам впервые требовалось воплотить на сцене реально существующих людей. В основу сюжета положен действительный факт – убийство провокатора Цехновского польским рабочим-революционером Нафтоли Ботвиным, который заплатил

⁸ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 3 : 1926–1932. – С. 565.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 566.

за это собственной жизнью. Основное внимание концентрировалось на раскрытии его духовной величины, морального перевеса и идейной убежденности. Многие эпизоды определялись эмоциональной насыщенностью, метафоричностью. Особое впечатление производила сцена в дефензиве: во время допроса Ботвина в городе проходила демонстрация протеста [2, с. 25; 5, с. 252, 253; 11, с. 120]. В том же году театр показал новую работу – драматургическую поэму А. Кушнирова «Гирш Лекерт» (режиссер М. Рафальский). В пьесе рассказывалось о виленском рабочем Гирше Лекерте, который покушался на губернатора фон Валя, организатора пыток политических узников в виленской тюрьме¹².

Новая драматургия расширила репертуарный диапазон театра, способствовала разработке его художественной методики. Театр в своей работе руководствовался принципом: прежде чем принять решение, как играть, нужно решить, что играть. Он добивался правильного использования лучших произведений культурного наследия прошлого. Такой подход к формированию репертуара был основным в деятельности театра. На сцене в те годы шли «Глухой» Д. Бергельсона (режиссер М. Рафальский, художник А. Тышлер)¹³, «Борьба машин» Ц. Долгопольского (режиссеры М. Рафальский и В. Головчинер, художник А. Лобас), «Гоп – ля. Мы живем!» Э. Толера (режиссер Б. Норд, художник А. Лобас) и др.¹⁴ В спектакле «Глухой» показан непримиримый спор хозяев и угнетенных рабочих, резко обличалось безнравственное состояние общества. В 1929 г. при театре была создана драматическая студия,

которая показывала свои работы в разных районах республики [2, с. 23, 34, 39; 5, с. 253; 11, с. 120, 121].

В конце 20-х гг. XX в. театр вернулся к пьесе Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»)¹⁵. В этой работе коллектив театра пытался найти духовную сущность с новым временем. Этот спектакль поставлен режиссером Л. Литвиновым. Он утверждал идею величия и непобедимости народа. Герой спектакля – народ. Сущность конфликта – борьба крестьян с властью феодалов. Значительную смысловую нагрузку несли массовые сцены. Народ в спектакле не безликий. Для каждого персонажа была определена конкретная задача. На сцене разворачивались картины тяжелой жизни маленькой горной испанской деревеньки. Занятие крестьян – плетение корзин – подсказал художнику в театре А. Тышлеру образ спектакля. Сцена представляла собой большую плетеную корзину, и через ее прутья ярко светило солнце. К стенам корзины на разной высоте были прикреплены деревянные площадки – балкончики, которые служили одновременно местом действия. На задней стене корзины – большая площадка с приступками на сцену. Красочность массовых сцен, песни и танцы крестьян создавали атмосферу эмоциональной насыщенности. Все время господствовало ощущение, что народ, который так тяжело работает, не может больше терпеть угнетение, порабощение, оскорбления. Кульминацией в решении конфликта стала исповедь – призыв Лавренсии. Бледная, с распущенными волосами, в разорванном платье появляется она перед односельчанами. Медленно переводит взгляд с одного

¹² История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 3 : 1926–1932. – С. 567.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – Т. 4 : 1933–1941. – С. 640.

¹⁵ Там же. – Т. 3 : 1926–1932. – С. 566.

на другого, словно стремится каждому заглянуть в душу. Слова, как тяжелые камни, падали в молчаливую толпу: «Овечки вы, а не мужчины. Видно, названа деревня Фуэнта Овехуной не зря». Протягивая руки, она начинала медленно спускаться, а гневные слова, проникнутые горечью, падали и падали в толпу. Когда она останавливалась на ступеньках, крестьяне наклонялись к ней, затем снова выправлялись. Как будто волны пробежали по толпе. Голос Лавренсии усиливался. Чувство ненависти и унижения, достоинства и силы переполняли ее. Последние слова девушки: «Взять оружие нужно мне», – перекрывались сильным возгласом крестьян. Вверх поднимался лес рук с пиками, топорами. В спектакле запомнился и Франдоса, простой крестьянский парень. Спектакль «Овечий источник» привлекал оптимизмом, светлой тональностью, гражданским пафосом. Приговор прошлому воспринимался апофеозом действительной народной революции, гимном величия народа. В 1930 г. спектакль был показан в Москве [2, с. 26; 5, с. 253–255].

Во второй половине 20-х гг. XX в. действовали также еврейские драматические кружки при клубе им. Хайкина и при клубе кустарей в Витебске, созданные еще в 1924 г. В 1927 г. кружок им. Хайкина поставил пьесу «Дер хавер фун центр» («Товарищ из центра»). Пятилетие существования коллектив отметил постановкой «Цуброхене цамен» («Поломанная...») из жизни еврейских переселенцев. Драматический кружок при клубе кустарей с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. дал 40 спектаклей. В 1926 г. драматический кружок был создан при клубе металлистов Витебска. В коллективе было более 20 чел. За короткий срок им поставлено десять спектаклей. В апреле 1927 г. еврейский драмкружок

клуба металлистов поставил пьесу «Провокатор». В это же время существовал еврейский драматический кружок и в клубе им. Парижской коммуны Витебска, а также театральные кружки в местечках Волковыск, Дятлово, Ивье, Ошмяны на Гродненщине. Актеры труппы Der Grodner Operetn Трупа в Ивье поставили оперетту «Американская свадьба» [1, с. 244; 9, с. 97, 98].

В 30-е гг. XX в. в Витебске работал ТРАМ (Театр рабочей молодежи). Директором был Д. Блен, художественным руководителем коллектива – М. Борский. В еврейской школе местечка Колышки Лиозненского района Витебского округа в тот период действовал самодеятельный драматический кружок. Он играл водевили, ставил одноактные пьесы, которые писали учителя на местном материале, а в местечке Яновичи Суражского района того же округа работал любительский театр, который имел зрительный зал, ставил еврейские и русские пьесы¹⁶. В Волковыске артисты драмкружка в сентябре 1935 г. поставили оперетту С. Джонсона «Гейша» [1, с. 244; 9, с. 100; 14, с. 55].

В те годы БелГОСЕТ продолжал совершенствовать репертуар, его идейно-эстетическую направленность. В 1930–1932 гг. коллектив обратился к современной советской драматургии. На сцене шли «Выстрел» А. Безмянского (режиссер Б. Норд, художник Л. Гас), «На 62-м участке» Н. Добрушина и И. Аксенфельда (режиссер А. Айзенберг, художник А. Тышлер), «Поэма о топоре» Н. Погодина (режиссер Л. Литвинов, художник А. Тышлер), «Партизаны» Ф. Аронеса (режиссеры М. Рафальский и Б. Норд, художник И. Рабичев) и др. В спектакле «На 62-м участке» воспроизведена атмосфера жизни маленького местечка в конце 20-х гг.

¹⁶ Осталось только память : очерки / сост. А. Л. Шульман. – Минск : Медисонт, 2010. – С. 25.

XX в., показаны социальные конфликты. Они свидетельствуют о расширении тематических границ. Были поставлены «Закат» И. Бабеля (режиссер Б. Норд)¹⁷, «Рекрут» В. Аксенфельда (режиссер М. Рафальский, художник А. Тышлер, композитор А. Крейн), «Вольпонэ» Б. Джонсона (режиссер М. Рафальский, художник Н. Шифрин), «Люди в белых халатах» С. Кингсли (режиссер В. Головчинер, художник Л. Кроль), «Хозяйка гостиницы» и др. В спектакле «Рекрут» повествуется о глухом местечке в период правления Николая I; местные еврейские богатеи с помощью заправил религиозной общины жестоко эксплуатируют бедноту. Не выдержавшие гнета, люди начинают бунтовать. Во главе мастеровых – портной Нахман. Богатеи, использующие объявленную рекрутскую повинность, решили сдать его в солдаты и тем самым лишить бедноту вожака. Пафос спектакля был направлен на разоблачение фанатизма еврейского клерикализма, развенчание мифа о социальном единстве евреев. Личностные конфликты рассматривались как результат общих классовых конфликтов. Популярной у зрителей была постановка «Вольпонэ». В ней ярко, темпераментно, убедительно раскрывались жадность и нажива, развенчивалась идея всесильности золота. Показан образ Моски – слуги богатого купца Вольпонэ, который верно служит хозяину, подражает ему во всех махинациях. Моска не только изворотливый и умный мошенник, но и человек, который мстит хозяину, призывает слуг покинуть «проклятый» дом Вольпонэ. Спектакль в целом показал и умение оформить классический материал без потерь этнического своеобразия, и способность повысить его на высоту нашего сегодняшнего миропонимания [2, с. 24, 34, 35, 42, 43, 50, 64; 6, с. 463, 464; 11, с. 120].

Руководство театра большое значение придавало пополнению группы. При театре была создана студия, которую возглавлял М. Рафальский. Преподавателями работали артисты театра. Кроме теоретических занятий (изучение основ системы К. Станиславского, истории театра, литературы и т. д.), много внимания уделяли практике, которую ученики проходили в театре. Сначала их занимали в массовых сценах, потом стали поручать небольшие эпизоды. В 1935 г. состоялся первый выпуск. Студийцы показали дипломный спектакль – «По той стороне» В. Кина, поставленный М. Моиным и А. Трепелем [6, с. 465].

В 30-е гг. XX в. театр гастролировал в Витебске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске и других населенных пунктах Беларуси. В 1934 г. – в Москве, в 1933 и 1938 гг. – в Ленинграде, Одессе, Тирасполе, Каменец-Подольске, поволжских городах (Горький, Казань, Сталинград). В 1937 г. коллектив театра впервые обратился к горьковской драматургии – режиссер В. Головчинер поставил «Фальшивую монету» (художник А. Марыкс)¹⁸. В том же году состоялись спектакли «Семя Овадис» П. Маркиша (режиссер В. Головчинер, художник А. Марыкс) [2, с. 50; 6, с. 465] и др.

В 1938 г. театр возглавил новый главный режиссер В. Я. Головчинер. С того времени театр стал больше обращаться к этнической тематике, ориентируясь на произведения еврейской классики. Ставили не только социальные пьесы, но и высокую трагедию, комедию, водевиль и даже оперетту. Утвердился принцип синтетического театра. В спектаклях часто сочетались элементы драматического и музыкального театра. В том же году были поставлены «Менахем Мендл» Шолом-

¹⁷ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 3 : 1926–1932. – С. 566 ; Там же. – Т. 4 : 1933–1941. – С. 640.

¹⁸ Там же. – Т. 4 : 1933–1941. – С. 640.

Алейхема (режиссер М. Сокол, художник М. Аксельрод), «В наши дни» А. Вашенцова (режиссер М. Моин), «Суламифь» С. Галкина по А. Гольдфадену (режиссер В. Головчинер, художник Ц. Кипнис), «Лейбке-солдат» И. Левина (режиссер А. Треппель, художник Ц. Кипнис), «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема (режиссер М. Сокол, художник М. Аксельрод)¹⁹. Основная мысль спектакля «Суламифь» – необходимость борьбы за социальное и национальное освобождение народа и поэтическая легенда о Суламифь. Герой-воин во время похода случайно встретил в далекой пустыне у полуразрушенного колодца девушку, они поклялись в любви и верности друг другу и вместе прошли все жизненные испытания. Особенность спектакля заключалась в том, что он был музыкальным. В нем раскрыта тема патриотизма, подвига во имя свободы и независимости родины. В спектакле «Лейбке-солдат» показана жизнь местечка накануне и в период Октябрьской революции. Освещена тема дружбы народов, переплетения судеб евреев и белорусов на белорусской земле. Серьезным художественным достоинством отличался спектакль «Тевье-молочник» о трагической судьбе маленького человека, доброго и трудолюбивого. По натуре он не борец, но обладает некоторым спокойствием, привычностью к обстоятельствам – это своеобразная сила, которая помогла выстоять. Судьба жестоко обошлась с Тевье: по царскому велению его выселили из дома. Молочник отправился в большой мир. Пафос спектакля в том, что герой не терял надежды [2, с. 52, 53, 64; 11, с. 465].

В 1939 г. театр поставил спектакли «Гершеле Острополер» М. Гершензо-

на (режиссер М. Моин), «Бар-Кохба» С. Галкина по А. Гольдфадену (режиссер В. Головчинер, художник Ц. Кипнис), «Два недотепа» («Цвей кунилемлех») А. Гольдфадена (режиссер В. Головчинер, художник Ц. Кипнис) и др.²⁰ «Гершеле Острополер» – веселый водевиль. Его герой высмеивал алчность и себялюбие богачей, помогал беднякам в борьбе за существование. Он был сродни Нестерке в белорусском фольклоре. В спектакле «Бар-Кохба» демонстрировалась тема борьбы против угнетения на материале прошлого. Он воспринимался как своеобразная притча о преодолении рабства физического и духовного, об интернациональном единстве, о свободе, которую можно получить только в борьбе. Далекая история со времени борьбы еврейского народа с римским господством, с одной стороны, и талмудизмом – с другой рассматривалась с позиции освобожденного народа, воспринималась по-современному. В спектакле большое внимание уделялось массовым сценам: у освобожденного города без пищи и воды сражались восставшие, моля о дожде. Исторические параллели были органическими еще и потому, что фашизм уже прочно укрепился в Германии, разрабатывал планы захвата стран Западной Европы. В постановке «Два недотепа» («Цвей кунилемлех») обличен религиозный фанатизм средневековых пережитков, показана борьба молодых героев с консервативными убеждениями. В спектакль были введены новые факты, свидетельствующие, что есть другие люди, жившие свободно другой жизнью, другими идеями, выходящими за рамки узко религиозной среды [2, с. 54, 64; 6, с. 464, 465].

¹⁹ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 4 : 1933–1941. – С. 640.

²⁰ Там же.

Накануне войны БелГОСЕТ поставил спектакли «Колдунья» и «Ведьмарка» А. Гольдфадена (режиссер В. Головчинер)²¹. Спектакль «Колдунья» был построен в духе народной игры, комедийного представления масок, а традиционная оперетка «Ведьмарка» превратилась в веселое представление, наполненное шутками, пародиями, каламбурами, народными песнями и танцами. В этом спектакле прекрасен образ хитрой, ловкой, алчной, злобной Ведьмарки [6, с. 465].

В июне 1941 г. театр был на гастролях в Витебске. В день начала войны прошел спектакль «Заколдованный портной» И. Добрушина по Шолом-Алейхему (режиссер Н. Лойтер, художник Н. Альтман) о злополучном портном Шиман-Эле как символе трудового народа, его несгибаемой душевной стойкости и нравственной чистоты²². Коллектив театра был эвакуирован на станцию Шахуня Горьковской области. Здесь он создал несколько концертных бригад, которые выезжали на предприятия, в военные госпитали, где выступали на русском языке. В октябре театр выехал в Новосибирск, где на площадке Театра юных зрителей три раза в неделю ставил постановки. В апреле 1942 г. театральный сезон был открыт спектаклем «Ведьмарка». Зрители увидели почти весь предвоенный репертуар театра: «Бар-Кохба», «Суламифь», «Тевье-молочник», «Заколдованный портной» и др. Коллектив театра решал задачу обновления репертуара, приближения его к современности путем показа ежедневной жизни народа, рассказа о его военных и трудовых делах. Театр искал авторов. Результатом поиска стали спектакли: в 1942 г. – «Око за око» П. Маркиша (режиссер А. Штейн),

а в 1943 г. – «Некомэ» («Мечь») актера И. Левина (режиссер В. Головчинер)²³, посвященный жизни пограничного поселка Западной Беларуси накануне войны и в период немецкой оккупации. Показаны тяжелые испытания, выпавшие на долю евреев, издевательства, которым подверглись жители гетто, а также стремление к сопротивлению [2, с. 61, 68; 6, с. 465; 7, с. 580, 581].

Основной же репертуар театра оставался прежним. Он ставил спектакли о прошлом еврейского народа. В 1943 г. был поставлен спектакль «200 000» Шолом-Алейхема (режиссер В. Головчинер, художник А. Константиновский), в 1944 г. – «Музыка» С. Галкина (режиссер А. Штейн, художник С. Герштейн) и «Сиротка Хася» Я. Гордина (режиссер В. Головчинер, художник А. Константиновский) и др.²⁴ Спектакль «200 000» о наивном выигрыше большой суммы денег бедным портным Шимеле Сорокер. Казалось, закончились нищета, постоянная нужда. Но этого не произошло – богатеи обманом вытягивали у него деньги, и он остался таким же бедным, как и был. За фейерверком аттракционов, танцев, шаржированных фигур, буффонадой исчезла судьба простого человека Шимеле Сорокера. Его мечты и разочарования были осмеяны. Спектакль раскрывает внутренний мир людей, показывает привязанность народа к труду, семье. Только труд приносит человеку радость, одухотворяет его дружбу, любовь [2, с. 69, 71; 7, с. 582].

В 1943 г. в театре была создана фронтовая бригада. В конце августа она в составе 15 артистов и музыкантов во главе с М. Мойным выехала на фронт. Бригада была прикомандирована к танковой армии генерала Сухомлина, с которой прошла

²¹ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 5 : 1941–1953. – С. 678.

²² Там же.

²³ Там же. – С. 680.

²⁴ Там же.

путь от Малого Ярославца до Смоленска. Большая концертная программа включала сцены из спектаклей, чтение стихов, песни (исполнялись русские, белорусские, еврейские песни), оркестровые номера. Выступали перед бойцами между боями, давали концерты в освобожденных от немецких захватчиков населенных пунктах. В конце ноября бригада вернулась в Новосибирск, где сразу же включилась в работу. Кроме стационарных спектаклей, концертные бригады почти ежедневно выступали в госпиталях, выезжали в воинские части, на предприятия города, области. Гастрольные маршруты включали и Кемеровскую область, и Алтайский край [7, с. 582].

В 1945 г. в Новосибирске театр поставил спектакль «Капризная невеста» И. Добрушина по А. Гольдфадену (режиссер В. Головчинер, художник А. Константиновский)²⁵. Это история о девушке Каролине, начитавшейся романов, мечтавшей о пламенной любви и женихе. Музыкальная комедия, в которой исполнялись как еврейские песни, так и шлягеры 40-х гг. XX в. Кроме того, А. Штейном поставлен спектакль «Так и будет» К. Симонова. В том же году театр впервые поставил спектакль по произведению выдающегося русского драматурга А. Островского «Без вины виноватые» (режиссер В. Кожич). В годы войны в театре пытались выразить в постановках своеобразие творческого почерка (не только этническое, но и общечеловеческое) [2, с. 77, 84, 85; 7, с. 582].

В 1946 г. В. Головчинер поставил спектакль «Пигмалион» Б. Шоу. В июле того же года театр вернулся в Минск, труппа расселилась в кулисной части своего театра. Здание было разрушено, и спектакли ставили по понедельникам и вторникам в

Театре им. Я. Купалы. Для показа спектаклей и концертов приходилось выезжать в крупные населенные пункты Беларуси. Театральный сезон 1946/47 г. БелГОСЕТ открыл спектаклем «200 000» Шолом-Алейхема. В этом сезоне были поставлены и новые спектакли: «Восстание в гетто» П. Маркиша (режиссер Л. Литвинов), «Русский вопрос» К. Симонова (режиссер Л. Рахленко). В сезоне 1947/48 года театр поставил «Глубокие корни» Дж. Гоу и А. д'Юссо (режиссер С. Марголин), «Леса шумят» А. Братон и Г. Линькова (режиссер Н. Лойтер), «Подводники» Г. Витензона и М. Зингера (режиссер А. Штейн). Принимались меры к восстановлению прежнего репертуара: «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема, «Колдунья» А. Гольдфадена, «Суламифь» и «Музыкант» С. Галкина²⁶. В марте 1949 г. театр был закрыт [2, с. 78, 85, 87, 89; 7, с. 582; 11, с. 122].

Евреи Беларуси стали вновь создавать театральные объединения в 90-х гг. XX в. В мае 1998 г. в Могилеве был основан еврейский народный самодеятельный драматический театр «Шалом». Организатором и главным режиссером является М. Р. Джалиашвили. В репертуаре есть и концертные номера, и драматические постановки по произведениям как классиков еврейской литературы: Шолом-Алейхема, И. Шприца, Г. Релеса, – так и современных еврейских авторов, в том числе бобруйского драматурга Н. Виленчик. Труппа театра большое внимание уделяет достоверности показа традиций и культуры старых еврейских местечек, глубоко раскрывая этнические истоки евреев. Песни в спектаклях звучат на родном языке. В составе коллектива увлеченные театральным искусством люди различно-

²⁵ История советского драматического театра : в 6 т. – Т. 5 : 1941–1953. – С. 680.

²⁶ Там же. – С. 681.

го возраста и профессий. Возраст участников труппы от 19 до 84 лет²⁷.

Театр «Шалом» ведет активную гастрольную деятельность. Артисты совершили десятки поездок, выступали во всех районных центрах Могилевской области, в том числе в Горках²⁸. Театр выступал также в Минске, Борисове, Гомеле, Витебске и других городах Беларуси. Коллектив театра официально признан на государственном уровне. В 2005 г. театр получил звание «народный» [8, с. 199].

Обсуждение

На основании вышеизложенного можно отметить, что еврейские театральные объединения Беларуси на протяжении XVI – начала XXI в. постоянно расширяли репертуар. Так, в XVI – первой половине XIX в. театрализованные представления в основном были связаны только с праздником Пурим. С ослаблением влияния раввината на общественную жизнь в конце XIX – начале XX в. репертуар расширился. На театральных сценах шел еврейский и переводной репертуар, ставили трагедии и комедии, популярен был жанр оперетты. В первой половине 20-х гг. XX в. репертуар театральных объединений в основном состоял из еврейской драматургии, западноевропейских комедий и оперетт, а в конце 20-х годов XX в. пополнился современными пьесами. Новая драматургия расширила репертуарный диапазон театральных объединений. В 30-е гг. XX в. продолжали совершенствовать репертуар, его идейно-эстетическую направленность. Коллективы театров обратились к современной советской драматургии. В предвоенные годы БелГОСЕТ больше обращался к эт-

нической тематике, ориентируясь на произведения еврейской классики. Ставили не только социальные пьесы, но и высокую трагедию, комедию, водевиль и даже оперетту. В годы войны основной репертуар в театре оставался прежним – ставили спектакли о прошлом еврейского народа. В послевоенный период БелГОСЕТ освоил новые спектакли и принимал меры по восстановлению прежнего довоенного репертуара. В начале XXI в. в репертуаре еврейского народного самодеятельного драматического театра «Шалом» имелись и концертные номера, и драматические постановки по произведениям классиков еврейской литературы и современных еврейских авторов.

Заключение

Исследования процесса создания еврейских театральных объединений в Беларуси, их форм, структуры и деятельности показывают, что театральное искусство евреев на этой территории возникло в XVI в. под влиянием окружающего нееврейского населения. Театральные представления первоначально проходили только в период празднования Пурима, когда упрощались некоторые религиозные запреты и допускалась карнавализация. В конце XIX – начале XX в. с ослаблением религиозных запретов почти в каждом населенном пункте действовали еврейские любительские театральные объединения в форме кружков, антреприз и театров. Были передвижные еврейские театральные труппы. Они ставили несложные, одноактные пьесы. По традиции, идущей от пуримшпилей, драматические представления часто сопровождалась музыкой. Были популярны оперетты.

²⁷ История Могилевского еврейства. Документы и люди. 2002–2011. – Кн. 2 : в 3 ч. – Ч. 3 : Возрождение общинной жизни и традиций благотворительности / [сост.: А. Литин, И. Шендерович]. – Минск : ЮНИПАК, 2011. – С. 497.

²⁸ Там же.

С первых лет советской власти создавали еще и любительские театральные студии. В 20-е гг. XX в. количество театральных объединений значительно возросло. Драмкружки, студии работали в клубах, летних садах, школах, где ставились пьесы, инсценировки. Создан государственный еврейский театр – БелГОСЕТ, который прошел этапы, общие для советского многонационального театра. Для его деятельности характерно стремление к ярким стилизованным народными зрелищам с острой сатиричностью, гротесковостью, буффонадой, карнавальностью. При театре создана драматическая студия, которая ставила спектакли в разных районах республики. Самодеятельные драматические кружки, любительские театры и БелГОСЕТ продолжали работать и в 30-е гг. XX в. В те годы театр гастролировал по городам России и Беларуси, значительное внимание придавая пополнению труппы; создал студию для подготовки новых артистов. В годы войны ставили спектакли в эвакуации, была создана фронтовая бригада, которая выступала перед бойцами между боями, давала концерты в осво-

божденных от врага населенных пунктах. В послевоенный период из-за отсутствия собственного здания БелГОСЕТ ставил спектакли два раза в неделю в Театре им. Я. Купалы и крупных населенных пунктах Беларуси. Еврейский народный самодеятельный драматический театр «Шалом» в начале XXI в. вел активную гастрольную деятельность по городам Беларуси.

Театральное искусство евреев Беларуси является значительным явлением в их жизнедеятельности. Оно внесло заметный вклад в культуру евреев, способствовало идейно-эстетическому и интернациональному воспитанию народа. Их театральные объединения использовали в постановках произведения современной и классической драматургии, впитавшие в себя лучшие черты еврейской культуры на белорусской земле, широко обращались к еврейской литературе, дали жизнь первым пьесам многих авторов. Актеры никогда не замыкались в узкоэтнических рамках, стремясь к освещению общечеловеческих проблем, что во многом определяло их творческий успех не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Библиографический список

1. *Вашкевич Т. А.* Еврейские музыкальные традиции в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX веков // Актуальные проблемы мировой художественной культуры / [редкол.: Т. Г. Барановская (гл. ред.) и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 241–246.
2. *Герштейн А. Г.* Судьба одного театра. – Минск : Четыре четверти, 2000. – 96 с.
3. *Иоффе Э. Г.* По достоверным источникам : Евреи в истории городов Беларуси. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 350 с.
4. *Каганович А.* Речица = Rechisa. – Иерусалим : [Б. и.], 2007. – 447 с.
5. *Каладзінскі М., Кузняцова К.* Дзейнасць іншых тэатраў // Гісторыя беларускага тэатра : у 3-х т. / рэдкал.: У. І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983, 1985, 1987. – Т. 2 : Тэатр савецкай эпохі, 1917–1945 гг. / Тэатр у перыяд падувы фундаменту сацыялізму (1926–1932) / У. Няфёд, Ю. Пашкін, С. Пятровіч [і інш.], 1985. – С. 247–257.
6. *Каладзінскі М., Кузняцова К.* Дзейнасць іншых тэатраў // Гісторыя беларускага тэатра : у 3-х т. / рэдкал.: У. І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983, 1985, 1987. – Т. 2 : Тэатр савецкай эпохі, 1917–1945 гг. / Тэатр у перыяд перамогі сацыялізму ў СССР (1933–1941) / У. Няфёд, Ю. Пашкін, С. Пятровіч [і інш.], 1985. – С. 456–466.
7. *Каладзінскі М., Кузняцова К., Смольскі Р.* Дзейнасць іншых тэатраў // Гісторыя беларускага тэатра : у 3-х т. / рэдкал.: У. І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983, 1985,

1987. – Т. 2 : Тэатр савецкай эпохі, 1917–1945 гг. / Тэатр у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945) / У. Няфэд, Ю. Пашкін, С. Пятровіч [і інш.], 1985. – С. 578–584.
8. *Лившиц В. М.* Горецкая еврейская община : страницы истории. – Нацарт Илит ; Горки, Могилевская область : [Б. и.], 2010. – 298 с.
 9. *Подлипский А. М.* Евреи в Витебске. – Витебск : Витебская областная типография, 2004–2012. – Т. 1. – 2004. – 175 с.
 10. *Розенберг А. Я.* Очерки по еврейской истории городов и местечек Беларуси. – Минск : А. Н. Вараксин, 2011. – 375 с.
 11. *Скир А. Я.* Еврейская духовная культура в Беларуси : Ист.-лит. очерк. – Минск : Мастацкая літаратура, 1995. – 144 с.
 12. *Цыпин В. М.* Евреи в Мстиславле. – Иерусалим : Скопус, 2006. – 373 с.
 13. *Шульман А. Л.* На перекрестке столетий : очерки. – Минск : Медисонт, 2011. – 196 с.
 14. *Шульман А. Л.* Откуда есть пошли Колышки. – Минск : Медисонт, 2009. – 119 с.

References

1. *Vashkevich T. A.* Jewish musical traditions in the cultural space of the Grodno region of the XIX – first half of the XX centuries. *Aktual'nyye problemy mirovoy khudozhestvennoy kul'tury* = Actual problems of world art culture. Part 1. Grodno, 2012. 241–246. (In Russ.).
2. *Gershtein A. G.* The fate of one theater. Minsk, 2000, 96 p. (In Russ.).
3. *Ioffe E. G.* According to reliable sources: Jews in the history of Belarusian cities. Minsk, 2011, 350 p. (In Russ.).
4. *Kaganovich A.* Rechitsa = Rechisa. Jerusalem, 2007, 447 p. (In Russ.).
5. *Kaladzinski M., Kuzniacova K.* Activities of other theaters. *Historyja bielaruskaha teatra* = History of the Belarusian theater: In 3 vol. Vol. 2: Soviet-era theater, 1917–1945. Minsk, 1985: 247–257. (In Belarus.).
6. *Kaladzinski M., Kuzniacova K.* Activities of other theaters. *Historyja bielaruskaha teatra* = History of the Belarusian theater: In 3 vol. Vol. 2: Soviet-era theater, 1917–1945. Minsk, 1985: 456–466. (In Belarus.).
7. *Kaladzinski M., Kuzniacova K., Smolski R.* Activities of other theaters. *Historyja bielaruskaha teatra* = History of the Belarusian theater: In 3 vol. Vol. 2: Soviet-era theater, 1917–1945. Minsk, 1985: 578–584. (In Belarus.).
8. *Livshits V. M.* Jewish community from Gorki: pages of history. Gorki, Mogilev region, 2010, 298 p. (In Russ.).
9. *Podlipsky A. M.* Jews in Vitebsk. Vol. 1. Vitebsk, 2004, 175 p. (In Russ.).
10. *Rosenberg A. Ya.* Essays on the Jewish history of cities and towns in Belarus. Minsk, 2011, 375 p. (In Russ.).
11. *Skir A. Ya.* Jewish spiritual culture in Belarus: historical-literary article. Minsk, 1995, 144 p. (In Russ.).
12. *Tsypin V. M.* Jews in Mstislavl. Jerusalem, 2006, 373 p. (In Russ.).
13. *Shulman A. L.* At the crossroads of centuries: essays. Minsk, 2011, 196 p. (In Russ.).
14. *Shulman A. L.* Where did Kolyshki come from. Minsk, 2009, 119 p. (In Russ.).

Поступила 14.11.2020

Сведения об авторе

Батяев Василий Федорович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной Академии наук Беларуси» (Минск, Беларусь). Сфера научных

интересов: материальная, социальная и духовная культура белорусов, русских, евреев Беларуси. Автор более 100 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6585-3600>.

E-mail: batyaev.41@mail.ru

Submitted 14.11.2020

About the author

Vasil F. Batsiayev – Doctor of History, Leading Researcher, Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus). Research interests: material, social and spiritual culture of Belarusians, Russians, Jews of Belarus. The author has more than 100 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6585-3600>

E-mail: batyaev.41@mail.ru

УДК 37.015

А. Н. Рухлин

*Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия), e-mail: ruhlenko15@mail.ru*

Секты и религиозные движения в Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей

Введение. Затронута одна из серьезных религиозных проблем российской истории – явление «секта». С помощью провинциальной периодической печати Русской православной церкви (РПЦ) автор попытался осветить деятельность сектантов второй половины XIX в. и до окончания Первой мировой войны. Значимость представленного материала несомненна, особенно в условиях появления новых радикальных сект. От опыта решения данного вопроса, который остро стоит в нашей стране по сей день, слишком много зависит сегодня. Успешное разрешение религиозных проблем является основой мирного существования России. Цель статьи – определить историческое место сект и сектантства в религиозной жизни губерний Среднего Поволжья, осветить политику РПЦ по отношению к сектантам в рассматриваемый период, раскрыть особую роль церковной периодической печати, направленную на формирование в народной среде негативного восприятия сект, еретиков и всех тех, кто откололся от «истинного православного учения». **Материалы и методы.** Наибольшее значение в исследовании, исходя из положений, сформулированных вышеупомянутыми авторами, имеет исторический метод, или принцип историзма. При проведении данного научного исследования автор опирался в первую очередь на специально-исторические или общеисторические методы. **Результаты исследования.** Показано, что церковные СМИ, находившиеся под контролем местных архиереев и поддержанные светской властью, проводили антисектантскую политику на страницах своих журналов. Церковь в России имела статус государственной религии и монопольное право на религиозное сознание, поэтому пресекала любые отклонения от догм. Антисектантская тональность не менялась вплоть до 1917 г. **Обсуждение и заключение.** Тема сектантства актуальна до сих пор, более того, секты продолжают возникать и развиваться во всем мире. Пока существуют официальные религии, будут рождаться и отпочковываться новые секты. Образ еретика-сектанта, когда нужно, активно используется пропагандой в СМИ и сегодня. Предлагаемые положения и выводы создают предпосылки для дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «Симбирские епархиальные ведомости», «Самарские епархиальные ведомости», периодическая печать, церковные редакторы, секта, еретики, протестанты, штунды, старообрядцы, раскольники.

Для цитирования: Рухлин А. Н. Секты и религиозные движения в Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 48–62. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.048-062.

© Рухлин А. Н., 2021

Alexey N. Rukhlin

*Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
(Ulyanovsk, Russia), e-mail: ruhlenko15@mail.ru*

Sects and Religious Movements in the Russian Empire in the Second Half of the XIX – First Quarter of the XX Century on the Pages of the Simbirsk and Samara Diocesan News

Introduction. The presented article touches upon one of the serious religious problems of Russian history, the phenomenon of “sects”. The author, with the help of the provincial periodical press of the Russian Orthodox Church, tried to highlight the activities of sectarians in the second half of the 19th century until the end of the First World War. The significance of the material presented is undoubtedly, especially in the context of the emergence of new radical sects. To these days, too much depends on the experience of solving this issue, which is acute in our country. The successful resolution of religious problems is the foundation of Russia’s peaceful existence. The purpose of the article is to determine the historical place of sects and sectarianism in the religious life of provinces Middle Volga region, based on the characteristics of their condition and activities, to highlight the policy of the Russian Orthodox Church in relation to sectarians in the period under review, to reveal the special role of the church periodicals aimed at forming environment of negative perception of sects, heretics and all those who broke away from the “true Orthodox teaching”. **Materials and Methods.** The most important in the study, based on the provisions formulated by the above authors, is the historical method, or, as it is also formulated, the principle of historicism. In carrying out this scientific research, the author relied, first of all, on special historical or general historical methods. **Research Results.** The study showed that the church media, controlled by local bishops and supported by the secular authorities, carried out an anti-sectarian policy on the pages of their magazines. The Russian Church in Russia had the status of a “state religion” and a monopoly on religious consciousness, therefore it suppressed any deviations from its dogmas. The anti-sectarian tone did not change until 1917. **Discussion and Conclusion.** We can conclude that the topic of sectarianism is still relevant, moreover, sects continue to arise and develop throughout the world. As long as there are official religions, new sects will be born and spun off. The image of a heretic-sectarian, when necessary, is actively used in propaganda in the media today. The proposed provisions and conclusions create prerequisites for further study of this problem.

Keywords: Russian Orthodox Church, The Simbirsk Diocesan News, The Samara Diocesan News, periodicals, church editors, sect, heretics, Protestants, Shtunda, Old Believers, schismatics.

For citation: Rukhlin A. N. Sects and religious movements in the Russian Empire in the second Half of the XIX – first quarter of the XX century on the Pages of the Simbirsk and Samara Diocesan news. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 48–62 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.048-062.

Введение

В современном обществе религиозная практика является одним из постоянных видов духовной деятельности человека. Религия сопровождала человеческую цивилизацию на протяжении всей ее истории. Сменяя одно учение другим, она не переставала и не перестает существовать в умах целых народов. Сегодня мы наблюдаем

рост влияния ислама по всему миру, а исламский фундаментализм в XXI в. стал похож на европейские «католические костры» XV в. В связи с экономическим кризисом активизировались опасные и радикальные секты, например, «Орден Пути», «Церковь последнего завета». Аналитики Международного исследовательского центра Гэл-лапа после опроса более 50 тыс. чел. из

57 стран мира пришли к выводу, что доля людей, считающих себя последователями какой-либо религии, составляет 68 %. Как пишет автор книги «Мирская жизнь» Ф. Цукерман, профессор социологии и секулярных исследований Питцерского университета в калифорнийском городе Клермоне (США), «людям требуется утешение в момент боли и страданий, а многим необходимо осознание того, что со смертью жизнь не заканчивается...» [Цит. по: 6]. Сегодня религиозные убеждения по всему миру овладевают сознанием многих людей, становятся органической частью повседневной жизни.

Российская империя была многоконфессиональным государством, но ведущее положение в ней занимала православная церковь. Нередко недовольные своим социальным положением беднейшие слои населения выражали протест в форме новых религиозных учений, враждебно относившихся к «официальной церкви».

В современных условиях в нашей стране продолжается распространение религиозных институтов как социокультурное явление. С началом Нового времени российской истории в результате влияния западной реформации и духовных исканий (стригольники, жидовствующие и др.), раскола Русской православной церкви (РПЦ) в XVII в. на старообрядцев и новообрядцев возникли новые религиозные объединения.

До недавнего времени наше общество имело весьма смутное представление о сектах. В императорской России всякий верующий, который отклонился от православной церкви, объявлялся сектантом или еретиком. Секты часто образовывались на почве несогласия с официальным православным учением, в ряды еретиков охотно вступали крестьяне, которые питали надежды на то, что новая вера принесет им избавление от крепостного, а позже и капиталистического гнета. Религиовед-исследователь

И. Н. Яблоков отмечает, что «секта возникает как оппозиционное течение в том или ином религиозном направлении» [10].

К началу XX в. в России насчитывалось более сотни сект. В обществе формировались инакомыслящие группы, которые не соглашались с учением православной церкви, нередко критиковали братьев-сектантов по вопросам, касающимся еды, брака, одежды, отношения к власти, календаря и в целом трактовки Библии. Исследуя материалы церковных журналистов, можно с уверенностью сказать, что учения многих сектантов в Российской империи были безвредны и даже безобидны, а некоторые совершенно нелепы.

Изначально слово «секта» не несло в себе негативного смысла. Данный термин служил для обозначения образа мышления, образа жизни, а в более конкретном смысле – политической партии или философской школы, к которой принадлежал человек.

Начиная со Средних веков, когда стали господствовать католическая и православная церковь в Европе и ислам на Ближнем и Среднем Востоке, понятие «секта» трактовалось намного шире. Так называлась любая группа (религиозная или нерелигиозная, отделившаяся или новая), имеющая учение и практику, отличные от господствующей религиозной конфессии или идеологии.

Сектанты – не новое явление на Руси, они уходят корнями в XIV в. Духовная жажда и разочарование в православной обрядности, имущественное расслоение, угнетение русского населения подрывали веру в обществе. Победа иосифлян над нестяжателями на рубеже XV–XVI вв. закрепила курс на обогащение и приобретение земель в церкви. Недовольство традиционной православной религией вызвало постоянный ориентир на обрядность и литургическую формальность. В XVII в. из-за обрядных реформ патриарха Никона произошел церковный раскол,

приведший к образованию старообрядцев. На рубеже XVII–XVIII вв. большое влияние на формирование сект оказывали иностранцы и проповеди инославных миссионеров и проповедников, которые приезжали в Россию, особенно при Петре I.

Проблема сектантства всегда была непростой для нашей страны, раньше ее решали на государственном уровне. С 1905 по 1917 г. в России действовал циркуляр «О распределении сект по степени их вредности». Существовало четыре уровня оценки противоправности «еретических культов зла»: особо вредные, вредные, менее вредные и изуверские секты.

Российское правительство опасалось миссионерской активности еретиков и стремилось изолировать их от православных, ссылая в Сибирь, на Северный Кавказ и в Закавказье. Возможность открыто исповедовать свою веру религиозные меньшинства получили лишь после царского манифеста от 17 октября 1905 г., провозгласившего свободу совести. Период относительной свободы религиозной жизни был с февраля до октября 1917 г. Правда, после установления советской власти религиозная свобода стала формальностью. Антирелигиозная политика государства и борьба с любым проявлением религиозности привела к тому, что число русских сектантов сильно сократилось, а некоторые группы и вовсе исчезли.

В борьбе с еретиками правительство поддерживала Русская православная церковь. Она выражала себя и как часть института государственной власти, и как рупор «истинной христианской веры». Для противостояния сектантам, защиты своих интересов и просвещения народа в «правом духе» Церковь начала выпускать периодические издания. В XIX в. у православного духовенства уже были собственные журналы, что делало их класс социально значимым в России.

В провинциальных епархиальных изданиях Церковь старалась оградить православных верующих от «зловредной ереси».

В столицах выходили «Московские церковные ведомости» и «Церковные ведомости». В провинциях самыми распространенными и читаемыми были «Епархиальные ведомости», выходившие в 63 епархиях. В данных журналах содержалась информация о духовной жизни губернии, публиковались новости епархии. Почти не поднимались политические вопросы, события рассматривались односторонне, отношение к ним было однозначным, не допускающим обсуждения. Количество изданий было невелико, их сферы влияния, задачи и темы не пересекались, поэтому споры и дискуссии, характерные для центральной печати, отсутствовали.

«Епархиальные ведомости» занимали особое положение среди печатной индустрии, так как на их попечении находился личный цензор, обычно назначаемый из священнослужителей городского прихода, в отличие от светских периодических изданий, контролируемых местной властью и цензурным комитетом¹ [3]. Финансовый бюджет епархиальных редакций включал заработную плату цензора и выплату гонораров авторам опубликованных материалов. Выходившие за пределы программы журнала злободневные статьи или полемические заметки, как правило, не оплачивались.

Автор не ставил перед собой задачу досконально разобраться в сектологических проблемах или выступать апологетом официальной догматики Церкви. Данная проблематика в научном сообществе исследуется давно, известно много серьезных научных работ, посвященных этой теме. Подробно ее осветили отечественные исследователи А. А. Секирин [7], В. Н. Якунин [11], А. М. Хамидулин [9], Д. Г. Корилов [4] и многие другие. Большой вклад внес российский

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 76. – Оп. 1. – Ед. 1071.

исследователь современного религиозного сектантства А. Л. Дворкин [1]. В книге «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» автор относит к сектам даже внерелигиозные организации и режимы, например, коммунизм. Белорусский исследователь В. А. Мартинович [5] указал, что сегодня возникают все новые и новые религиозные движения, среди которых – «коммерческие культы», «псевдопсихологические» и др. Работы перечисленных авторов являются важным вкладом в анализ социальных, политических и духовных процессов в России второй половины XIX – первой четверти XX в.

Достоверность проведенного исследования обусловлена использованием реальных архивных периодических изданий – журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости», издаваемых с 1860-х по начало 1917 г.

Методология исследования

В данной статье реализован подробный научный анализ ранее сформировавшегося знания и научного подхода. Автор полностью руководствовался научным подходом, который подразумевает выявление логических и теоретических противоречий в ранее сложившихся научных подходах к исследованию сектантских движений и реакционной и антисектантской политики Церкви и власти, что в итоге привело к появлению новых исследовательских проблем, рассмотрение которых возможно в ходе проведения последующих исследований.

Наибольшее значение в исследовании, исходя из положений, сформулированных вышеупомянутыми авторами, конечно, имеет исторический метод, или принцип историзма. Автор опирался в первую очередь на специально-исторические или общесторические методы.

Деятельность «Епархиальных ведомостей» в Самарской и Симбирской губерниях

В первой половине XIX в. средства массовой информации стали появляться в рос-

сийской провинции и играли немаловажную роль в общественной жизни. «Епархиальные ведомости» Самары и Симбирска отражали интересы православного населения губерний, были «гласом верующих», интеллигенции и всех тех, кто искренне доверял православной церкви и императору. Наряду с печатной деятельностью правых, либералов и социал-демократов, в Симбирске существовал православный журнал местной епархии РПЦ – «Симбирские епархиальные ведомости». С 1876 г. он издавался с периодичностью два раза в месяц ежегодно, вплоть до 1917 г. Издание выходило книжками в 4 д. листа, делилось на два самостоятельных отдела – официальный и неофициальный. При Симбирском епархиальном духовно-просветительском Свято-Троицком братстве издавалось бесплатное приложение к журналу – «Листок для народа», где простым языком излагались просветительские статьи, добрые советы и стихи.

При епархиальном братстве св. Алексия в Самаре издавался аналогичный журнал – «Самарские епархиальные ведомости», «зеркало провинциальной жизни» [2] губернии. Это был официальный печатный орган Самарской и Ставропольской епархии, выходил до 1918 г. Как и подобные епархиальные издания других регионов, журнал состоял из двух частей – официальной и неофициальной. В официальном разделе публиковались указы и распоряжения церковного руководства, правительственные материалы, постановления и разъяснения Синода. В неофициальной части – проповеди и речи известных личностей, статьи и очерки известных богословов, воспоминания, богословские суждения и полемические письма священнослужителей. Материал церковной периодической печати представляет сегодня богатый пласт для изучения материальной и духовной жизни населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.

В отличие от сектантов Поволжья, которые собирались в простых жилых домах, у Русской православной церкви в Симбирской и Самарской губерниях были прочные позиции. К началу 1917 г. в Симбирске было более 50 православных богослужебных сооружений. По данным исследователей, функционировали 2 монастыря, 3 собора, 21 приходская и 25 домовых церквей, около десятка часовен [3]. К 1916 г. в Самарской епархии было свыше 1 000 храмов, в которых служили 1 452 священнослужителя и 914 псаломщиков. Духовенство Самары было достаточно образованным, больше половины священников имели духовное семинарское образование, 16 чел. были с дипломом духовной академии. При храмах работали 1 073 церковно-приходские школы, где учились 64 877 чел. В Самарской епархии насчитывалось 967 церковных библиотек. Также в Симбирске и Самаре Церковь активно занималась благотворительностью, при епархиях существовали богадельни, которые содержались на средства местных меценатов [12].

Православная церковь в России пользовалась особым покровительством и привилегиями, которых не имели другие «инославные» исповедания, не говоря уже о сектантах, которые долгое время вообще были на уровне отщепенцев или вне закона.

Одними из главных тем православных журналов были критика и подробное описание деятельности сектантов и еретиков. Неравнодушные авторы А. А. Кычигин, О. Россейкин, В. Дмитриев, А. Введенский, И. Сергиевский, Н. Трубин и многие другие в богословских статьях спорили с сектантами-рационалистами, доказывая истинность православного учения и ошибочность «не

православного», что уже подразумевало под собой ересь. В симбирских и самарских православных журналах упоминалось множество различных направлений сект: «Исследователи Библии», иеговисты, книгоноши, баптисты, шалопуты, прыгуны и т. д.² Представлены также старообрядцы как «неправильно исповедующие веру»³. Во второй половине XIX в. в Российской империи раскольников разных сект, молокан, субботников, духоборцев, беспоповцев и поповцев официально насчитывалось 864 тыс. чел. В Самарской губернии их было около 36 тыс., в Симбирской – около 9 тыс.⁴ К началу XX в. наблюдался рост еретиков в империи, их численность увеличилась в 2,5 раза, т. е. достигла более 2 млн чел.⁵

Перед Первой мировой войной в «Симбирских епархиальных ведомостях» были опубликованы статистические данные и динамика прогрессирования сектантов и старообрядцев за семь лет (1905–1912). В 1912 г. общее число сектантов в империи составляло 393 565 чел., а старообрядцев – 2 206 621. За семь лет из православия ушли в различные секты 48 067 чел. По данным журнала, наиболее многочисленной являлась секта молокан-воскресников, в рядах которой насчитывалось 133 935 adeptов. Однако практика показывала, что наблюдались разочарование в сектантском учении и возвращение «блудных детей церкви». В течение последних семи лет 2 875 еретиков, исповедующих молоканскую ересь, перешли в православие. Второе место по числу сектантов занимали баптисты, или штундисты, – 114 653 adeptов, из которых 28 114 перешли в эту секту с 1905 по 1911 г. Далее по значимости идут меннониты – 35 969 последователей (414 чел. перешли

² Самарские епархиальные ведомости. – 1914. – № 21. – 1 ноября.

³ Там же. – 1914. – № 19. – 1 октября.

⁴ Там же. – 1872. – № 24. – 15 декабря.

⁵ Там же. – 1914. – № 19. – 1 октября.

из православия с 1905 по 1911 г.) и остальные сектанты: евангельские христиане, или секта пашковцев, – 30 716 adeptов (9 818 чел. ушли из православия с 1905 по 1911 г.); секта духоборов – 12 383; иудействующие – 12 305; субботники – 8 869; «Новый Израиль» – 5 881; прыгуны – 4 844; молокане-субботники – 4 423; хлысты и шалопуты – 3 526; «Старый Израиль» – 3 012 чел.⁶ и т. д.

В журнале указаны статистические данные о последователях старообрядчества. Среди них наиболее многочисленную группу составляли старообрядцы-беспоповцы – 1 211 246 чел., из которых 521 573 – поморцы, 263 338 – часовенного согласия, 231 996 – едосеевцы, 115 579 чел. – Спасова согласия и т. д. Второе место принадлежало старообрядцам, приемлющим «австрийское священство» (788 425 чел.), третье – беглопоповцам (206 950 чел.)⁷.

Еретики и сектанты на страницах епархиальных журналов за 1860-е – начало 1914 г.

В епархиальных журналах были представлены подробные истории сектантов и жизнеописания различных еретиков, большое место уделялось их учению. В 1868 г. в «Самарских епархиальных ведомостях» была опубликована статья священника Михаила Пономарева «Об учении молокан села Коржевки и о содержании увещаний местного священника совращающимся в молоканство». Молокане в Российской империи были отнесены к «особенно вредным ересям». Они отрицали поклонение иконам, кресту, не признавали православные обряды, церковную иерархию, но, самое главное, приобретали новых сторонников,

что непременно вызывало бурную реакцию церковных властей. Священнослужители вели работу по возвращению в «истинное лоно» Церкви из молоканской секты. Автор статьи, священник с. Коржевка Симбирской губернии Михаил, аргументированно доказывал молоканам по каждому пункту, как «правильно поклоняться Богу», как необходимы и важны «церковные таинства и обряды» для «спасения души»⁸. Священник признавался, что «увещания мало приносят плодов добрых»⁹.

В борьбе с раскольниками у православной церкви дела шли намного лучше. «Самарские епархиальные ведомости» повествовали о раскольниках-старообрядцах разных направлений (австрийцы, беспоповцы, спасовцы) в с. Хрящевка Самарской губернии. Священник В. Белгородский, автор статьи «Благотворное влияние воскресной школы...», определял их как «заблудших детей», с «загубелым сердцем». Еретические собрания, к участию в которых активно привлекали и православных людей, они называли «храмом Божиим». На еретических службах читали библейские тексты и пели псалмы. В. Белгородский «не без сердечного радования» писал, что благотворное влияние на местных сельчан оказала воскресная школа, в результате чего «сектанты-раскольники снова обратились к православной вере»¹⁰. Рассказ настоятеля храма с. Спасское священника Луки Цареградского повествовал о раскаявшемся крестьянине, перешедшем из «раскола» в православную церковь. Крестьянину был слышен голос, после чего он пошел в храм и отрекся от ереси¹¹. Во многих номе-

⁶ Самарские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – 1 октября.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – 1868. – № 2. – 15 января.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – 1870. – № 13. – 1 июля.

рах «Епархиальных ведомостей» давались практические советы катехизаторам, ведущим миссионерскую деятельность среди старообрядцев. Возвращению сектантов в православие также способствовало использование книг, которые имели авторитет и у раскольников (например, «Катехизис» С. Зизания, «Кириллова книга»).

В некоторых деревнях Поволжья раскольнические движения имели довольно сильные позиции. По селам ходили «святые» проповедники «старой веры», приводя людей в «старую веру»¹² из недр «никоновской ереси» и «антихристовой владычества». Священник Григорий Колосов в статье «Появление раскола в селе» сообщал о распространении учения раскольников в Карсунском уезде и Сызрани Федором Михайловым и его сыном Максимом. Расцветом раскола считалось время, когда проповедовал Максим. «Благочестивые братия» с. Красная Сосна полностью подчинялись ему и уважали за «ревность и знания». Молодой вожак секты открыто и смело призывал оставить «православную ересь», говоря: «Мирская церковь погибнет, так как там, на престоле сидит антихрист»¹³.

В 1870 г. была опубликована не менее интересная статья неизвестного автора «О секте монтанской в селе Дубовом Умете». Секта монтанов существовала уже давно в Заволжье, в Самарской, Симбирской и Казанской губерниях. В статье говорилось, что данная секта «во всем противна православному учению». Таинство крещения они заменяли на «обряд посвящения в секту», а святое причастие «отвратительными дей-

ствиями, о которых срамно глаголатъ». Автор особенно критиковал институт брака у монтанов, так как он вообще у них отсутствовал. Сектанты проповедовали открытое «духовное сожительство» с «духовными сестрами и снохами»¹⁴. Например, сектант Никита Кузнецов, имея законную жену, сожительствовал с родными снохами, т. е. женами сыновей, Иакова и Петра. Сектант Петр Ардатовский, например, имел «духовное побратимство»¹⁵ со свекровью родной дочери. Секта верила в переселение душ, а вино и табак у них считались «великим грехом». На службах и молениях они «кружились с быстрой скоростью, до обморока»¹⁶. В епархиальных журналах первой половины 70-х гг. XIX в. очень часто встречались статьи и заметки о монтанах, что говорит об активности этой секты в поволжском и заволжском краях и обеспокоенности этим вопросом православной церкви.

В «Самарских епархиальных ведомостях» в 1904 г. была опубликована заметка «Незаконное происшествие на почве сектантства», повествующая о секте хлыстов. Крестьянин с. Красный Яр Самарского уезда Михаил Смоляков успешно проповедовал данное учение односельчанам, которые «перед ним благоговеют и могут воздать божеские почести»¹⁷. По словам автора, Смоляков обладал какой-то «особенной силой влияния на людей», с которыми ему приходилось сталкиваться. Михаил был схвачен полицией за распространение своего учения в селе, но его стала защищать толпа последователей с громкими криками: «Мучители, гонители, нате ж вам, кровопийцы!»¹⁸. Еретики в селе называли «святым Ми-

¹² Симбирские епархиальные ведомости. – 1901. – № 14. – 15 июля.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – 1870. – № 18. – 15 сентября.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. – 1904. – № 4. – 15 февраля.

¹⁸ Там же.

хаилом», особым покровительством он пользовался у женщин. Они требовали от полиции отпустить его на свободу, пока он не проведет у каждой из них по три ночи. Смоляков, хотя и был арестован и отправлен в станковую квартиру, все же «зловредное учение сумел посеять и укоренить». По показанию жителей дома у последовательницы «святого Михаила» Прасковьи Устиновой стали проходить по вечерам «ужасающие собрания с визгом, криком и топаньем»¹⁹.

На страницах журналов разворачивались целые диспуты с сектантами и их лидерами. Православные богословы и миссионеры пытались с помощью диалога убедить еретиков в «ложности» их учения. Например, в «Епархиальных ведомостях» в 1872 г. описан диспут или, как он назван, «публичное собеседование с молоканами и поморцами» по поводу «истинности христианского учения». Обращаясь к молоканам, автор статьи протоиерей Петр Унгвицкий писал: «Нет церкви, кроме церкви православной, и без нее спастись нельзя»²⁰. На что сектанты отвечали: «Нам не нужна видимой церкви, мы клянемся духом»²¹. Его помощник Сергин, ссылаясь на авторитет Священного Писания, старался их убедить, но также потерпел неудачу перед «убежденными катарами».

Положительную позицию в отношении сектантов высказал священник Ксенофонт Архангельский. Он видел в раскольниках и еретиках положительный эффект, так как борьба с сектантством выдвинула среди пастырей «достойных борцов и пламенных защитников святого православия» и «обличителей в Симонии»²².

В начале XX в. руководство Церкви было обеспокоено положением православных епархий. В результате Русско-японской войны начались гонения христиан на Дальнем Востоке, в Корее и Японии, росло количество сект в Российской империи. «Епархиальные ведомости» сообщали, что архиепископ Херсонский призвал к тому, «чтобы каждый священник в своем приходе был и миссионером... пусть он смотрит на свою службу, как на дело Божие...»²³. В Орловской духовной консистории преосвященный Ириней призывал приходских священников усилить проповеднические труды в храмах и вне их. Рекомендовано говорить за проповеднической кафедрой, что в православной церкви хранится «истинное учение Христово», а не покоряющиеся учению, заповедям и уставам «сами себя лишают вечного спасения». В заключение было сказано, что с «особой обстоятельностью и тщанием» священнослужители должны изложить православное учение о «Верховной Самодержавной власти и начальствующих в разных отношениях...»²⁴.

В епархиальных журналах священнослужители делились опытом миссионерской деятельности, борьбы с раскольниками и сектантами. Из «отчетных сведений епархиального миссионера священника Дмитрия Александрова» за 1900 г. мы узнаем о раскольниках-старообрядцах Самарской губернии, об их учении и направлениях (поповцы, беспоповцы и т. д.). Имеются сведения о таких лидерах раскола, как лже-епископы Алексей и Порфирий, которые «всеми мерами заботятся о поддержании раскола своего толка...»²⁵. Священник Дми-

¹⁹ Самарские епархиальные ведомости. – 1904. – № 4. – 15 февраля.

²⁰ Там же. – 1872. – № 5. – 1 марта.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. – 1904. – № 4. – 15 февраля.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. – 1901. – № 12. – 15 июня.

трий Александров писал, что самые дерзкие из раскола – раскольники австрийского направления. Более открытыми к диалогу стали беглопоповцы, потому что «поддаются влиянию бесед православных миссионеров». Например, в с. Глухово миссионеры провели пять публичных бесед по разным вопросам веры, по которым к православии на правах единоверия присоединились 30 чел. В уездах Самарской губернии стали появляться единоверческие храмы. Но, как пишет далее автор отчета отец Дмитрий, в с. Сосновка миссионер раскольник Плавтов призывал «держаться крепко старины, бояться хищных волков...». Жители прогнали православного миссионера-иерея со словами: «Ты нам надоел!...»²⁶.

В епархиальных журналах регулярно публиковалась информация о присоединенных к Русской православной церкви «раскаившихся» еретиках и людях различных иноверных исповеданий. В 1889 г. «Симбирские епархиальные ведомости» сообщали, что перешли в православие «из раскола и разных сект, из иноверных христианских исповеданий – 153 душ мужского пола, 213 душ женского пола, а всего 366 душ»²⁷. Из публикации следовало, например, что священник с. Жегулей Николай Никифоров принял с покаянием дочь крестьянина Алексея Котова Марию, девицу Дарью Леонову, сыновей Василия и Ивана из раскола поморской секты, Меланьи Богомоловой – из раскола поповщинской секты, Евдокии Беляевой – из беспоповщинской секты и т. д.

Достаточно молодым еретическим учением было толстовство, созданное писателем Л. Н. Толстым и распространявшееся в России в конце XIX в. Священник Иоанн Соловьев опубликовал в «Самарских епар-

хиальных ведомостях» «Послание Святейшего Синода о графе Льве Толстом», в котором раскрыл смысл и значение его взглядов. Автор указал на сочувственное отношение к графу со стороны «чад православной церкви», отметил неосновательность и несправедливость их рассуждений. Иоанн Соловьев выступал за «законное отлучение лжеучителя Толстого от церкви» и лишение погребения по православным канонам. Цель послания и отлучения Толстого, как считал автор, состояла в том, чтобы «дать верным чадам церкви указание, как смотреть и относиться к учению Толстого» и побудить его самого подумать о религиозных убеждениях «в видах желательного обращения его в лоно церкви, от которой он отделился»²⁸. Там же была опубликована статья «Плоды учения графа Л. Н. Толстого», в которой описана история некогда «крайнего и рьяного», но «раскаившегося толстовца»²⁹. Бывший студент университета, как писал автор статьи, был преданным сектантскому учению Толстого, но обратился к «истинной вере Христовой» и поступил в монастырь. Статья носила обличительный характер, указывая на «вредность и невежество» учения Толстого. Л. Н. Толстой, будучи активным обличителем, борцом и противником церковной организации, выступал в защиту еретиков в литературном творчестве. В романе «Воскресение» он с критикой царских порядков упоминал сельских сектантов, которые читали Библию и вместе молились, а также старика-странника, отрицающего «веру и царя» и имеющего свое мнение о религии [8].

К официальным инославным конфессиям, существовавшим в Российской империи, относились достаточно терпимо,

²⁶ Самарские епархиальные ведомости. – 1901. – № 12. – 15 июня.

²⁷ Там же. – 1889. – № 5. – 1 марта.

²⁸ Там же. – 1901. – № 12. – 15 июня.

²⁹ Там же.

не оскорбляя религиозные чувства немцев, татар, эстонцев, поляков и других народов. В опубликованном дневнике воспитанника Самарской духовной семинарии, напечатанном в «Епархиальных ведомостях» в 1904 г., семинарист описал поездку по княжеству Финляндия. Финны им представлены как «добропорядочные европейцы», очень опрятные, их «дома хоть и не богатые, зато чистые»³⁰. Описаны лютеранские кирхи, убранство, люди, но критика не встречается. Протоиерей Окулов, служивший в Финской православной церкви, очень отличался от православного духовенства в России. Автор дневника смотрел на него как на пример для подражания и отметил, что он «настоящий европеец».

Сектанты и Церковь во время войны 1914–1917 гг. и их отражение в епархиальных журналах

В 1914 г. начавшаяся Первая мировая война переориентировала Церковь с внутреннего противника – «русского сектанта» – на внешнего врага – «протестанта-немца». Периодическая печать незамедлительно отреагировала на военный конфликт России и Германии. Во время войны редакторы «Епархиальных ведомостей» стали уделять большое внимание еретикам и сектантам, в которых видели прежде всего немцев и Германию. В журналах того времени мы находим информацию, что якобы Германия и ее кайзеры уже давно посылают в Россию своих миссионеров – «благовестников», а в действительности «злых и жалких еретиков»³¹. В 1914–1915 гг. в епархиальной печати развернулась борьба с «немецкой ересью». Реакционно-консервативная часть право-

славной церкви, воспользовавшись дискредитацией немцев вследствие войны, представляла инославные конфессии (лютеране, кальвинисты и др.) и откровенных сектантов как опасность не только православию, но и Русскому государству. В статье «Нечто из жизни сектантов адвентистов седьмого дня»³² говорится, что сектантская проповедь и литература являются немецкой пропагандой для русского населения.

С непримиримой позицией в отношении немцев выступил архиепископ Смоленский Феодосий. Размышляя над данными событиями, в статье «Какое отношение настоящая война имеет к Церкви Божией?» он говорил, что война имеет религиозную составляющую, она идет за «святую православную веру»³³ и Церковь. Еретики-немцы (в которых видели прежде всего лютеран, штундеров, баптистов) уже давно смущали русский народ «лютеровой ересью» и как «сорная трава» проросли уже между «чистой пшеницею Православия»³⁴. Владыка Феодосий считал, что страны-противники свысока и пренебрежительно относятся к православию как к «религии какой-то низкой пробы».

После августа 1914 г. Германия осталась главным еретиком, и церковная периодическая печать постоянно ссылалась на нее. В ноябре 1914 г. в «Симбирских епархиальных ведомостях» была опубликована громкая апологетическая статья «Угодно ли Богу иные веры?» из дневника архиепископа Никона. Автор писал о необходимости защитить Церковь и веру от ереси и сектантов, потому что «истинная вера только одна»³⁵, и эта вера «православная». Тему религиозных движений и сект в России часто осве-

³⁰ Самарские епархиальные ведомости. – 1904. – № 4. – 15 февраля.

³¹ Симбирские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – 1 октября.

³² Там же. – 1916. – № 5. – 1 марта.

³³ Там же. – 1914. – № 19. – 1 октября.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. – № 21. – 1 ноября.

шал талантливый публицист и протоиерей А. П. Введенский. В статье «Противосектантские и противоположные листки» он отмечал, что сельские жители больше доверяют еретической литературе и больше читают «сектантские листки». Изучая и наблюдая эту проблему, Введенский сделал вывод, что сектантская литература «гораздо интереснее, доступнее и жизненнее»³⁶, чем святоотеческие труды.

Не менее интересная статья А. П. Введенского вышла в 1915 г. про учение секты штундеров «Сторонники и защитники сектантов». С личной позиции автора, «немцы-штундисты» угрожали России и ее народам тем, что отрицали русское правительство, пытаясь жить вне традиционной системы страны, а также проявляли нелояльность к императору. Из слов автора следует, что учение секты штунды является крайне радикальным и экстремистским. Они проповедают малограмотным крестьянам и горожанам библейские слова о «равенстве и братстве» всех людей «перед Богом», говорят о разделе всей земли «поровну». Убийство у еретиков запрещено, так как «противно Евангельскому учению», поэтому члены секты выступали против начавшейся войны и старались избегать солдатской службы. Из-за того, что эти немецкие еретики свободно совершали вербовку в свою секту, открыто проповедовали против власти, которая в ущерб простому народу «захватила в свои руки» большую часть «земельных и природных богатств»³⁷, протоиерей Введенский стал относить их к революционным движениям.

После Первой русской революции и введения закона о свободе совести в России

сектанты стали открыто исповедовать свое учение, не боясь притеснения со стороны властей. Епархиальная периодическая печать с горечью сообщала о российской интеллигенции, чиновниках, некоторых редакторах, «прогрессистах» и публицистах, которые оказались сторонниками и активными последователями сектантов. В рядах сочувствующих были даже «наиболее культурные и просвещенные члены православной церкви», которые идеализировали еретиков, «а по временам даже и субсидировали» их. «Симбирские епархиальные ведомости» сообщали о «регулярном и массовом» обращении из православной веры в различные секты передовых и культурных слоев российского общества, «принявшем в последнее время самые широкие размеры»³⁸. Среди прозелитов упоминается государственный служащий, заместитель министра финансов Г. Тернер, который, будучи сектантом, открыто исповедовал и проповедовал их «заблуждение»³⁹, а также покровительствовал им. Сектантам стали симпатизировать светские литературные и исторические журналы. В заметке «Сторонники и защитники сектантов», опубликованной в «Симбирских епархиальных ведомостях», перечисляются «Русская старина», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Журнал для всех», «Русская мысль», «Вестник права», «Исторический вестник», «Новое слово» и многие другие издания, которые открыто «поддерживали еретиков»⁴⁰. А. С. Панкратов, сотрудник московской газеты «Русское слово», в книге «Ищущие Бога» выступил с оправданием сектантов. Он говорил о русских еретиках как об идеальных во всех отношениях лю-

³⁶ Симбирские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – 15 августа.

³⁷ Там же. – 1915. – № 22. – 15 ноября.

³⁸ Там же. – 1914. – № 19. – 1 октября.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

дах, «что напрасно на них нападают, напрасно гонят и преследуют»⁴¹. Автор предложил не устраивать «охоту на ведьм» как в Средневековье, а лучше «благословлять...».

Обсуждение

Для нашего времени статья актуальна тем, что, во-первых, автор показывает на конкретных примерах возможности религиозных СМИ в XIX – начале XX в. На примере журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» проанализирована церковная деятельность православного духовенства.

Во-вторых, Русская православная церковь как монополия религиозная организация в Российской империи пользовалась заступничеством и протекцией светской власти и пыталась решать конфессиональные проблемы с помощью епархиальных журналов. Церковные публицисты (священнослужители, богословы и т. д.) критиковали различные инославные вероисповедания, такие как лютеранство, баптизм, а также сектантов, раскольников и т. д.

В-третьих, видно, насколько огромную роль играла дореволюционная периодика в информированности населения губерний и, конечно, значительно отличалась от современной церковной печати охватом аудитории, объемом изданий и разнообразием тематик.

В-четвертых, автор выяснил, что на страницах периодической печати шла обличительная борьба с еретиками-сектантами за монополию в религиозной жизни и за все духовное поприще в Российской империи.

В итоге удалось провести анализ православной периодической печати, изучить взгляды и подходы к сектантам и еретическим организациям в России с 1860-х по 1917 г. и сделать на этой основе научные выводы, актуальные для исторической науки вообще и для современности в частности.

Можно заключить, что церковные СМИ защищали монопольное право православной церкви на «истинность и спасение» среди других «религиозных меньшинств» Российской империи. За попытками очернить «неправославные движения» стоят вполне прагматические интересы – политические, геополитические и экономические. Образ сектанта и пропагандируемый страх перед сектами и иными «недобрыми» религиозными организациями, несомненно, актуально звучит для современной России и всего мира.

Результаты исследования

Автору удалось сформулировать научные положения и выводы, которые для исторической науки составляют несомненную научную новизну.

Во-первых, было установлено, что церковные структуры на примере Самарской и Симбирской губерний направляли редакционную политику православных издательств, полностью их контролируя. Русская православная церковь исходила из монархических и патриотических позиций и, имея в России монополию на религию, выступала против некоторых инословных конфессий (протестантов), сектантов и различных нетрадиционных религиозных движений. Наиболее заметно это проявилось после августа 1914 г. (особенно в отношении немцев).

Во-вторых, данное исследование показывает, что антисектантская тональность публикаций в печати не менялась на протяжении всего существования «Епархиальных ведомостей». Изменения, вызванные ухудшением социально-экономического положения населения во время конфликтов, поражения на фронтах во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны в 1915–1916 гг., сопровождалась еще большими нападениями на сектантов. В еретиках видели врагов и «подрывников» россий-

⁴¹ Самарские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23. – 1 декабря.

ской политической и религиозной систем, особенно в период агонии «охоты на ведьм» великой войны 1914 г.

В-третьих, было выявлено, что данные церковные журналы отражали «священную войну» с сектантами и различными религиозными движениями внутри страны. Во время Первой мировой войны печать обратила взор на немцев и их союзников, главной целью стала борьба с лютеранами, баптистами, штундистами и другими протестантскими сектами из Европы.

В-четвертых, автор не обнаружил антикатолическую, антиангликанскую или антиисламскую пропаганду в епархиальной периодической печати, что говорит о выборочном характере церковных редакций. Целью церковных СМИ было сплочение российского общества вокруг идеи «Самодержавие, православие, народность», поэтому особенно притеснялись еретики, которые призывали к

неподчинению и «подрыву» российской политической системы.

В-пятых, как ни была сильна патриотическая пропаганда православной церкви через периодическую печать, несмотря на ее активное и непосредственное участие в жизни общества и страны, держать население в узде не получилось, что говорит о постоянном росте сект и еретиков в Российской империи. Удержать центробежные и деструктивные силы в феврале 1917 г. не удалось.

В-шестых, анализируя материалы церковной печати, автор пришел к выводу, что, помимо решения «патриотических» или «мобилизационных» задач, будь то во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. или Русско-японской войны 1904–1905 гг., духовенство Русской православной церкви решало и чисто конфессиональные, внутрицерковные задачи, стремясь оградить верующих от сектантов и «лютеранской ереси».

Библиографический список

1. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Изд. 3-е. – Н. Новгород : Издательство братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 702 с.
2. Зубова А. Б. «Самарские епархиальные ведомости» как явление провинциальной культуры // Пятые Иоанновские чтения памяти высокопреосвященного Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладонежского. 9 октября 2000 г. : сб. науч. трудов. – Самара, 2001. – С. 58.
3. Косых И. Н., Ястребов В. В. Бог есть любовь. Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии 1832–2016 гг. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2016. – С. 78.
4. Кориков Д. Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Южного Урала и Приуралья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2011.
5. Мартинович В. А. К вопросу о православном сектоведении в современном мире // Минские епархиальные ведомости. – 2005. – № 3 (74). – С. 55–59.
6. Ньюэр Р. Исчезнет ли когда-нибудь религия? [Электронный ресурс] / BBC News/Русская служба. 7 января 2015. – URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/01/150107_vert_fut_will_religion_ever_disappear...
7. Секирин А. А. Секты в религиозной жизни Российской империи: типология и эволюция во второй половине XIX – начале XX веков: на материале Воронежской и Курской губерний : дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2019. – 252 с.
8. Толстой Л. Н. Воскресение. – М. : Художественная литература, 1964. – 467 с.
9. Хамидулин А. М. Русские мистические секты (хлысты, скопцы): вероучение и религиозная практика : магистерская диссертация. – Н. Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2015. – 121 с.
10. Яблоков И. Н. Социология религии. – М. : Мысль, 1979. – 182 с.
11. Якунин В. Н. История Самарской епархии. – Тольятти : Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2011. – 625 с.

12. Якунин В. Н. Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI–XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 92–100.

References

1. Dvorkin A. L. Sectology. Totalitarian sects. Systematic research experience. Ed. 3rd. Nizhny Novgorod, 2002, 702 p. (In Russ.).
2. Zubova A. B. “Samara Diocesan News” as a Phenomenon of Provincial Culture. Fifth Ioannovskie Readings in Memory of Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladonezh. October 9, 2000. Col. scientific. works. Samara, 2001, 63 p. (In Russ.).
3. Kosykh I. N., Yastrebov V. V., God is love. From the history of bishop service in the Simbirsk (Ulyanovsk) diocese 1832–2016 From-about: Corporation of Promotion Technologies. Ulyanovsk, 2016, 204 p. (In Russ.).
4. Korikov D. G. State, church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. (on the example of the Southern Urals and the Urals): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Chelyabinsk, 2011, 226 p. (In Russ.).
5. Martinovich V. A. On the issue of Orthodox sectarian studies in the modern world. *Minskie eparhial'nye vedomosti* = Minsk Eparchial News. 2005. 3 (74): 55 – 59. Archived November 17, 2020. (In Russ.).
6. Newer R. Will religion ever disappear? (2015). Available at: https://www.bbc.com/russian/society/2015/01/150107_vert_fut_will_religion_ever_disappear. (Accessed 25 December 2020). (In Russ.).
7. Sekirin A. A. Sects in the religious life of the Russian Empire: typology and evolution in the second half of the 19th – early 20th centuries: on the material of the Voronezh and Kursk provinces. 2019, 252 p. (In Russ.).
8. Tolstoy L. N. Resurrection. Moscow, 1964, 467 p. (In Russ.).
9. Khamidulin A. M. Russian mystical sects (Khlysty, eunuchs): creed and religious practice: magician. dissertation. Nizhny Novgorod Theological Seminary, 2015, 121 p. (In Russ.).
10. Yablokov I. N. Sociology of religion. Moscow, 1979, 182 p. (In Russ.).
11. Yakunin V. N. History of the Samara Diocese, Togliatti: Publishing and Printing Center of the Volga State University of Service, 2011, 625 p. (In Russ.).
12. Yakunin V. N. Church life and Orthodox culture in the Samara region in the 16th – 20th centuries. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal. 2015. 1(10): 92–100. (In Russ.).

Поступила 23.10.2020.

Сведения об авторе

Рухлин Алексей Николаевич – аспирант Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, преподаватель Ульяновского социально-педагогического колледжа (Ульяновск, Россия). Сфера научных интересов: религиоведение, периодическая печать, журналистика, Первая мировая война. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9874-2461>.

E-mail: ruhlenko15@mail.ru

Submitted 23.10.2020.

About the author

Alexey N. Rukhlin – Post-graduate student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, lecturer, Ulyanovsk Social and Pedagogical College (Ulyanovsk, Russia). Research interests: religious studies, periodicals, journalism, the First World War. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9874-2461>.

E-mail: ruhlenko15@mail.ru

Е. А. Коваль¹, А. А. Сычев², Н. В. Жадунова³

¹ *Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саранск, Россия), e-mail: nwifesc@yandex.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: sychevaa@mail.ru*

³ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: zhadunovan@mail.ru*

Нормотворческие перевороты: право, мораль, религия

Введение. Появление социальных норм, как правило, описывается как стихийный объективно обусловленный процесс. Однако нормотворческий подход к исследованию обозначенной проблемы позволяет получить принципиально новую оптику социально-философских исследований нормативности. Целью данной статьи является анализ положения различных нормативных регуляторов (право, мораль, религия) в ценностно-нормативной иерархии, обусловленного нормотворческой деятельностью индивидуальных и коллективных субъектов. **Материалы и методы.** Теоретико-методологическим основанием исследования является системный подход, позволяющий рассмотреть право, мораль и религию как элементы единого ценностно-нормативного пространства. Для концептуализации нормотворческих переворотов используется модель социального воображаемого в интерпретации К. Касториадиса и Ч. Тейлора. **Результаты исследования.** Описаны три нормотворческих переворота, обозначенных как моральный, религиозный и правовой, каждый из которых характеризуется приоритетом соответствующего нормативного регулятора. Моральному перевороту предшествовал этап зарождения социальных норм и первичного социального воображаемого, характеризующийся приоритетом группы. Моральный переворот знаменуется интериоризацией внешних норм в индивидуальное сознание и обособления моральных норм от иных социальных нормативных регуляторов, которые не дифференцировались в синкретичном сознании архаичного человека. Для религиозного переворота характерны иные субъекты нормотворчества (Бог, соборы, епископы и др.), переключение в ценностной иерархии с индивида на группу, формирование нового типа социального воображаемого. Правовой переворот, повлекший за собой определенную степень юридизации морали и религии, связан с развитием в социальном воображаемом идей прав человека, справедливости, равенства, характеризуется приоритетом интересов индивида и расширением круга субъектов нормотворчества, хотя их степень участия в нормотворческой деятельности может существенно дифференцироваться. **Обсуждение и заключение.** Вероятно, очередной нормотворческий переворот уже начался, однако осознать в полной мере его специфику можно будет только по прошествии определенного времени. Вероятнее всего, в центре социального воображаемого вновь окажется группа, потеснив индивида на периферию ценностно-нормативного пространства.

© Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В., 2021

Ключевые слова: нормотворчество, нормотворческий переворот, социальное воображаемое, синкретизм, мораль, религия, право, индивид, группа.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-011-00082).

Для цитирования: Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В. Нормотворческие перевороты: право, мораль, религия // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 63–77. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.063-077.

Ekaterina A. Koval¹, Andrey A. Sychev², Natalya V. Zhadunova³

¹Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russia), e-mail: nwifesc@yandex.ru

²National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: sychevaa@mail.ru

³National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: zhadunovan@mail.ru

Revolutions in Norm-Creating: Law, Morality, Religion

Introduction. The emergence of social norms is usually described as a spontaneous, objectively conditioned process. However, the norm-creating approach to the study of the indicated problem allows obtaining a fundamentally new optics of socio-philosophical studies of normativity. The purpose of this article is to analyze the position of various normative regulators (law, morality, religion) in the value-normative hierarchy, conditioned by the rule-making activity of individual and collective subjects. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis of the study is a systematic approach that allows considering law, morality and religion as elements of a single value-normative space. To conceptualize norm-making revolutions, the model of the social imaginary in the interpretation of C. Castoriadis and Ch. Taylor is used. **Results.** Three norm-creating revolutions are described: moral, religious and legal, each of which is characterized by the priority of the corresponding normative regulator. The moral stage was preceded by the stage of the emergence of social norms and the primary social imaginary, characterized by the priority of the group. The moral revolution was marked by the internalization of external norms into individual consciousness and the isolation of moral norms from other social normative regulators (that had not been differentiated in the syncretic consciousness of an archaic person). A religious revolution is characterized by other subjects of rule-making (God, Councils, bishops, etc.), the switch in the value hierarchy from an individual to a group, the formation of a new type of social imaginary. A legal revolution, which entailed a certain degree of legalization of morality and religion, is associated with the development of the ideas of human rights, justice, equality in the social imaginary. It is characterized by the priority of the individual interests and the expansion of the circle of subjects of norm-creating, although their degree of participation in norm-making activities can be significantly differentiated. **Discussion and Conclusion.** Probably, the next norm-creating revolution has already begun, but it is not yet possible to fully understand its specifics. Most likely, the group again will occupy the center of the social imaginary, pushing the individual to the periphery of the value-normative space.

Keywords: norm creation, norm-creating revolution, social imaginary, syncretism, morality, religion, law, individual, group.

Acknowledgment: The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-011-00082).

For citation: Koval E. A., Sychev A. A., Zhadunova N. V. Revolutions in norm-creating: law, morality, religion. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 63–77 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.063-077.

Введение

Возникновение социальных норм традиционно описывается как стихийный процесс, обусловленный объективными причинами: экономическими, технологическими и т. д. Возможен, однако, и другой подход к нормообразованию, в рамках которого нормы рассматриваются как результат творческой деятельности различных субъектов: индивидов, общностей, социальных групп, человечества в целом. Такой подход позволяет найти новые ракурсы рассмотрения социальных норм, их соотношения и воспроизводства.

Общий социально-философский анализ динамики нормотворческого процесса позволяет выделить отдельные этапы социального развития, которые определяются, во-первых, изменением ценностно-нормативной иерархии внутри системы социальных норм и, во-вторых, циклической сменой характеристик субъекта, на благо которого «работают» нормы (индивид или коллектив). Как будет показано ниже, каждый из этих этапов характеризуется особенностями нормотворческой деятельности (меняются субъекты, их мотивы и цели, нормы, социальное воображаемое).

Период перехода от биологических способов регуляции взаимодействия к социальному упорядочиванию можно обозначить как этап зарождения норм как таковых. Предполагается, что социальные нормы возникали стихийно, спонтанно и имели синкретический характер. Позже, с усложнением социальной реальности и форм взаимодействия внутри нее, потребовались особые нормы для регуляции массового поведения: моральные, религиозные, правовые и т. д. Как пишет О. Г. Дробницкий, «эти нормативные регуляторы создаются посредством особой исторической деятельности людей (нормотворчества), совершающейся уже по поводу той “первичной” социально-практической деятельности, которую необходимо регулировать» [6, с. 221].

Целью данного исследования является анализ принципиальных изменений в социальном воображаемом, связанных с нормотворческой деятельностью индивидуальных и коллективных субъектов (нормотворческих переворотов).

Опираясь на данные европейской культуры, можно выделить по меньшей мере еще три периода смены ориентиров нормотворческого процесса, которые можно обозначить как, соответственно, моральный, религиозный и правовой нормативные перевороты. Кризисные проявления в современной общественной жизни предполагают очередную, четвертую по счету, смену ориентиров, однако с уверенностью судить о том, каким будет будущий переворот и что станет его нормативной основой, пока нельзя.

Материалы и методы

Теоретико-методологическим основанием исследования является системный подход. Для анализа нормотворческих переворотов используется концепт «социальное воображаемое», в частности, интерпретации, данные в трудах Ч. Тейлора и К. Касториадиса.

Обзор литературы

Социальное воображаемое представляет собой совокупность представлений каждого человека, как устроено общество, какой нормативный порядок (должное) характерен для него, какие способы социального взаимодействия приняты и легитимны и т. п. В социальном воображаемом переплетаются представления о должном и сущем, которые сформулированы не в кабинете философа или социального теоретика, но непосредственно в жизненном мире. Такие представления являются довольно устойчивыми и оказывают существенное влияние на социальную реальность.

Р. Хебрик и Т. Шлейхтриман в обзорной статье, посвященной исследованиям социального воображаемого, обращают

внимание на многообразии контекстов использования данного концепта: выполняется сравнительный анализ различных вариантов социального воображаемого в исторической перспективе, соотносятся виды социального воображаемого, существующих в одном времени, но в разном социокультурном пространстве; осуществляются прикладные исследования влияния различных медиа на конструирование социального воображаемого, особенностей социального воображаемого отдельных социальных групп и т. д. [21, р. 7–8].

Однако до настоящего времени социальное воображаемое не использовалось для исследования процессов нормообразования и нормотворчества. Нами предпринята попытка восполнить данный пробел.

Средством трансформации социального воображаемого является, помимо прочего, индивидуальная нормотворческая деятельность. Ч. Тейлор, анализируя феномен социального воображаемого, не использует понятие «нормотворчество», но фактически описывает один из механизмов изменения социального воображаемого и, впоследствии, социальных практик, который имеет творческую природу. По его мнению, такой способ изменения социального воображаемого связан с процессом появления новой социальной теории, которая обладает достаточным нормотворческим потенциалом, чтобы не только поддерживать, но и трансформировать социальную реальность: «Но что, собственно, происходит, когда теория вторгается в социальное воображаемое и преобразует его? Чаще всего люди, импровизируя, добровольно или принудительно, принимают новые практики» [15]. Новые практики в свою очередь трансформируют социальное воображаемое, и этот процесс никогда не прекращается.

Особо подчеркивает активный и конструктивный характер социального воображаемого К. Касториадис: «Воображаемое,

о котором говорю я, не есть образ чего-то. Оно представляет собой непрерывное, по сути своей необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения “образ чего-то”. То, что мы называем “реальностью” и “рациональностью”, суть результаты этого творчества» [8, с. 10]. История в этом отношении является процессом социально-исторического творчества идей и норм, а социальное воображаемое, согласно меткому выражению П. Джеймса, – изящным способом анализа социальных смыслов [22, р. 33].

Мы исходим из того, что социальные нормы появились на ранних этапах развития человеческого общества (возможно, одновременно с ним) и изначально были фактом преодоления «животного в человеке». Однако, как отмечают антропологи и биологи, человеческая нормативность, меняясь в ходе социальной эволюции, развивается по собственным законам и давно уже не выводится напрямую из наших природных, эволюционно обусловленных склонностей [12, с. 419–420].

Значимой характеристикой, оказывающей влияние на положение норм в структуре социального воображаемого, является их устойчивость. Известно, что «срок жизни» различных социальных норм может существенно отличаться. Так, религиозные нормы (особенно если речь идет о догматах ортодоксальных вероучений) существуют в неизменном виде веками. Устойчивость норм морали во многом зависит от вида норм: наиболее лабильны нормы профессиональной этики, в то время как универсальные нормы не менее (а, возможно, и более) «живучи», чем религиозные. Нормы права подвергаются изменениям довольно часто, особенно в периоды, когда общество переживает политические, административные, экономические, социальные кризисы. Положение тех или иных

норм в нормативно-ценностной иерархии социального воображаемого во многом зависит от их устойчивости. Так, традиционное общество опиралось на нормы религии и общечеловеческой морали, а динамично изменяющейся «текучей» современностью наиболее востребованы нормы права и профессиональной этики.

Устойчивость не единственная значимая характеристика, определяющая положение норм в системе социальной регуляции. В различных социокультурных контекстах в нормативный фундамент социального воображаемого закладываются разные типы норм, образуемые посредством различных механизмов (которые при переходе на более высокий уровень обобщения, впрочем, имеют сходство). В частности, К. Касториadis описывает иерархию нормативно-ценностного пространства при помощи понятий «центральное» и «периферическое» воображаемое. Последнее «...соответствует второй или энной переработке воображаемых символов, соответствует следующим слоям отложений. Икона – это символический объект воображаемого, но он наполняется другим воображаемым смыслом, когда верующие начинают соскабливать с нее краску и пить ее в качестве лекарства...» [8, с. 147]. Можно предположить, что центральное воображаемое устойчивее периферийного, однако последнее также обладает определенным нормотворческим потенциалом.

Иерархия норм в социальном воображаемом постоянно менялась. В отдельные периоды человеческой истории невозможно было помыслить социальные и индивидуальные практики, не регулируемые религиозными нормами; в иные – приоритет получали нормы права; иногда же нормы морали были как никогда сильны, и тезис «у каждого своя мораль» терял популярность.

Изменение социального воображаемого, а значит, и конфигурации норм в нем может осуществляться как эволюционным,

так и революционным путем. В некоторых случаях триггером изменений служат потребности и интересы коллективных субъектов или влиятельных индивидов. Однако, как отмечает Б. С. Шалютин, «...из самого факта необходимости в чем-либо это что-то автоматически не появляется. Человеку, отравленному ядом, необходимо противоядие. Но его может не быть в принципе, и тогда человек погибает» [16]. Помимо необходимости, порождаемой потребностями, триггером к изменениям может служить и периферийное воображаемое, если оно начинает влиять на массовые практики.

Существует и другая точка зрения на возникновение норм из социального воображаемого. Так, например, процедуру конструирования моральных норм (независимо от конкретных «технологий» ее осуществления) с деятельностью «свободной воли» – деятельностью, выступающей чаще всего под псевдонимом «нормотворчества», – критикует Л. В. Максимов. Он полагает, что если мораль есть продукт ничем не ограниченного «творческого созидания», если нормы морали могут в принципе обрести любое содержание, то это означает полное отсутствие каких-либо специфических содержательных признаков моральных ценностей либо вообще исчезновения морали как конкретного феномена [10, с. 14; 11, с. 118]. Многообразие взглядов на происхождение норм указывает на развитие морали, где каждое учение выдвигает и защищает собственные ценностно-нормативные своды, опирающиеся на жизненные практики.

Результаты исследования

Рассмотрим ряд нормотворческих переворотов, когда нормы во внутренней иерархии меняются местами, а также появляются новые нормы для нормотворчества, определяющие ключевые субъекты и механизмы нормотворческой деятельности.

Этап зарождения норм характеризуется появлением первых регуляторов, определявших характер социальных и социоприродных отношений. Фактически этот этап знаменует появление у первобытных народов начального социального воображаемого (которое, конечно, было еще крайне статичным и мифологичным).

Нормы на этом этапе еще не были дифференцированы на моральные, правовые, религиозные и т. д., т. е. имели синкретический, мононормативный характер.

Отметим, что некоторые исследователи выражают скептическое отношение к идее мононорм и, соответственно, к синкретическому подходу. Так, например, Т. В. Кашанина называет мононормы «научным вымыслом, фантазией ученых»¹, а Б. С. Шалютин полагает, что в догосударственных обществах уже наблюдалось многообразие норм и доказательством ошибочности идеи мононормы является «эволюционно-исторический взгляд на проблему», в рамках которого обосновывается начало формирования нормативности «вместе с формированием культуры» [16].

Впрочем, более распространены среди представителей различных отраслей гуманитарного знания представления об изначальном синкретизме норм.

«То, что мы называем правом, в архаическом мышлении с таким же успехом может именоваться волей богов или проявлением высших сил. Жребий, борьба и попытка убедить словом в равной мере служат вещественными доказательствами воли богов» [19, с. 136].

«...В неразвитом состоянии общества замечается однородность социальных норм, тогда как в дальнейшем ходе истории социальные нормы подвергаются закону дифференциации» [17, с. 145].

«...Учитывая синкретность... основных правил поведения в первобытном обществе, более удачным представляется термин “мононорма”, отражающий такую синкретность» [13, с. 214].

Классическим примером мононормы является табу. Табу как социальная норма имеет признаки и морального, и религиозного, и правового запрета. Его соблюдение обеспечивается групповым принуждением; воспроизводятся представления о сверхъестественной природе его источников; соблюдение и нарушение табу оценивается, соответственно, как «хорошо» и «плохо» (моральная оценка).

На синкретическом этапе, вероятно, индивидуальные субъекты осознавали себя только как члены своего рода [1, с. 13] и вне родовой общности себя не мыслили. Ценностный приоритет на этом этапе имеет не индивид, а группа. Соответственно носителем мононорм всегда является коллектив. Именно коллектив отвечает за воспроизводство норм, которые воспроизводятся изначально в неизменном виде, без творческого участия коллектива, который выполняет фактически охранительные функции, применяя санкции в отношении нарушителей мононорм. Однако впоследствии, с началом спецификации и дифференциации норм, осуществляется их расширенное воспроизводство, когда в нормативную регуляцию поведения и мышления человека привносятся новые характеристики, образуются уникальные практики, которые не порицаются, а поощряются.

В период становления ранних форм человеческих сообществ, когда последние постепенно обособлялись от природной среды, появились правила, используемые в однотипных повторяющихся ситуациях и

¹ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие. – М. : Высшее образование, 2008. – 358 с.

становящиеся нормами. Позднее эти нормы специфицируются, начинают функционировать в разных ценностно-нормативных сферах, усложняются, детализируются и порождают новые практики.

Первая нормотворческая революция (моральный переворот) напрямую связана со смещением смысловых акцентов от коллектива к индивиду, который, вычлняя себя из группы, тем не менее должен соотносить свое поведение с интересами общества, нести ответственность перед другими.

Моральный переворот представляет новый исторический этап формирования системы социальной регуляции, на котором отдельные нормы интериоризируются, т. е. из внешних правил и табу превращаются в элементы личностного сознания. Такое освоение норм через механизм их индивидуальной ассимиляции «извне» в процессе становления и развития как человека, так и человечества может быть рассмотрено как творческий процесс распознавания, осмысления, принятия, придания чему-либо ценности. Ю. М. Бородай в работе «Эротика – смерть – табу» отмечает: «Подавляющее большинство нормальных людей ассимилирует общезначимые культурно-духовные нормы извне, делая их своими, “кровными”. В этом и состоит механизм идентификации – фундамент стабильности данного общества» [4, с. 395].

На определенном этапе развития общества эти присвоенные нормы получают новое качество. Они начинают восприниматься как голос собственной совести, приобретают системность и единство, т. е. оформляются в индивидуальное моральное сознание. Получив автономность, новоприобретенное моральное сознание в ряде ситуаций начинает противопоставляться древним коллективным нравам.

Изменяются ориентиры для регуляции социальных отношений: принцип талиона («око за око»), в котором индивид тракто-

вался как часть рода, сменяется золотым правилом морали («не делай другим, чего не хочешь себе»), требующим от человека совершать инициативные поступки, соотносясь с собственными представлениями о других и их желаниях. Источником морального действия становится автономный, свободный субъект, осознающий ответственность перед другими и место морали для общественной жизни.

Норма начинает восприниматься в качестве объекта рефлексии, обсуждения, конвенции. Так, например, Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях...» повествует, как Перикл и Протагор обсуждают несчастный случай, произошедший во время спортивных состязаний. Пятиборец, бросая дрот, нечаянно попал в зрителя и убил его. Перикл «по словам Ксанфиппа, потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастного случая, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания» [14, с. 222]. Если для синкретического сознания такие рассуждения представляются бесполезными, то для морального сознания, а тем более правого, вопрос об индивидуальной ответственности имеет практическую значимость.

М. Гагарин, анализируя тексты Гомера, пишет, что в них обнаруживаются элементы морали как самостоятельного нормативного регулятора. При этом он интерпретирует мораль как отношение к другим, исключаящее эгоизм. Под другими понимаются не близкие люди, например друзья, и даже не все члены общества, поскольку в таких отношениях все еще есть элементы эгоизма, но те, кто нуждается в защите [20, р. 288–289].

У Гомера еще не было представлений о добродетели как индивидуальном благе, но он, как отмечает М. Гагарин, и не является философом. В то же время поведение гомеровских персонажей позволяет делать

определенные выводы о моральном сознании архаичного человека. По крайней мере, мораль здесь уже можно отличить от закона и религии [20, р. 292]. Так, правовые отношения были возможны только между полноправными членами общества, а религиозные – между смертными и богами, жрецами или смертными членами семьи богов. Моральные отношения и, соответственно, моральные нормы применяются в ситуациях, где сталкиваются члены общества и незащищенные люди (гости, просители, нищие) [20, р. 292–293]. В таких ситуациях намерения действующего субъекта приобретают принципиальное значение.

Моральный переворот характеризуется изменением характера императивности. Оптика морали позволяет совершать более точную индивидуальную настройку, чем механизм мононорм, учитывать не только содержание нормы (условия возникновения которой могли уже потерять актуальность), но и особенности ситуации ее применения. Как отмечает Р. Г. Апресян, «характер архаического морального мышления таков, что императивность носит в нем нарративно-ситуативный характер; большинство суждений относительно предпочитаемого, ожидаемого или надлежащего высказываются по частным случаям» [2, с. 133].

В текстах Гомера описываются ситуации такого рода, и, хотя моральные нормы уже обособляются от правовых и религиозных, они, тем не менее, еще не играют ведущую роль в иерархии нормативных регуляторов. Однако в более поздних текстах мораль становится главным инструментом оценки жизни полиса и его законов [20, р. 303].

Очевидно, что первоначально автономизация подобного рода происходила в единичном, а не массовом порядке. В эпоху «осевого времени» появились уникальные выдающиеся личности (пророки, мыслители, моралисты), закладывающие основы новых моральных систем. По мнению

Г. В. Ф. Гегеля, наиболее ярким проявлением этого процесса стала философия Сократа, а «центральной точкой всего всемирно-исторического поворота, составляющего сократовский принцип, является то, что место оракулов заняло свидетельство духа индивидуумов и что субъект взял на себя акт принятия решения» [5, с. 70]. Для европейской цивилизации первыми индивидуализированными субъектами нормотворчества стали такие выдающиеся мыслители, как Сократ, Платон, Аристотель и др.

Ведущей формой обоснования норм в таких условиях стала философия (в первоначальном понимании этого слова), а их развитие начало обеспечиваться уже не в борьбе родовых групп за выживание, а в теоретических дискуссиях различных школ и направлений философской мысли. Преимущества при этом получали те нормативные нарративы, в поддержку которых выдвигались убедительные аргументы как теоретического плана, так практического (на примере поступков философа и его жизни в целом, что предполагало выработку практик «заботы о себе»).

Таким образом, в ходе разложения архаичного сознания мораль превратилась в уникальный регулятор поведения и мышления человека, появились идея индивидуальной ответственности и нормативные механизмы ее реализации, человек начал ориентироваться не на внешние указания, а на собственную совесть. Общественные нормы и теоретические представления о нравственности, преломленные через свободу и разум, сформировали уникальное моральное «Я» человека.

Следующий цикл, сопровождающийся переходом от приоритета индивида к приоритету группы, связан с помещением в центр мира Бога, в основу ценностно-нормативной иерархии – религии (религиозный переворот). Рассмотрим особенности данного этапа на примере христианского нормотворчества.

Субъектами нормотворчества здесь являются, главным образом, Бог, соборы, представители религиозной элиты. Помимо догматов, или основных положений верования о природе Бога, церкви, конечности мира и др., возникает религиозное представление о морали и праве.

Последние сыграли особую роль в осуществлении очередного нормотворческого переворота, когда в центр ценностно-нормативного пространства попали права человека. Однако право начало восхождение к вершине нормативной иерархии в русле религиозного нормотворчества. Так, например, католический монах Иоанн Грациан, создавший *Concordantia discordantium canonum* (*Decretum Gratiani*), «...стал первым канонистом, который отказался от рассмотрения только теологических вопросов и сосредоточил свое внимание и на правовых аспектах церковной жизни» [9, с. 8].

Не стоит отказывать в значимости такому нормативному регулятору, как мораль, однако в эпоху религиозного нормотворческого переворота произошло принципиально важное смещение: преимущества перед индивидом снова получила группа. Несмотря на персоналистский характер христианской сотериологии, нельзя недооценивать значимость церкви, одной из характеристик которой является соборность.

Приоритет группы в религии как социальном нормативном регуляторе подчеркивает Э. Дюркгейм: «Религию составляют коллективные представления, которые отражают коллективную реальность, и коллективные практики, которые постоянно создают и воссоздают эту реальность» [7, с. 3].

К. Касториадис, рассуждая о появлении религиозных норм, подчеркивает сложность и ограниченность индивидуального нормотворчества, поскольку индивид не может создать социальный институт: «Сознание индивида способно производить свои частные фантазмы, но не институты.

Иногда может происходить соединение, примеры которого в истории нам известны. Это основатели религий или другие “выдающиеся личности”, чьи фантазмы заполнили зияние бессознательного других там, где это было необходимо» [8, с. 49]. Действительно, индивид может сотворить формулировку нормы, но для того, чтобы она стала социальной, необходимо, чтобы многие люди ее поняли и приняли, признали как ценность и начали ориентироваться на нее в практической деятельности.

Также К. Касториадис обращает внимание на то, что религиозное нормотворчество не осуществляется в ценностно-нормативном вакууме. Процесс нормообразования происходит в уже существующем социальном воображаемом. Исследователь отмечает: даже если нормотворческая деятельность пророка направлена на разрушение имеющихся институтов, «...он опирается на них в своей деятельности. Все религии, генезис которых нам известен, суть лишь трансформации предшествующих религий или же содержат значительную долю синкретизма» [8, с. 162].

Религиозное нормотворчество фактически не прекращается до настоящего времени, хотя религия иерархически уступает иным нормативным социальным регуляторам. Так, например, в Русской православной церкви субъектами нормотворчества являются Поместный собор, Архиерейский собор и епископ (низшая нормотворческая инстанция). Нормативные документы, разрабатываемые и принимаемые данными субъектами, отражают специфику взаимодействия церкви с обществом и государством. В то же время сохраняется приоритет группы перед индивидом. Это связано в том числе с такой особенностью религиозного нормотворчества, как запрет на противоречия Священному Писанию и каноническому корпусу православной церкви. В канонический корпус входят Правила

Святых Апостолов, каноны шести Вселенских и десяти Поместных соборов и правила 13 Отцов². Новые нормы, как и древние, должны соответствовать первоисточнику религиозных норм – Божественной воле.

Если обратиться к особенностям религиозного нормотворчества Русской православной церкви на современном этапе, необходимо отметить следующие особенности: догматическое нормотворчество не осуществляется; новейшие нормативные документы Церкви содержат положения, имеющие правовой и моральный характер, однако их можно отнести именно к религиозным нормам, поскольку они адресуются верующим и соответствуют первоисточнику религиозных норм, каноническому корпусу и т. п.

В Новое время произошел очередной нормотворческий переворот: мировоззренческое преимущество снова получил индивид, но в ценностно-нормативной иерархии сакральное в нормах заменилось на рациональное, антропоцентрическое, утилитарно-инструментальное. Ведущее положение получил концепт «права человека» (правовой переворот). Право не поглощает собой мораль и религию, но становится ключевым нормативным регулятором, что оказывает влияние и на иные системы социальных норм. Активизируются процессы юридизации морали (ярким примером является философия Канта) и религии (например, «Кодекс канонического права» католической церкви). Субъектом нормотворчества является человек, и даже если отдельные элементы нормотворческого процесса осуществляются коллективными субъектами, можно попытаться установить степень творческого вклада каждого из них в создаваемую, изменяемую или отменяемую норму. Принятие данного тезиса требует отказа от право-

вого этатизма, т. е. лишения государства монополии на право.

Б. С. Шалютин, осуществляя экскурс к моменту возникновения права, рассматривает правогенез на временной шкале наряду с возникновением общества и государства [16]. И. А. Арзуманов акцентирует внимание на иных началах: «Право в его общесоциальном и позитивно-правовом смыслах, являясь одним из основных регуляторов общественных отношений, имеет цивилизационно-культурные истоки» [3, с. 19]. Но при этом Б. С. Шалютин описывает правообразование, а И. А. Арзуманов – правотворчество. Вероятно, понятие «правообразование» шире и включает не только правотворчество, правовое нормотворчество, но и правогенез.

Нововременной правовой переворот произошел как в позитивном праве, формализованном государством, так и в тех правовых пространствах, которые существуют автономно, помимо государства. К этому моменту, безусловно, сформировались и индивидуальная, и групповая правосубъектность. Однако изменилась интерпретация автономии индивида. Автономия провозглашается И. Кантом как ключевой моральный принцип. Личность автономна только тогда, когда разумная воля устанавливает универсальные нормы. Если же воля является самозаконодателем, но результат ее нормотворческих усилий не универсализуется, то автономия разрушается.

Для правового переворота характерно и стремление обладать миром. Одно созерцания и религиозного поклонения уже не хватает. Как пишет М. Хайдеггер, «основополагающий процесс Нового времени – завоевание мира, ставшего образом... Составляя образ, человек борется за то свое положение, где бы он мог, будучи сущим, задавать свою меру и предначертывать направление всему сущему» [18,

² Цытин В. (протоиерей). Курс церковного права : учебник. – Клин : Христианская жизнь, 2004. – 704 с.

с. 281]. Право оказалось наиболее успешным соционормативным инструментом по сравнению с моралью и религией, подходящим для целей завоевания мира. Оно позволяет упростить картину мира настолько, что даже правовые неопределенности со временем поддаются классификации, кодифицированию и иным формам упорядоченности. Кроме того, будучи наиболее лабильными из всех социальных норм, правовые нормы способны быстро приспосабливаться ко всё более текучему бытию современности.

Необходимо отметить, что, несмотря на долговременное превалирование юридического позитивизма в мировоззрении юридического сообщества, особенно на постсоветском пространстве, понятию естественного права также уделяется много внимания, что способствует углублению понимания правового нормотворческого переворота и его влияния на современные концепции права.

Ч. Тейлор полагает, что модерн знаменуется обогащением социального воображаемого новыми образами, которые трансформируют и структуру общества, и социальные практики, и их ценностно-нормативное обоснование. Эти образы строятся на идеях отказа от иерархии в пользу равноправия и взаимного уважения [23, р. 7–8]. Без этих идей был бы невозможен правовой переворот. Идея закона, утверждающего равноправие только в силу принадлежности к человеческому роду, надолго утвердилась в социальном воображаемом. К. Касториadis подчеркивает, что важно не только принимать закон, но и проявлять волю к законодательному сотворчеству. В противном случае человек попадает в ситуацию инфантилизма, а «инфантилизм – это прежде всего желание получать не давая, за которым следует действие, существование с целью получать» [8, с. 110].

Отметим, что в современной российской правовой системе предусмотрены механизмы участия в нормотворческой деятельности не только компетентных лиц, но и населения в целом, однако это требует выделения степеней правового нормотворчества в зависимости от вклада субъектов нормотворчества в появление, изменение или отмену норм права. Так, наибольшая степень нормотворчества проявляется на этапе формирования идеи о создании, изменении или отмене правовой нормы (можно предположить, что созидательная идея обладает наибольшим нормотворческим потенциалом). Следующая степень – формулировка нормы (перевод с обыденного языка на юридический); далее – поэтапное обсуждение формы и содержания нормы (например, обсуждение и критика норм в процессе прохождения чтений законопроекта в Государственной Думе РФ) и, наконец, голосование.

Население может осуществлять нормотворческую деятельность посредством участия в референдумах (включая местные) или изъявлять нормотворческую волю в иных формах. Так, например, с 25 июня по 1 июля 2020 г. проводилось общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Поправки были представлены в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Однако согласно ч. 4 ст. 3 этого закона поправки вступают в силу только в случае, если они получают одобрение в ходе общероссийского голосования³. Это свидетельствует о нормотворческом характере процедур общероссийского голосования.

Для населения доступно не только голосование. Существуют различные механизмы

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

участия граждан в обсуждении правовых норм: нулевые чтения, общественные слушания, общественная экспертиза. Например, нулевые чтения проходят в региональных Общественных палатах субъектов Федерации, далее сформулированные предложения и замечания рабочих групп по нулевым чтениям могут быть использованы законодателем для усовершенствования норм.

Также граждане имеют возможность принять участие в формулировании идеи правовой нормы. Примером реализации такой возможности является интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним – Российская общественная инициатива (РОИ). Помимо общественных инициатив, существуют и нормативно урегулированные способы нормотворчества граждан. Так, согласно ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане, хотя и не обладают законодательной инициативой, «имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»⁴. Кроме того, согласно ч. 1. ст. 6 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» право законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации может быть предоставлено гражданам, проживающим на территории субъекта Российской Федерации⁵.

Обсуждение и заключение

Современный социальный мир стоит на пороге очередного нормотворческого пере-

ворота, а, возможно, уже находится в его эпицентре. По крайней мере, отчетливо наблюдается цикличность: индивида из центра мироздания вместе с его правами теснят группы со своими правами и борьбой за признание, и напротив, индивид отстаивает перед группой свои права и ценность индивидуальной свободы. Однако в ценностно-нормативной иерархии наблюдается высокий уровень неопределенности. Правовые, моральные и религиозные нормы вступают в сложное взаимодействие друг с другом, обозначая сферы не только естественной, но и искусственной социальности, создаваемой автономными интеллектуальными системами. Это взаимодействие не всегда проходит бесконфликтно, поэтому можно описать несколько возможных сценариев современного нормотворческого переворота: сохранение приоритета права, если будут найдены действенные механизмы сохранения паритета прав человека и прав группы; возвращение к приоритету морали или религии, но на качественно новом уровне, и, наконец, возвращение к синкретизму, который, разумеется, не вернет нас в мифологическое прошлое, но приобретет принципиально новые черты.

Так, например, один из новейших документов Русской православной церкви, принятый на Архиерейском соборе в 2004 г. (Архиерейский собор, согласно гл. 3 Устава РПЦ, является субъектом нормотворчества)⁶, – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» – содержит нормы, имеющие смешанный характер, которые являются значимыми и обязательными к исполнению только для тех, кто идентифицирует себя как православный. Так, развод осуждается Церковью как грех, однако приводится перечень допустимых

⁴ <http://www.constitution.ru>.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

⁶ Устав Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133124.html>.

оснований для развода с учетом принципа икономии, позволяющего проявлять снисхождение в реализации отдельных видов религиозно-нравственных практик.

Разумеется, это далеко не все возможные варианты развития событий в ценностно-нормативном пространстве. Эти события

могут быть значимыми в представлениях носителей определенного правопонимания, религиозных убеждений, морального сознания. Исследование процессов нормотворчества может помочь разобраться с отдельными проблемами сложнопрогнозируемой полифоничной действительности.

Библиографический список

1. Аннерс Э. История европейского права. – М. : Наука, 1994. – 397 с.
2. Апресян Р. Г. Нравоперемена Ахилла: к первичному генезису морали // Философский журнал. – 2011. – № 1 (6). – С. 115–133.
3. Арзуманов И. А. К вопросу о методологических подходах исследования государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений // Теория государства и права. – 2019. – № 1. – С. 19–25.
4. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М. : Гнозис ; Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – СПб. : Наука, 2000. – 480 с.
6. Дробницкий О. Г. Моральная философия : избранные труды / сост. Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2002. – 523 с.
7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества : пер с фр. / пер. Г. Волковой, С. Офертаса. – М. : Гнозис; Логос, 2003. – 480 с.
9. Кондратьева А. Н. Некоторые особенности нормотворчества в средневековой Западной Европе (на примере создания глосс к «*Decretum Gratiani*») // Российский хороший журнал. – 2019. – № 2. – С. 6–12.
10. Максимов Л. В. О субъективистских течениях в современной философии морали // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 3–15.
11. Максимов Л. В. Универсальность морали как ее единственность // Мораль и универсальность : сборник научных статей. – М. : Гуманитарий, 2018. – С. 107–127.
12. Марков А. В. Эволюция человека : в 2 кн. Кн. 1 : Обезьяны, кости и гены. – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 464 с.
13. Перишц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. – М. : Наука, 1979. – С. 210–240.
14. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. – М. : АН СССР, 1961. – Т. 1. – 504 с.
15. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/1>. – Загл. с экрана (Дата обращения: 17.09.2020).
16. Шалютин Б. С. Правогенез : основные позиции и аргументы (критический анализ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/33133013/Правогенез_основные_позиции_и_аргументы_критический_анализ_. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 22.06.2020).
17. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 752 с. – (Юристы, изменившие право, государство и общество.)
18. Хайдеггер М. Время картины мира // Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. : Академический Проект, 2008. – 528 с.
19. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
20. Gagarin M. Morality in Homer // Classical Philology. – 1987. – Vol. 82. – No. 4. – P. 285–306.
21. Herbrink R., Schlechtriemen T. Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary

- in Sociology” [Electronic resource] // In the ÖZS. Österreich Z Soziol. – 2019. – Vol. 44. – P. 1–15. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00370-3>.
22. James P. The Social Imaginary in Theory and Practice [Electronic resource] // Hudson C., Wilson E. (eds). Revisiting the Global Imaginary. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019. – P. 33–47. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14911-6_3.
23. Taylor C. Modern social imaginaries. – Durham : Duke Univ. Press, 2004. – 215 p.

References

1. Anners E. History of European law. Moscow, 1994, 397 p. (In Russ.).
2. Apresyan R. G. Moral change of Achilles: to the primary genesis of morality. *Filosofskij zhurnal* = Philosophical journal. 2011; 1(6): 115–133. (In Russ.).
3. Arzumanov I. A. To the question of methodological approaches to the study of state-legal regulation of ethno-confessional social relations. *Teorija gosudarstva i prava* = Theory of state and law. 2019; 1: 19–25. (In Russ.).
4. Borodai Yu. M. Erotica – death – taboo: the tragedy of human consciousness. Moscow, 1996, 416 p. (In Russ.).
5. Hegel G. W. F. Lectures on the history of philosophy. Saint Petersburg, 2000, 480 p. (In Russ.).
6. Drobnitskiy O. G. Moral philosophy: selected works. Moscow, 2002, 523 p. (In Russ.).
7. Durkheim E. Elementary forms of religious life. Totemic system in Australia. Moscow, 2018, 736 p. (In Russ.).
8. Kastoriadis K. The Imaginary Establishment of Society. Moscow, 2003, 480 p. (In Russ.).
9. Kondratyeva A. N. Some features of rule-making in medieval Western Europe (on the example of creating a gloss to “Decretum Gratiani”). *Rossijskij horoshij zhurnal* = Russian good journal. 2019; 2: 6–12. (In Russ.).
10. Maksimov L. V. About subjectivist trends in modern philosophy of morality. *Jeticheskaja mysl'* = Ethical thought. 2016; 16(1): 3–15. (In Russ.).
11. Maksimov L. V. Universality of morality as its uniqueness. *Morality and universality: coll. of scient. art.* Moscow, 2018, P. 107–127. (In Russ.).
12. Markov A. V. Human evolution: in 2 books. Book. 1: Monkeys, Bones and Genes. Moscow, 2011, 464 p. (In Russ.).
13. Pershits A. I. Problems of normative ethnography. *Studies in general ethnography.* Moscow, 1979, P. 210–240. (In Russ.).
14. Plutarch. Comparative biographies: in 3 vol. Moscow, 1961, Vol. 1, 504 p. (In Russ.).
15. Taylor Ch. What is the social imaginary? [Electronic resource]. *Neprikosnovennyj zapas* = Emergency reserve. 2010. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/1>. (Accessed 09/17/2020). (In Russ.).
16. Shalyutin B. S. Law genesis: basic positions and arguments (critical analysis) [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/33133013/Pravogenesis_base_points_and_arguments_critical_analysis. (Accessed: 22/06/2020). (In Russ.).
17. Shershenevich G. F. Selected: in 6 vol. Vol. 4 including General theory of law. Moscow, 2016, 752 p. (In Russ.).
18. Heidegger M. Time of the picture of the world. Moscow, 2008, 528 p. (In Russ.).
19. Heizinga J. Homo ludens. Man playing. Saint Petersburg, 2011, 416 p. (In Russ.).
20. Gagarin M. Morality in Homer. *Classical Philology.* 1987; (82)4: 285–306. (In Eng.).
21. Herbrük R., Schlechtriemen T. Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary in Sociology”. In the ÖZS. Österreich Z Soziol. 2019; Vol. 44: 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00370-3>. (In Germ.).
22. James P. The Social Imaginary in Theory and Practice. In: Hudson C., Wilson E. (eds) Revisiting the Global Imaginary. Palgrave Macmillan, Cham, 2019, P. 33–47. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14911-6_3. (In Eng.).
23. Taylor C. Modern social imaginaries. Durham: Duke Univ. Press, 2004. 215 p. (In Eng.).

Поступила 10.11.2020.

Сведения об авторах

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук, профессор, кафедра уголовно-процессуального права и криминалистики, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная нормативность, общественное воспроизводство, социальное нормотворчество. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: философия культуры, прикладная этика. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>.

E-mail: sychevaa@mail.ru

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, декан, факультет дополнительного образования, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: прикладная этика, социальное нормотворчество. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Submitted 10.11.2020.

About the authors

Ekaterina A. Koval – Doctor of Philosophy, Professor Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA) (Saransk, Russia). Research interests: social normativity, social reproduction, social norm-creating. The author has more than 130 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: philosophy of culture, applied ethics. The author has more than 250 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>.

E-mail: sychevaa@mail.ru

Natalia V. Zhadunova – Candidate of Philosophy, Dean, the Faculty of additional education, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), Ph.D. (Philosophy), Research interests: applied ethics, social norm-creating. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

УДК 130.32

Д. Б. Казанцева¹, С. И. Ивентьев²¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: dinasens@mail.ru² ООО «ДЭЛИЛ» (Казань, Россия), e-mail: iventev_2017@mail.ru

Духовно-нравственный потенциал личности в общественно-политической сфере современной России

Введение. Рассматривается духовно-нравственный аспект политической сферы. В связи с тем, что ядром потенциала российского (русского) политика исторически выступало духовно-нравственное начало российской ментальности, формирующееся в результате духовно- и нравственного развития, в процессе воспитания и обучения, аналитика, стратегическое управление и создание системы исполнительности, дававшие максимальный эффект результативности в развитии страны, создавались на основе духовно-нравственных идеалов управленцев как важнейших аксиологических ориентиров общества. Цель статьи – исследование влияния духовно-нравственного потенциала личности политика на политическую сферу современной России. **Материалы и методы.** В теоретико-методологической основе научного исследования лежат культурно-исторический, деятельностный, комплексный, трансдисциплинарный и психосоциальный подходы. Используются интенционально-динамическая концепция и теории когнитивного диссонанса, структуралистско-конструктивистская, структуриационистская, этнометодологическая. **Результатами исследования** становится научно-философское обоснование того, что духовно-нравственное начало личности российского политика является сущностной основой ее ресурсного развития, источником силы, мотивов и внутренней активности. Духовно-нравственный потенциал личности политика детерминирует движение глубинных сущностных жизненных сил, разворачивающихся через ментальную программу, являющуюся родовым архетипичным основанием самореализации, определяя стратегию и тактику, вектор развития страны. Детерминированные цивилизованностью России ментальные программы поведения личности политика создают его устойчивые стереотипы поведения и ценности, на генетическом уровне храня русскую (российскую) ментальность, духовно-нравственные ценности и русскую культуру как способ бытия общества. В связи с идентификацией через духовно-нравственные ценности с российской идентичностью ему чужды цивилизационные основы других стран, его деятельность направлена на укрепление российской государственности. **Обсуждение и заключение.** В современной политической сфере России существуют противоречия между объективными законами развития потенциала личности политика и ее субъективными предпочтениями, создающими новые реалии, нарушающие основы цивилизационного развития страны; традиционного, культуuroобразующего и внешнего, цивилизационного чуждого, меняющего сущностное российских цивилизационных оснований, ослабляющего точку опоры в ментальности политических лидеров. Разрешение противоречий определяется особенностями культурно-исторического, духовного развития России, в которых заложены мобилизационные потенциальные возможности личности и общества; силой политической личности, являющейся активным субъектом политической деятельности, реализующей свой духовно-нравственный потенциал, запускающий глубинные сущностные силы родового архетипа духовно-нравственных качеств; осуществляющей процессы самоорганизации системы, устойчивое развитие и стабилизацию общества. Укрепление России как мировой державы возможно лишь политическому субъекту соответствующей ей ментальности, дающей силы и сущностное основание движения и развития, в связи с тем, что

© Казанцева Д. Б., Ивентьев С. И., 2021

именно ментальность политика, являющаяся проявлением ментальной программы общества, создает возможность успешных действий в культурно-образовательном пространстве своей страны. Лишь в этом случае политика будет выступать духовно-нравственным идеалом и важным аксиологическим ориентиром для общества и каждого гражданина.

Ключевые слова: политик, политическая сфера, управление, страна, цивилизация, ментальность, личность, духовность, нравственность, потенциал, духовно-нравственный потенциал личности, духовно-нравственные ценности, культурно-духовный код.

Для цитирования: *Казанцева Д. Б., Ивентьев С. И.* Духовно-нравственный потенциал личности в политической сфере современной России // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 78–95. DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.078-095.

Dina B. Kazantseva¹, Sergey I. Iventev²

¹ *Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: dinasens@mail.ru*

² *DELIL LLC (Kazan, Russia), e-mail: iventev_2017@mail.ru*

Spiritual and Moral Potential of Personality in the Social-Political Sphere of Modern Russia

Introduction. The article examines the spiritual and moral aspect of the political sphere. Due to the fact that the core of the potential of the Russian (Russian) politician has historically been the spiritual and moral principle of the Russian mentality, which is formed as a result of spiritual and moral development, in the process of education and training, then analytics, strategic management and the creation of a system of diligence gave the maximum effect of effectiveness in development of the country, were created on the basis of the spiritual and moral ideals of managers as the most important axiological guidelines of society. The purpose of the article is to study the influence of the spiritual and moral potential of a politician's personality on the political sphere of modern Russia. **Methodology.** The theoretical and methodological basis of scientific research is cultural-historical, activity-based, integrated, transdisciplinary and psychosocial approaches. The intentional-dynamic concept and theories of cognitive dissonance, structuralist-constructivist, structuralist, ethnomethodological are used. **Research Results.** The research results in a scientific and philosophical substantiation of the fact that the spiritual and moral principle of the personality of a Russian politician is the essential basis of his resource development, a source of strength, motives and internal activity. The spiritual and moral potential of a politician's personality determines the movement of deep essential vital forces that unfold through the mental program, which is the generic archetypal basis for self-realization, determining the strategy and tactics, the vector of the country's development. Determined by the civilization of Russia, the mental programs of the behaviour of the politician's personality create his stable stereotypes of behaviour and values, preserving the Russian (Russian) mentality, spiritual and moral values and Russian culture as a way of being of society at the genetic level. In connection with the identification through spiritual and moral values with Russian identity, the civilizational foundations of other countries are alien to him and his activities are aimed at strengthening the Russian statehood. **Discussion and Conclusion.** In the modern political sphere of Russia, there are contradictions between the objective laws of the development of the potential of a politician's personality and his subjective preferences, which create new realities that violate the foundations of the country's civilizational development; traditional, culture-forming and external, civilizational alien, changing the essential of Russian civilizational foundations, weakening the fulcrum in the mentality of political leaders. The resolution of contradictions is determined by the peculiarities of the cultural, historical, spiritual development of Russia, which contain the mobilization potential of the individual and society; the power of a political personality, which is an active subject of political activity, realizing its spiritual and moral potential, launching the deep essential forces of the generic archetype of spiritual and moral qualities, carrying out the processes of self-organization

of the system, sustainable development and stabilization of society. Strengthening Russia as a world power is possible only for a political subject of the corresponding mentality, giving strength and the essential basis of movement and development, due to the fact that it is the mentality of a politician, which is a manifestation of the mental program of society, that creates the possibility of successful actions in the cultural and educational space of his country. Only in this case politics will act as a spiritual and moral ideal and an important axiological guideline for society and every citizen.

Keywords: politician, political sphere, government, country, civilization, mentality, personality, spirituality, morality, potential, spiritual and moral potential of an individual, spiritual and moral values, cultural and spiritual code.

For citation: Kazantseva D. B., Iventev S. I. Spiritual and Moral Potential of Personality in the Social-Political Sphere of Modern Russia. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 78–95 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.078-095.

Введение

Современные особенности развития России актуализировали значение духовно-нравственного потенциала для личности политика. Произошло это в связи с тем, что последние десятилетия обнажили причины проблемного развития страны, содержащиеся в политическом и непосредственно в управленческом, а не в исполнительском компоненте экономической и социальной сфер. Именно эти сферы отвечают за систематизацию и использование базовых компонентов российской (русской) цивилизации, а именно ментальности и потенциальности, обеспечивающих целостность и эффективность результатов деятельности. Отсутствие актуализации духовно-нравственного потенциала личности политика и его реализации в деятельности, за которую он отвечает, смещает вектор развития страны в сторону, не свойственную менталитету России, ее мировоззренческим основам и вековым ценностям, имеющим базой именно духовно-нравственное в развитии личности, общества, государства. Как следствие, разваливается экономика, страдает социальная сфера, рушатся судьбы людей, идет недоверие к политическим деятелям.

Аналитика предшествующих периодов развития России, а именно имперского и советского, дает примеры актуализации духовно-нравственного потенциала

в личности политика и управляемого им общества и благополучное решение, благодаря этому, вопросов развития страны и глобальных исторических противоречий. Духовно-нравственный потенциал как основа российской ментальности через культуруобразующие духовно-нравственные ценности, присутствуя руководящим принципом в личности политика, регулировал «государствообразующие» вопросы. Через самореализацию потенциала личности раскрывался культурно-духовный код развития как личности, так и общества, актуализируя в свою очередь критериальные основы вектора и этапы прогрессивного развития. Духовно-нравственный потенциал личности наиболее отчетливо исторически проявлялся именно в политической сфере российского общества на всех уровнях власти: федеральном, региональном и местном.

Современная реальность вскрыла главное противоречие в осуществлении политической деятельности, создающее столкновение конструктивных и деструктивных векторов развития: детерминированность реализации личности политика и вводимых им политических норм разными цивилизационными основаниями, с одной стороны, русской цивилизационной культурой, с другой – глобальными процессами, смыслами и ценностями иных цивилизационных культур.

Анализ современной ситуации позволяет предположить, что духовно-нравственный потенциал российского политика в большинстве случаев не проявлен, как следствие, его аналитика не соответствует основам русской ментальности, в результате не соответствуют и стратегичность, стратегическое управление, а отсюда – и структурирование исполнительности. Все ошибки нижестоящего исполнителя предопределены позицией управляющей части, а именно ориентиров и аналитики, системности и стратегического видения. Запускается цепная реакция механизма деформации во всех сферах развития общества – как политической, так и экономической и социальной. В сложившейся ситуации глобального кризиса и разрушения в мировом пространстве основ не только русской цивилизационной культуры, но и других цивилизационных культур сохранение Российского государства возможно лишь при одном условии – актуализации духовно-нравственного потенциала личности каждого человека, особенно личности политика.

В связи с этим в научных и политических источниках в разных формах осуществляется поиск выхода из длительного кризиса, поднимается вопрос о возвращении сущности духовного, потенциального, родового, ментального. Однако актуальными и неизученными остаются вопросы взаимовлияния духовного и потенциального, их взаимосвязь с ментальным, процесс актуализации и самореализации духовно-нравственного потенциала и особенно влияния его самореализации на личности политика, отвечающего за деятельность политической сферы общества. Сложность вопроса в его малоизученности в гуманитарных дисциплинах и поэтому отсутствию необходимого в данном случае междисциплинарного анализа.

Актуальность данного вопроса определяется и тем, что глубокий кризис совре-

менных мировых цивилизационных сообществ, ранее размывших цивилизационные основания и, как следствие, нарушивших общие законы и нормы развития как личности, так и общества, привел к прохождению бифуркационной точки их эволюционного развития, смене состояния равновесия на неравновесие и неустойчивость, возникновению новых точек бифуркации. В сложившейся обстановке политические лидеры ищут внешние условия стабильного функционирования систем (расширяя территориальный охват влияния и получения как можно больше материальных ресурсов) для выхода из кризиса и перехода на более высокий уровень развития.

Однако остается без внимания главное: процесс самоорганизации систем должен начинаться не со случайного и внешнего воздействия на систему, а с целенаправленного внутреннего воздействия потенциала личности на состояние системы. История России полна примерами, когда личность политика, самореализующая духовно-нравственный потенциал, ментальную основу русской цивилизационной системы, в переломные моменты неопределенности и хаотичности в кратчайшие сроки осуществляла процесс самоорганизации системы, устойчивое развитие и стабилизацию общества. Отсутствие в столь сложное время внимания к вопросу актуализации и самореализации духовно-нравственного потенциала личности политика уменьшает вероятность разрешения сложившихся противоречий и надвигающихся мировых потрясений.

Обзор литературы

Феномен духовно-нравственного потенциала и особенности его формирования можно увидеть в разных формах в работах таких ученых, как К. А. Абульханова-Славская, О. С. Анисимов, С. Ф. Анисимов, Г. Р. Аглямова, Т. Р. Азиуллина, К. Я. Вазина, Л. Х. Газгиреева, Л. М. Галиев, Н. И. Джегутанова, Д. Б. Казанцева, Л. В. Камедина,

В. Ж. Келле, Н. Липатова, С. Парамонов, Н. А. Симонова, Н. Б. Трофимова, А. А. Тер-Акопов, Н. Успенский, Ф. Н. Цораева и др. Показаны сложность определения понятия «духовно-нравственный потенциал», фрагментарность его изучения, отсутствие полноценного исследования в сферах бытия. В связи с этим совершенно не рассматривается духовно-нравственный потенциал личности в политической сфере.

Основы духовно-нравственного потенциала личности политика можно рассмотреть среди таких малоизученных понятий, как «духовный потенциал» и «нравственный потенциал», объединение которых в ряде работ придает характеристике потенциала не совсем точный смысл. Фрагменты структуры более явно проступают в еще недостаточно изученном, но актуализированном учеными понятии «потенциал», которое, с одной стороны, в философии, социологии, психологии, политологии не имеет однозначного толкования, но, оставаясь дискуссионным, все же часто употребляемо, легко узнаваемо при разнообразных трактовках, что затрудняет однозначность его определения.

Таким образом, анализ показывает, что духовно-нравственный потенциал личности политика остается неизученным, а именно его суть, структурные составляющие, описание его самореализации через непосредственно политическую сферу деятельности; нет целостного описания комплекса условий и факторов использования обществом этих глубинных ментальных способностей для социокультурного политического развития.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу научного исследования специфики духовно-нравственного потенциала личности в политической сфере составили: культурно-исторический подход (Н. А. Бердяев, Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, А. С. Хомяков, Д. Н. Уз-

надзе, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Л. С. Выготский и др.); деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина и др.); комплексный подход (Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, Н. А. Логинова и др.); психосоциальный подход (А. А. Бодалев, Л. Д. Гудков, А. Камю, Э. Фромм, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.); интенционально-динамическая концепция (С. Ю. Степанов); теория когнитивного диссонанса (Л. Фестингер); структуралистско-конструктивистская теория (П. Бурдьё); структурационистская теория (Э. Гидденс); этнометодологическая теория (Г. Гарфинкель); концепция фоновых практик (Л. Витгенштейн). Объединил все рассмотренные выше подходы и теории, став ментальной программой исследования, трансдисциплинарный подход (Л. П. Киященко, А. В. Лубский, В. И. Моисеев, Е. Князева, В. Порус, В. Пружинин, В. Н. Сыров, В. Nicolescu, E. Jantsch, E. Morin, R. W. Scholz).

Результаты

По мнению Д. Б. Казанцевой, духовно-нравственное начало личности является сущностной основой ядра ее потенциала, главным и единственным условием возможного ресурсного развития. Потенциал, удерживая родовое, ментальное начало как источник силы личности, ее мотивов и внутренней активности, выступает базовой основой духовного развития личности и общества, предпосылкой формирования процесса самореализации через проявленность сущностных законов, свойств и детерминант развития. Феномен духовно-нравственного потенциала личности воплощает многомерность человеческого бытия, движение глубинных сущностных жизненных сил, разворачивающихся через ментальную программу – родовое архетипичное основание становления и самореализации (родовой архетип духовно-нравственных качеств человека и алгоритм движения по ступе-

ням духовного развития), обеспечивая как путь субъективной идентификации с онтологическим содержанием духовного, так и специфику индивидуальной траектории развития духовно-нравственной личности, раскрывающую ее духовно-нравственное, сущностное начало [19, с. 50–55].

С точки зрения Н. И. Джегутановой, «понятие “духовно-нравственный потенциал личности” объединяет духовное и нравственное в личности как не реализованные в конкретный момент времени возможности личности, ее способности к действию, которые при определенных обстоятельствах (факторах, педагогических условиях) могут быть актуализированы. Данное понятие отражает стремление и способность (внутренне присущую силу) человека к самосовершенствованию» [14, с. 174].

Под духовным потенциалом (от лат. *potentia* «сила») человека Н. Б. Трофимова подразумевает «личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве основы для духовного поведения» [31].

Г. И. Герасимов показывает общие закономерности раскрытия духовных и социокультурных основ развития человека и общества и грань потенциала, где он просматривается как возможность, переходящая в динамику действия в определенно-организованном культурно-образовательном пространстве, в котором сущность потенциала получает структурно-содержательное оформление. Автор отмечает, что потенциал реализуется с помощью определенного способа познания и связан с самореализацией, в ходе которой и осуществляется его раскрытие. Самореализация при этом выступает характеристикой субъектности личности, опирающейся на проектную культуру и проектное мышление, инновационную способность и инновационный образ жизни общества [12].

Духовно-нравственный потенциал прямо связан с ментальностью и является проявлением ментальной программы общества. По мнению А. В. Лубского, основой социокультурной памяти российского общества является неформальная ментальная матрица, несущая в себе особенности российского государственно-организованного общества на разных этапах его эволюции и формирующая через нормативно-ценностное историческое пространство особенности ментальных программ поведения личности, конструкты, изменяющие внутренний мир людей и задающие определенные стереотипы восприятия реальности и структуры сознания. Автор показал сознательные и бессознательные структуры менталитета, влияющие на формирование представлений, ценностей и установок, где неосознанные компоненты менталитета носят устойчивый характер и активизируются при создании благоприятных условий, выступая неосознанным мотивом поведения. При этом осознанные компоненты более неустойчивы и склонны к диверсификации под влиянием среды [23; 24].

Именно особенности русского (российского) менталитета, детерминированного особым феноменом России, ее цивилизационностью, отличной от Запада и Востока, существенно влияют на общество, разнообразные сферы деятельности, включая политическую, правосознание и правовое поведение россиян [18, с. 83].

Что касается политической сферы проявления потенциала, то, как отмечают С. И. Ивентьев и А. Н. Нурутдинова, в политику кандидаты приходят уже с определенным духовно-нравственным уровнем развития. Анализируя данный вопрос, исследователи констатируют, что уже на уровне избирательной кампании и выборов, т. е. первого шага в политическую жизнь страны, предельно мало внимания уделяется духовно-нравственному аспекту избира-

тельного процесса, касающегося этических требований к кандидатам, их поведению в предвыборных кампаниях, предвыборной агитации. В духовном и нравственном плане кандидаты изначально находятся в неравном положении из-за разницы в уровне воспитания, образования и развития. Духовно-нравственное неравенство определяется отсутствием в действующем российском законодательстве этических требований к кандидатам на выборные должности в органы государственной власти и местного самоуправления. Именно законодательство не предусматривает жесткий профотбор к занимаемой должности и наличие критически важных для современного общества, внутренних качеств политика [16, с. 266–270].

В процессе политической деятельности, уже на выходе, используя служебное положение, отмечено открытое применение политиками разного рода манипуляций индивидуальным и общественным сознанием при реализации политических прав, а также ведении различных информационных войн, что говорит об их определенном духовно-нравственном уровне развития [17, с. 163–168].

Как утверждает Ф. Н. Цораева, в воспитании многих политиков упущен процесс становления духовно-нравственного потенциала личности, представляющий собой «длительный многогранный процесс становления человека, приобретения индивидуальными моральными ценностями, выработки им нравственных качеств, способности жить согласно этическим нормам и правилам морали, ориентироваться на идеалы» [36, с. 426].

Основой духовно-нравственного совершенствования, с точки зрения Т. Н. Липатовой [25, с. 158], являются ценности и ценностные предпочтения. Она отмечает, что приверженность национальным традициям подразумевает универсальные, личностные, религиозные ценности, ценности

трудовой, социально-политической и духовной сфер жизнедеятельности. Именно ценности и ценностные предпочтения занимают важное место в структуре потенциала. Их система – фактор реализации духовного потенциала, актуализации возможностей и способностей, определяющих во многом поведение и деятельность людей. Объективные и субъективные факторы, создавая систему, выступают источником духовно-нравственного совершенствования личности. Они, создавая целостное видение и реализацию разнообразных способностей и талантов, определяют этнокультурное развитие каждого региона. При этом существует региональная специфика в реализации духовного потенциала.

Непосредственно духовно-нравственные ценности, как уточняет З. А. Айзатуллин, – это «установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие ее на достижение высших идеалов» [1]. Действительно, под ценностью понимается «то, что имеет для человека важное значение, особую значимость» [31, с. 9]. При этом к духовно-нравственным ценностям относят не только религию, но и духовную сущность человека и ее потребности, которые подлежат юрисдикции [2, с. 21–29; 6, с. 40–45; 7, с. 62–65; 30, с. 167–171].

Функционирование и развитие общества, как отмечают В. В. Волков и О. В. Хархордин, осуществляются на фоне проявления конкретной культуры, являющейся способом бытия данного общества, с ее основаниями, выражающими глубинные смыслы и создающими (определяющими) специфику общества, сопровождающегося появлением соответствующих культуре идентичностей и идеологий [10, с. 9; 11; 20].

Духовно-нравственные ценности являются базой актуализации духовно-нравственного потенциала личности и ядром идентичности. Механизм формирования идентичности заключается в присвоении духовно-нравственных ценностей личностью в ходе воспитания и самовоспитания. Н. А. Косолапов определяет идентичность как «интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотожествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; ...чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» [21, с. 102–103].

Истинный российский политик на генетическом уровне несет в себе русскую (российскую) ментальность, является хранителем и ревнителем духовно-нравственных ценностей, русской культуры народа, Родины, ему чужды цивилизационные основы других стран. Именно это предопределяет духовный и нравственный уровень политика, его жизненные приоритеты.

Духовно-нравственный потенциал человека взаимосвязан с культурной и духовно-нравственной безопасностью, защитой фундаментальных российских ценностей (патриотизм, историческая память, идеалы личности и общества и др.), выполняющих в обществе мировоззренческую, преемственную, регулятивную, охранительную, инновационную, правовую и другие функции [3; 4; 11; 26]. Отсутствие у политика духовно-нравственного потенциала говорит о том, что политик не принадлежит русской культуре и поэтому может не заботиться о российском народе, безопасности общества и государства.

Таким образом, к личности российского политика должны предъявляться осо-

бые требования его духовно-нравственного уровня, так как она определяет стратегию и тактику, вектор развития страны, модель модернизации, осознанность онтологических оснований национального развития. От реализации ее потенциала и качества духовного мира зависят будущее народа, сохранение целостности страны, преемственность ее базовых цивилизационных оснований, проявленных в менталитете. Содержание внутреннего мира личности, ее реакция на происходящие события являются особой точкой отсчета будущих результатов [33; 27].

В связи с вышеизложенным актуализируется проблема самореализации духовно-нравственного потенциала личности политика, его идентификации через духовно-нравственные ценности с российской идентичностью и наличия духовно-нравственных основ в его нерелективных структурах неформальной ментальной матрицы.

Обсуждение

Современные реалии показывают кризис политической сферы. По мнению А. Безрукова [5], он обусловлен ростом «неатлантического мира», ослаблением глобальных систем, дефицитом идей и лидерства. Идет новая война, где политики используют крайние формы борьбы во всех сферах, новые принципы – сделать плохо другим всеми доступными средствами. Война перманентная – заставить соперника сделать то, что тебе нужно. Война за то, какая система сильнее. Она охватила мироустройство, понятия и ценности, людей, мировоззренческие основы. Это война понятий и за понятия, за то, какая система лучше, и кто сильнее будет влиять на население других стран и своей страны. Автор отмечает, что на современном этапе никто уже не соблюдает правила игры – идет борьба стандартов. Реализуется лишь стремление сделать именно свою страну безопасной,

капитально контролирующей мировую ситуацию. Поэтому рост нестабильности внутри государств и на международной системе влечет увеличение ценности суверенитета и безопасности, контроля активов.

В связи с происходящими противоречивыми глобальными процессами и для рывка в новый техно-экономический уклад становится важен выход на первый план концентрации власти и сосредоточения сил вокруг сильной личности. Решающим фактором становится именно личность, умеющая действовать в ситуации риска, обладающая потенциалом, запускающим движение глубинных сущностных жизненных сил, благодаря чему появляются сильное влияние, контроль и безопасность, способность выиграть войну глобальных элит. Ментальность политика, являющаяся проявлением ментальной программы общества, создает возможность успешных действий в культурно-образовательном пространстве своей страны, совместной поддержкой потенциалов личностей которого и создается защита и успешность ее развития.

Ясно, что дисфункциональная политическая система России, в которой последние годы конфликтуют глобальность и ментальность, становится самой большой преградой укрепления страны и благосостояния народа. Приходится констатировать, что в кризисе, в связи с ослаблением точки опоры в ментальности, находятся как политические институты, так и политические лидеры. Все это предъявляет особые требования к потенциалу личности политика.

В политическом измерении потенциал предстает как ресурс для участия в политической жизни. В обостряющемся процессе политической трансформации обществ, характеризующемся высоким темпом разнообразных изменений и нагрузок на потенциалы личности и общества, возникают задачи: определения индивидуального

стратегического плана профессионального пути политика; аналитического учета им определенного пространственно-временного континуума, вписанного в рамки более широкого цивилизационного глобализирующегося контекста; коррекции соответствия представлений политика и реалий проблем российского общества; распоряжения ресурсами каждой личности, живущей в России, в стратегических целях общества; активизации ресурсных потенциалов каждой личности и общества; максимальная реализация непосредственно потенциала лидера политики в политической сфере. Данные вопросы, как и все противоречия, снимаются самореализацией духовно-нравственного потенциала личности политика.

Попадая в одну и ту же ситуацию, политик с духовно-нравственным потенциалом и политик без него дают разные реакции в виде действий на стимул со стороны социальной ситуации, а также разные интерпретации. Определяется это особенностями внутреннего содержания и развития, влиянием стереотипов собственной культуры. Репертуар и характер действий политика, его поведение, обусловленные культурой, могут носить как осознанный, так и неосознанный характер. Влияние базовых культурных оснований с общепринятыми в них ценностями и нормами определяет интерпретацию событий, нацеленность на результат, воспринимая их как реальные или нереальные.

Проведенный анализ сущности духовно-нравственного потенциала и его проявленности в политической сфере позволяет утверждать, что политическое поведение, как и любое поведение личности, определяется духовно-нравственными стандартами, создающими в ментальной матрице нормативного поведения жесткую установку. Данные установки определяют внешние предписания, которым надо следовать человеку. Данным предписаниям, выражен-

ным в официально принятых нормах, есть потребность, на бессознательном уровне нерелексивных структур ментальной матрицы, следовать каждому человеку.

В научных исследованиях ведется дискурс, позволяющий с разных сторон исследовать данный вопрос. По мнению А. В. Лубского [23, с. 53–74], поведение определяется ментальной программой, путем интериоризации норм в когнитивные образования, и последовательно в социальные действия, социальное поведение, нормы социального поведения. Ментальные программы представляют собой «совокупность релексивных и не релексивных когнитивных, аксиологических и конативных структур, определяющих поведение людей в обществе» [23, с. 71]. Нерелексивные структуры ментальных программ – архетипические константы, ментальные институциональные матрицы принципов и норм социального поведения, выполняющие функцию социальной идентификации. Релексивные структуры ментальных программ неустойчивы к внешним информационным воздействиям, под влиянием которых происходит трансформация релексивных структур. По мнению автора, благодаря ментальным программам люди конструируют различные образы, представления, картины социальной реальности, дают им оценку и интерпретацию.

Дополним анализ теориями, которые создают единый синтез взглядов на такую сложную структуру, как личность и ее реакции, позволяя глубже и объемнее понять и личность политика. Так, необихевиористы [38, с. 44–53], подчеркивая детерминирующее влияние социального окружения, показывают существование «имманентных детерминант», находящихся в интервале между стимулом и реакцией промежуточных психических процессов, определяющих поведение. Представители теории детерминант [22, с. 42; 26, с. 38] вскрывают

уже комплекс внешних (принятых личностью для саморегуляции норм и ценностей культуры и субкультуры) и внутренних (психологические особенности, ценностные ориентации и смыслы, установки, мотивы) регуляторов (детерминант) поведения. В когнитивной психологии [37, с. 42] выделяют внешние факторы воздействия и сознание с организованной в нем системой знаний в понятийные схемы, организующие рамки мыслительных действий. В теории когнитивного диссонанса [35] показаны противоречия и возможность упорядоченного восприятия мира между знаниями личности и новой противоречащей им информацией. Теория установки [34, с. 87–88] показывает неосознаваемое образование – установку, формируемую в процессе жизнедеятельности, определяющую как фактор дальнейшее поведение личности и ее сознание. Культурный подход [28, с. 116–124] делает акцент на внешних регулятивах, а именно культурных традициях и нормах, влияющих на действия личности и в процессе интериоризации определяющих внутреннюю культуру личности. В целом психология при этом делает акцент на мотивацию личности, побуждающую эмоционально-когнитивное восприятие достижения целей действия, существующую в виде устойчивых ценностных детерминант, проясняющую взаимосвязь целей и ценностей.

Анализ теорий в преломлении к личности политика позволяет увидеть, что соблюдение негласного набора традиционных культурных требований и норм основополагающего социума и его системы способствует воспроизведению личностью ролей и норм поведения данной системы, а связанные воедино цели, ценности и регулятивы дают базовые реакции и механизмы саморегуляции. При этом противоречия создаются при поступлении в упорядоченную культурой картину мира политического лидера новых знаний, воспринятых им

как противоречащих традиционным. Внутренняя мотивация политического лидера побуждает достигать цели действия, выбирая между существующими устойчивыми ценностными детерминантами или новыми, внедряемыми под давлением новой социальной ситуации. Выборы зависят от ментальной устойчивости, антиментальной приверженности, индивидуальных черт характера, индивидуального осмысления, интерпретации социальной ситуации.

Разрешение противоречий внутренне-го, традиционного, культуруобразующего и внешнего, нового, – важный аспект в понимании реализации потенциала личности политика в современном мире. Поясняя закономерности их взаимодействия, П. Бурдьё, отмечая детерминированность поведения социальной средой, писал, что при воспроизводстве закономерностей и принципов среды личностью через целесообразные в среде действия и привычные поступки происходит влияние на среду, преобразование ее структуры. При этом формируемая система устойчивых схем восприятия, мыслей и действий защищается от новой информации при их несоответствии друг другу – ее отрицанием и уклонением [8, с. 40–58; 9, с. 198]. В то же время, подчеркивая необходимость становления человека как субъекта деятельности, в своих исследованиях Э. Гидденс [13, с. 10–497] указал, что постоянное воспроизводство набора правил и ресурсов прошлого опыта может показывать отсутствие субъекта деятельности, способного к рефлексии, его живого, деятельного и активного поведения.

Вышеизложенное нуждается в пояснении. Большинство исследователей противопоставляют традиционный набор правил и ценностей и новые реалии, не анализируя глубже основы их совмещения или отторжения и поэтому делая акцент лишь на создавшихся противоречиях и необходимости их разрешения. При этом связываются во-

едино стабильность устоявшихся правил и ресурсов и отсутствие рефлексирующего субъекта деятельности. Однако личность, самореализующая духовно-нравственный потенциал, изначально являющийся максимально стабильной ментальной основой, уже подразумевает субъекта активной деятельности, постоянно рефлексирующего и видящего возможности совмещения традиционного, культурного, рефлексобразующего, сохраняющего базовое и сущностное в российском цивилизационном и нового, требующего учета новых социальных условий и веяний времени. Данное совмещение является силой личности политика, его умения решать ответственно глобальные вопросы, максимально используя ресурсы как традиционного, так и мировых форматов, гибко проводя политику в новых условиях окружающей действительности.

Говоря о реализации духовно-нравственного потенциала личности политика, Д. Б. Казанцева добавляет, что данный потенциал, представляя собой сложное и интегральное проявление сущностных сил человека, способен разворачиваться в непростой реальности развивающегося, противоречивого человеческого бытия и, давая силу и опору личности, создавать условия для ее нестандартных и быстрых решений в ситуациях риска. Однако, являясь ресурсом ментальности, он проявляет себя лишь при соответствующих базовых и культуруобразующих условиях.

Любое пространство имеет особенности социально-экономического, политического, культурно-исторического, духовного развития, которые формально или качественно мобилизуют потенциальные возможности использования ресурсов. Территориальная принадлежность политика – Россия – предъявляет особые требования к его ментальности, несущей в себе основы традиционного цивилизационного процесса, смыслов и ценностей. Привержен-

ность национальным традициям России проверяется в первую очередь через наличие, благодаря механизму идентификации, духовно-нравственных ценностей. Данные ценности веками исторически пронизывали все сферы жизнедеятельности общества и ее выдающихся личностей.

Вместе с тем социокультурное пространство – это всегда поле личностных интересов. Происходящие в современной политической сфере процессы не способствуют актуализации и реализации духовно-нравственного потенциала, усугубляя тем самым кризис в России. Приходится констатировать, что разрушительные тенденции в политической сфере России, закономерное следствие отсутствия реализации духовно-нравственного потенциала в личности политика как возможное следствие его иной идентичности, не соответствующей российским (русским) традиционным ценностям или как следствие выбора частью российских политиков отказа от сущностных основ российской ментальной системы и замены их сущностью, смыслами и ценностями иной ментальности, несущей, в отличие от российского всеобщего и родового индивидуальное, единичное, проявленное ценностями индивидуализма, где все элементы благодаря этому взаимодействуют друг с другом специфическим образом. В результате в современной политической сфере проявляются противоречия между объективными законами развития личности и общества и субъективными предпочтениями личности, создающей новые реалии и их перспективы, нарушающие и вносящие диссонанс в основы цивилизационного развития страны.

Внедряясь в пространство России, претендуя на замену сущностного в российских цивилизационных основаниях, новые ориентиры создают описанный многими исследователями конфликт как следствие указанной выше причины. Процесс рос-

сийского родового, ментального общего со своей системой ценностей и норм, ради сохранения себя вынужден конфликтовать именно с иным, инородным для российской системы, пришедшим не на дружеской основе совмещения, а с целью уничтожения ментально родового традиционного российского. Такое направление деятельности политических лидеров является основой главного противоречия, закономерно ведущего к конфликтам – сначала внутрличностным, базовым ментальным, а затем и к внешним, создавая противостояние и столкновение разных цивилизационных оснований.

В системе индивидуализирующегося общества со своими ценностями и ментальностью иначе понимается процесс самореализации. Самовыражение индивидуального и единичного, не базирующегося на духовном, являющемся всеобщим или отрывающимся от него, ведет к процессу формирования аномальных личностей, т. е. к самовырождению, что подтверждается разнообразными современными деструктивными явлениями, описанными в многочисленных исследованиях [15, с. 157–161; 29, с. 157–166; 32, с. 20–22].

Необходимо отметить, что принятые за норму и ориентиры западные ценности и смыслы, оказывающие разрушительное влияние на ценностную основу российской ментальности, как следствие, разрушают и психический склад личности политика, его базовые ориентиры, а главное – связь с глубинной духовной сущностной потенциальной основой, дающей силу личности. В связи с этим духовно-нравственный потенциал у большинства политиков не реализуется, как следствие, вопросы сохранения российского государства не решаются, война с глобальными элитами проигрывается.

В связи с этим появляется необходимость актуализировать проблему самореализации духовно-нравственного потенциа-

ла личности политика для повышения его успешности в битве цивилизаций. Особое внимание следует уделить сохранению духовно-нравственных ценностей, являющихся основой потенциала и российской идентичности. Важно создать благоприятные условия для самореализации духовно-нравственного потенциала личности политика с целью создания им общественного и государственного блага.

Следовательно, необходимо ставить вопрос не о приоритетности ценностей и норм глобализирующегося мира или о сохранении лишь традиционной культуры россиян, а об их совмещении через принятие положительных мировых тенденций, укрепляющих российскую ментальность и развивающих ее нормы и ценности, духовные базовые основы в новых условиях и через отказ лишь от токсичных новых ценностей и норм, разрушающих российскую ментальность. Объединяющим и смыслообразующим критерием при этом становятся духовно-нравственные ценности, общечеловеческие духовно-нравственные принципы.

Приближение сущностных базовых основ российской ментальности к реализации в новых условиях даст необходимое единение этих двух сторон современной действительности, снимет их противоречие и напряжение. При разумной интеграции произойдет и выработается новая система взаимодействия, учитывающая традиционное и новое. При учете того, что ментальные механизмы очень инерционны, потребуются активизация всех сфер сознания, создание целенаправленных мер в воспитании и социально-культурной политике, определенность в ценностях, с выделением жизненно важных ценностных и духовных ориентиров, обновление норм и культурных смыслов.

Следующей за самореализацией духовно-нравственного потенциала личности политика задачей, стоящей перед государством на сегодняшний день, становится

реализация духовно-нравственного потенциала россиян, возрождения их сущностных сил и их идентичности, уважительное отношение к их ментальности.

Все вышеизложенное под силу личности, являющейся активным субъектом политической деятельности, реализующей духовно-нравственный потенциал, запускающий глубинные сущностные силы родового архетипа духовно-нравственных качеств, ментальность которой является проявлением ментальной программы российского общества. Это обуславливается тем, что развитие российской действительности, укрепление страны как мировой державы возможно лишь для субъекта соответствующей ей ментальности в связи с тем, что ментальность общества и ментальность человека едины, и чувствующего ее глубину, основы, питающегося ее сущностной силой и лишь благодаря этому способствующего ее развитию.

Заключение

В современных условиях глобализирующегося мира лишь самореализация духовно-нравственного потенциала политического лидера способна обеспечить гражданам России их стабильное, поступательное развитие, консолидацию традиционных и новых, положительных для развития ценностей и смыслов защиту прав и интересов. Прорыв страны в густой сети взаимосвязей кризисного мира к лидирующему мировому положению возможен лишь в условиях опоры на личностный ресурс ментальности, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве основы для духовного и морально-нравственного поведения, единственного, способствующего личному, коллективному, общественному, мировому максимальному развитию.

В связи с тем, что в состав духовно-нравственного потенциала человека входит его духовный и морально-этический уровень, личность политика должна отвечать определенным этическим требованиям с даль-

нейшим их закреплением в действующем российском законодательстве. Достижение высшей ступени личностного развития, в том числе политического, невозможно без разворачивания духовно-нравственного потенциала через субъектное становление в сложноорганизованной сбалансированной системе нерелективных структур ментальной матрицы россиянина.

Так как духовно-нравственный потенциал человека формируется в результате духовного и нравственного развития, воспитания и обучения, самосовершенствования и накопления опыта, в российской действительности этому необходимо уделить более пристальное внимание, особенно в системах образования и воспитания личностей. Духовное – это базовое для ментальности россиянина. Духовные ценности и ценностные предпочтения являются в структуре потенциала основным фактором реализации духовно-нравственного потенциала, актуализации его возможностей и способностей, определяющих силу поведения и деятельности личностей.

В ходе исследования выявлено, что политика не лишена духовного и нравственного начала, она может быть в буквальном смысле одухотворена им, выступая духовно-нравственным идеалом и важным аксиологическим ориентиром для общества и каждого гражданина. Достигается это лишь через понимание и раскрытие духовно-нравственного потенциала личности.

Таким образом, для формирования и укрепления личности российского политика необходимо актуализировать самореализацию его духовно-нравственного потенциала посредством восстановления духовно-нравственной и соответствующей духовным ценностям правовой основ российского государства, создания базы для формирования позитивного нравственного образа государства, с которым гражданам хотелось бы идентифицироваться, соответствующих условий для успешной интериоризации личностью базисной духовно-ценностной основы российской идентичности и российской ментальности.

Библиографический список

1. *Айзатуллин З. А.* Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе [Электронный ресурс]. – URL: <http://islam.ru/content/obshchestvo/44258> (Дата обращения: 15.10.2020).
2. *Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И.* Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21 мая 2020 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21–29.
3. *Аглямова Г. Р.* Интеллектуальный потенциал молодого города и факторы его развития (на материалах города Набережные Челны). – М. : Вуз и школа (Тип. Чуваш. ун-та), 2003. – 383 с.
4. *Азиуллина Т. Р.* Культурный потенциал современного города (на материалах города Набережные Челны) : дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2004.
5. *Безруков А.* «Геополитика 2035 – контуры нового мира» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TxD55itmKuA> от 12:25, 11.07.2020 (Дата обращения: 15.10.2020).
6. *Бабаева Э. А.* Духовность и религия. Тожество и различие // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе : сборник статей / под общ. ред. Н. А. Саркаровой. – Махачкала : АЛЕФ, 2020. – С. 40–45.
7. *Боброва Н. А., Ивентьев С. И.* Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека : материалы Второго научного симпозиума, 11–12 октября 2019 г., Таганрог / отв. ред. В. П. Рыжов. – Таганрог : Типография Ступина С. А., 2019. – С. 62–65.

8. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 40–58.
9. *Бурдые П.* Практический смысл. – М. : Алетейя, 2001. – С. 198.
10. *Волков В. В. Хархордин О. В.* Теория практик. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 9–11.
11. *Галиев Л. М.* Духовный потенциал сельского учителя и факторы его совершенствования : дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2007.
12. *Герасимов Г. И.* Трансформация образования – социокультурный потенциал развития российского общества. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2005. – 311 с.
13. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. О. Тюриной. – М. : Академический проект, 2003. – С. 10–497.
14. *Джегутанова Н. И.* Потенциал личности как основа духовно-нравственного воспитания будущего учителя // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 2. – С. 170–175.
15. *Ивентьев С. И.* Духовно-нравственный аспект противодействия деструктивным молодежным движениям // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1/85. – С. 157–161.
16. *Ивентьев С. И., Нурутдинова А. Н.* К вопросу о морально-этической стороне избирательной кампании // Исследования и разработки в перспективных научных областях : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2018. – Ч. 2. – С. 266–270.
17. *Ивентьев С. И., Рудаков А. Л.* Права человека и манипуляции человеческим сознанием // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности : сборник статей Международной научно-практической конференции (20 июня 2018 г., г. Волгоград) : в 2 ч. – Уфа : АЭТЕРНА, 2018. – Ч. 1. – С. 163–168.
18. *Казанцева Д. Б., Ивентьев С. И.* Правосознание личности в современном обществе // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь : ИП Светличная С. Г., 2020. – Т. 1. – С. 83–90.
19. *Казанцева Д. Б.* Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России : монография. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – С. 50–55.
20. *Калдыбаева О. В.* Концептуализация понятия «практика» в социальных науках [Электронный ресурс]. – URL: http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/2722/konceptualnaya_ronuatia.pdf (Дата обращения: 15.10.2020).
21. *Косолапов Н. А.* Идентичность // Глоссарий по политической психологии. – М. : РУДН, 2003. – 298 с.
22. *Ломов Б. Ф.* Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. – М. : Педагогика, 1991. – С. 42.
23. *Лубский А. В.* Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе : монография / отв. ред. А. В. Лубский. – Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2016. – С. 53–74.
24. *Лубский Р. А.* Российский политический менталитет в конце XX века / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д : Издательство СКНЦ ВШ, 2006. – 124 с.
25. *Липатова Т. Н.* Механизм воздействия ценностных ориентаций населения на формирование и развитие духовного потенциала региона // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 3. – С. 158–162.
26. *Новикова Е. Ю.* Экономический человек: быть или иметь // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. – 1996. – № 6. – С. 19–29.
27. *Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А.* Добро и зло в психологии человека. – Казань : Издательство Казанского университета, 2000. – С. 38.
28. *Павленко О. Б.* Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 10 (41). – С. 116–124.
29. *Перцева У. С.* Деструктивный культ в современном медиaprостранстве // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 4. – С. 157–166.

30. Сомкин А. А. Трехкратная смена идеологической парадигмы в понимании единства личности и социума в отечественной философии XX века // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2010. – № 1 (9). – С. 9–18.
31. Трофимова Н. Б. Развитие духовно-нравственного потенциала учащихся в образовательном процессе школы (психолого-педагогический аспект) : монография. – Воронеж : ВГПУ, 2008. – 283 с.
32. Трошина Н. В. Проблема деструктивности и агрессии: социально-философский аспект // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9. – С. 20–22.
33. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. – 2010. – № 7. – С. 9–12.
34. Узнадзе Д. Н. Общая психология. – М. : Смысл ; СПб. [и др.] : Питер, 2004. – С. 87–88.
35. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – М. : Э, 2018. – 251 с.
36. Цораева Ф. Н. Обращение к искусству как к одному из важнейших средств духовно-нравственного потенциала личности // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 6 (101). – С. 426–430.
37. Lachman R., Lachman J. L., Butterfield E. C. Cognitive psychology and human information processing. – N. J., 1979.
38. Tolman E. C. A new formula for behaviorism // Psychological Review. – 1992. – No. 29. – P. 44–53.

References

1. Aizatullin Z. A. The role of spiritual and moral values of Islam in a multicultural society. Available at: <http://islam.ru/content/obshchestvo/44258> (Accessed: 10/15/2020). (In Russ.).
2. Asadullina G. R., Iventiev S. I. National spiritual culture and human soul. Bashkir spiritual life in a multicultural space: past, present and future: collection of materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War war (Ufa, May 21, 2020). Ufa, 2020, P. 21–29. (In Russ.).
3. Aglyamova G. R. Intellectual potential of a young city and factors of its development (based on the materials of the city of Naberezhnye Chelny). Moscow, 2003, 383 p. (In Russ.).
4. Aziullina T. R. Cultural potential of a modern city (on the materials of the city of Naberezhnye Chelny). Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation. Kazan, 2004. (In Russ.).
5. Bezrukov A. “Geopolitics 2035 – the contours of the new world”. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=TxDS5itmKuA> from 12.25, 11.07.2020. (Accessed: 15.10.2020). (In Russ.).
6. Babaeva E. A. Spirituality and religion. Identity and difference. Spiritual, moral and ideological problems in modern society. Coll. of articles. Makhachkala, 2020, P. 40–45. (In Russ.).
7. Bobrova N. A., Iventiev S. I. The human soul as the main spiritual and moral value of a person. Philosophy of man: materials of the Second scientific symposium, October 11–12, 2019. Taganrog, 2019, P. 62–65. (In Russ.).
8. Bourdieu P. Structure, habit, practice. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology. 1998; 1(2): 40–58. (In Russ.).
9. Bourdieu P. Practical meaning. Moscow, 2001, 562 p. (In Russ.).
10. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Theory of practice. Saint Petersburg, 2008, 298 p. (In Russ.).
11. Galiev L. M. Spiritual potential of the rural teacher and the factors of its improvement. Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation. Kazan, 2007. (In Russ.).
12. Gerasimov G. I. Transformation of education – the socio-cultural potential of the development of Russian society. Moscow, 2005, 311 p. (In Russ.).
13. Giddens E. Organization of society: Essay on the theory of structuration. Essay on the theory of structuration. Moscow, 2003, 525 p. (In Russ.).
14. Dzhegutanova N. I. Personality potential as the basis of spiritual and moral education of the future teacher. *Prepodavatel' XXI vek* = Teacher XXI century. 2007; 2: 170–175. (In Russ.).
15. Iventiev S. I. Spiritual and moral aspect of counteracting destructive youth movements. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta* = Bulletin of the Prikamsky social institute. 2020; 1/85: 157–161. (In Russ.).

16. *Iventiev S. I., Nurutdinova A. N.* On the question of the moral and ethical side of the election campaign. Research and development in promising scientific fields: coll. of materials of the IV International scientific and practical conference: in 2 parts. P. 2. Novosibirsk, 2018, P. 266–270. (In Russ.).
17. *Iventiev S. I., Rudakov A. L.* Human rights and manipulation of human consciousness. Synthesis of science and society in solving global problems of our time: a coll. of articles of the International Scientific and Practical Conference (June 20, 2018, Volgograd). In 2 parts. P. 1. Ufa, 2018, P. 163–168. (In Russ.).
18. *Kazantseva D. B., Iventyev S. I.* Legal awareness of the individual in modern society. Legal awareness of students in a law university in the context of informatization of Russian society: a coll. of materials from an international scientific and practical conference. Vol. 1. Stavropol, 2020, P. 83–90. (In Russ.).
19. *Kazantseva D. B.* Self-realization of the spiritual and moral potential of the individual in Russia. Prague, 2020, P. 50–55. (In Russ.).
20. *Kaldybaeva O. V.* Conceptualization of the concept of “practice” in social sciences. Available at: http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/2722/konceptualnaya_ponyatiya.pdf. (Accessed: 15.10.2020). (In Russ.).
21. *Kosolapov N. A.* Identity. Glossary of political psychology. Moscow, 2003, 298 p. (In Russ.).
22. *Lomov B. F.* Questions of general, educational and engineering psychology. Moscow, 1991, 295 p. (In Russ.).
23. *Lubsky A. V.* Mental programs and models of social behavior in Russian society. Rostov-on-Don, 2016, 392 p. (In Russ.).
24. *Lubsky R. A.* Russian political mentality at the end of the twentieth century. Rostov-on-Don, 2006, 124 p. (In Russ.).
25. *Lipatova T. N.* The mechanism of the impact of value orientations of the population on the formation and development of the spiritual potential of the region. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* = Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2010; 3: 158–162. (In Russ.).
26. *Novikova E. Yu.* Economic man: to be or to have. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University. 1996; 6: 19–29. (In Russ.).
27. *Popov L. M., Kashin A. P., Starshinova T. A.* Good and evil in human psychology. Kazan, 2000, 175 p. (In Russ.).
28. *Pavlenko O. B.* Relationship between cultural values and models of social behavior. Almanac of modern science and education. 2010; 10(41): 116–124. (In Russ.).
29. *Pertseva U. S.* Destructive cult in modern media space. Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2019; 4: 157–166. (In Russ.).
30. *Somkin A. A.* Three-fold change of the ideological paradigm in understanding the unity of the individual and society in the national philosophy of the twentieth century. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnej nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2010; 1(9): 9–18. (In Russ.).
31. *Trofimova N. B.* Development of the spiritual and moral potential of students in the educational process of the school (psychological and pedagogical aspect). Voronezh, 2008, 283 p. (In Russ.).
32. *Troshina N. V.* The problem of destructiveness and aggression: socio-philosophical aspect. Theory and practice of social development. 2014; 9: 20–22. (In Russ.).
33. *Utyashev M. M.* Human rights and freedoms and human values. History of state and law. 2010; 7: 9–12. (In Russ.).
34. *Uznadze D. N.* General psychology. Moscow, 2004, 412 p. (In Russ.).
35. *Festinger L.* Theory of cognitive dissonance. Moscow, 2018, 251 p. (In Russ.).
36. *Isoraeva F. N.* Appeal to art as one of the most important means of spiritual and moral potential of a person. Bulletin of ISTU. 2015; 6(101): 426–430. (In Russ.).
37. *Lachman R., Lachman J. L., Butterfield E. C.* Cognitive psychology and human information processing. N.J., 1979. (In Eng.).
36. *Tolman E. C.* A new formula for behaviorism. Psychological Review. 1992; 29: P. 44–53. (In Eng.).

Поступила 17.10.2020.

Сведения об авторах

Казанцева Дина Борисовна – кандидат психологических наук, докторант Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). Сфера научных интересов: самореализация потенциала личности, духовность, нравственность, право, трансформация духовно-нравственных ценностей в современном обществе. Автор 4 монографий и более 180 научных и научно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-0052>.

E-mail: dinasens@mail.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ» (Казань, Россия). Сфера научных интересов: духовность, нравственность, теология, религия, право, теория прав человека, права души и духа человека. Автор 5 монографий и более 150 научных публикаций.

E-mail: iventev_2017@mail.ru

Submitted 17.10.2020.

About the authors

Dina B. Kazantseva – Candidate of Psychology, Doctoral Candidate, the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). Research interests: self-realization of the individual's potential, spirituality, morality, law, transformation of spiritual and moral values in modern society. The author of more than 170 scientific and scientific-methodical publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6977-0052>.

E-mail: dinasens@mail.ru

Sergey I. Iventiev – legal adviser, theologian, specialist in the field of national and religious relations, LLC “DELIL” (Kazan, Russia). Research interests: spirituality, morality, theology, religion, law, theory of human rights, rights of the soul and spirit of man. The author of 5 monographs and over 150 scientific publications.

E-mail: iventev_2017@mail.ru

УДК 123.1

*Н. С. Савкин**Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: doctorsavkin@yandex.ru*

Экстремальная ситуация и вызовы времени

Введение. В XXI в. участились случаи возникновения экстремальных ситуаций в мире, в том числе в России, связанных с природными, техногенными, социальными катастрофами, требующих от общества, политиков, ученых, ответственных за судьбы людей, срочных адекватных решений. Экстремальная ситуация – чрезвычайная, выходящая за обычные рамки ситуация, в этом смысле – новая на данный момент времени социальная действительность, отличная от обыденности, повседневности. Она может быть индивидуальной, когда человек остается наедине в положении самоизоляции, и общественной, когда касается масс, общества, человечества. **Методы исследования.** Использовались диалектико-материалистический, синергетический методы, что позволило делать объективные, научно обоснованные выводы о необходимости и возможности преодоления негативных последствий некомпетентных, малоквалифицированных решений в ответ на вызовы времени. Системный подход и комплексная оценка изучаемых процессов позволяют раскрыть противоречивый характер экстрима: с одной стороны, показывают мобилизационные возможности властей в целях выработки эффективного ответа на вызовы времени, с другой – позволяют оценить имеющуюся систему здравоохранения страны с точки зрения результативности. **Обсуждение и заключение.** Ожидаемым эффектом критического анализа экстремальной ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в России, стала достаточно своевременная реакция руководства страны. В результате была представлена профессионально обоснованная концепция ответа на вызов: увеличение финансирования здравоохранения, повышение заработной платы медицинских работников, создание вакцин и др.

Ключевые слова: экстремальный, вызов времени, пандемия, эпидемия, коронавирус, дискурс, инфантилизм, прекариат, воспроизводство.

Для цитирования: Савкин Н. С. Экстремальная ситуация и вызовы времени // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 96–103. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.096-103.

*Nikolay S. Savkin**National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: doctorsavkin@yandex.ru*

Extreme Situation and Challenges of the Time

Introduction. In the XXI century cases of emergence of extreme situations in the world, including in Russia, associated with natural, man-made, social disasters, have become more frequent, requiring urgent adequate decisions from society, politicians, scientists responsible for the fate of people. An extreme situation is an extraordinary situation that goes beyond the usual framework. In this sense, it is a new social reality at a given time, different from the commonplace, everyday life. It can be individual, when a person is left alone in a position of self-isolation, and public,

© Савкин Н. С., 2021

when it concerns the masses, society, humanity. Methods. In the process of the study, a dialectical materialistic, synergistic method was used, which made it possible to draw objective, scientifically substantiated conclusions about the need and possibility of overcoming the negative consequences of incompetent, unqualified decisions in response to the challenges of the time. A systematic approach and a comprehensive assessment of the processes under study allow us to reveal the contradictory nature of the extreme: on the one hand, it shows the mobilization capabilities of the authorities in order to find an effective response to the challenges of the time, on the other hand, it allows us to evaluate the country's health system from the point of view of effectiveness.

Discussion and Conclusion. The expected effect of a critical analysis of the extreme situation associated with the spread of the coronavirus COVID-19 pandemic in Russia was a fairly timely response from the country's leadership, as a result of which a professionally grounded concept of responding to the challenge was presented: an increase in health care financing, doctors' salaries and medical workers, activation of scientists on the removal of vaccination against coronavirus, etc.

Keywords: extreme, time challenge, pandemic, epidemic, coronavirus, discourse, infantilism, precariat, reproduction.

For citation: Savkin N. S. Extreme situation and challenges of the time. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 96–103 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.096-103.

Введение

Экстремальной называют ситуацию, возникшую неожиданно, с неблагоприятными последствиями для людей, вследствие природных, техногенных, социальных катастроф, вооруженных столкновений. Латинское слово *extremus* означает «крайний, предельный, чрезвычайный, выходящий за обычные рамки». В математике термин употребляется для обозначения наименьшей или наибольшей величины. В античной философии понятие экстремальной ситуации рассматривалось как «предел существования самой адаптирующейся системы человека, начало ее разрушения» [3, с. 1560]. В психологической науке это понятие обозначает чрезвычайно минимальный или максимальный критерий, который принимает некая величина, внешняя по отношению к личности или внутренняя, психологическая. Экстремальная ситуация – ситуация, актуализирующая потребность в безопасности с одновременной ее блокировкой в удовлетворении [1, с. 13].

С социально-философских позиций экстремальная ситуация – это новая действительность, которая принципиально

отличается от обыденности, повседневности. Некоторые ученые экстремальной называют автономное существование, когда человек остается один на один с природой или в ситуации самоизоляции в естественных общественных условиях, которые становятся совершенно неестественными, т. е. некомфортными. По факторам, образующим экстремальные ситуации, они подразделяются на природные, социальные и внутриличностные. Первые возникают под влиянием природных процессов: землетрясения, наводнения, тайфуны и т. п. Вторые связаны с неблагоприятными социально-экономическими и общественными условиями: войны, Великая депрессия, безработица, лишение свободы, пандемия, распад и разрушение государств и др. Внутриличностные проистекают преимущественно из социально-бытовых условий, внутренних противоречий и переживаний, конфликтов и кризисов человека, которые проявляются в таких формах, как отчаяние, паника, страх, тяготение к суициду. Всевозможные проявления зависят от ментального уровня, интеллекта, типа темперамента, устойчивости психики.

Понятие «вызов» употребляется в литературе в сочетании со временем как «вызов времени», т. е. актуальное требование безотлагательного решения важной задачи. В таком составе «вызов времени» широко используется журналистами, публицистами, политиками. В последнее время термин применяется в исторической науке, социологии, философии и, соответственно, в каждой науке имеет свои аспекты. В социальной философии под «вызовом времени» понимается созданная определенной социальной ситуацией актуальная проблема, требующая конкретной реакции и решения. «Вызов времени» не существует сам по себе, он является производным от социальной ситуации, которая в свою очередь создается множеством взаимосвязанных обстоятельств, совпадающих во времени и пространстве. Социальная ситуация посылает сигналы; общества с разным уровнем культуры, цивилизации, ментальности формируют способы решения и формы поведения.

Обзор литературы

Об экстремальной ситуации активно пишут психологи В. А. Ананьев, Л. И. Анцыферова, И. А. Баева, А. А. Бодалев, М. Ш. Магомед-Эминов, а также философы В. Франкл, К. Ясперс и др. И. А. Баева связывает экстремальную ситуацию с решением вопроса безопасности личности в целях снижения перегрузки психофизиологических механизмов отражения. Известный психолог А. А. Бодалев особо подчеркивает возможности катастрофических результатов при нулевом или весьма ограниченном наборе вариантов выхода из нее. М. Ш. Магомед-Эминов отмечает, что экстремальными могут быть как отрицательные, так и положительные события: катастрофические события выступают как испытание мужества, стойкости, духовности, позитивные – вырабатывают мужество, рост, адаптацию. В. А. Ананьев считает, что экстремальные ситуации могут

вызывать и положительные переживания и потрясения, в результате которых человек может подняться выше своих возможностей, а В. Франкл рассматривает «испытания как кульминацию жизни, что дает возможность человеку возвыситься над самим собой» [6, с. 16].

Экстремальная ситуация, которая сложилась к настоящему времени в России и мире с декабря 2019 г., связана с пандемией коронавируса COVID-19 и потребовала немедленных ответов и реакции. Они вытекают из своевременного восприятия сигналов ситуации, разработки квалифицированных концепций реакции с учетом желаемого будущего. У общества, социального субъекта должны быть профессиональные умения и готовность правильно оценить ситуацию и сформировать адекватные ответы. В современных условиях эти вызовы стали в прямом смысле глобальными, потому что встали перед всем человечеством, охватив все страны и континенты. В разных странах с различной культурой, особенностями менталитета и цивилизации реакция на сложившуюся ситуацию была неоднозначной. Крайне важным моментом здесь является своевременная ответ-реакция. Если время будет упущено, результативность ответ-реакции может быть отрицательной.

Вторым важным фактом результативности ответ-реакции на вызов является наличие или готовность руководства страны представить осмысленную, профессионально обоснованную концепцию желаемого будущего. «Если вместо такого квалифицированного проекта существуют лишь размытые “национальные идеи”, “дорожные карты”, “доктрины”, “прорывы” и т. п., то это означает, что общество не способно дать адекватный ответ на вызов времени» [7, с. 247].

Методы исследования

Объекты исследования и его компоненты требовали использования

наиболее действенных методов теоретико-методологического характера – диалектико-материалистического, системного и других, реализация которых во взаимосвязи с синергетическим приемом обеспечивает определенный результат. В современных социально-философских дискурсах прослеживаются два направления исследований: затяжное теоретизирование и социологизация социальной философии. Это своеобразное направление крайностей: слишком много общих теоретических рассуждений без обращения к конкретным социальным событиям и фактам, с одной стороны, и переполнение текста многочисленными частностями без их связи с теорией – с другой. Для социальной философии, опирающейся на конкретные социальные исследования и результаты анализов социальных событий и фактов, неприемлемы обе крайности. Социальная философия и социология – близкие друг другу социально-гуманитарные дисциплины, которые находятся в тесном междисциплинарном взаимодействии, но различаются по методам исследований, результатам и задачам. Под социологизацией социальной философии имеем в виду попытку подмены социальной философии как теоретической науки социологией, якобы дающей более точную доказанную картину социальной реальности. При этом в такого рода исследованиях отсутствуют теоретические выводы, концепции, в лучшем случае наблюдаются перечисление и интерпретация фактов. Социальная философия имеет право и обязанность давать теоретическое объяснение происходящих процессов и вызовов, особенно актуальных, злободневных, давать оценку, создавать концепции. Она должна

отвечать на вызовы современности, разрабатывать варианты стратегии развития, формировать критическое мышление и отношение к социальной действительности. Справедлива позиция А. М. Орехова и Е. Л. Скачко в статье «Философия социологии: взгляды со стороны социальной философии»: выводы социальной философии могут быть «глубже» и «насыщеннее» социологических, хотя они не связаны строго с экспериментом. Ее преимущества перед социологией в том, что «социальная философия есть свободный дискурс о социальном, не заикленный на каких-то конкретных эмпирических данных и не связанный с необходимостью “встраивать” свои результаты в схемы строгих математических и эмпирических рассуждений» [4, с. 568].

Вместе с тем чрезмерное увлечение «метафизически» направленными социальными философами приводит к крайне негативным выводам не только в оценке последствий экстремальной ситуации, связанной с пандемией, но и в возможностях существования общества как социальной реальности, когда ситуацию называют «парадоксом вывихнутого времени» (А. Ю. Согмонов), «социальной философией после “смерти социального”» (Н. А. Терещенко), «невозможностью общества» (Э. Лаклау)¹.

Результаты исследования

Представлены в виде выводов о том, что отсутствие в стране единой системы здравоохранения мешает достижению государственной цели – победить новую коронавирусную инфекцию. В стране существуют страховая медицина и одновременно государственное финансирование клиник. Сложившаяся ситуация вызывает множество неожиданных реакций и вопросов, которые

¹ Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. – 2003. – Вып. 4/5. – С. 54–57 ; Согмонов А. Ю., Уваров П. Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или как возникло социальное // Конструирование социального. Европа. V–XVI вв. / сост. П. Ю. Уваров, И. В. Дубровский. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – С. 135–159 ; Терещенко Н. А. Социальная философия после «смерти социального». – Казань : Казанский университет, 2011. – 368 с.

в текучке обыденной повседневности казались незаметными: так ли мы живем, что является ведущими ценностями и кто является настоящими героями нашего времени. Оказалось, что не депутаты и политики, не футболисты, забивающие множество голов в ворота и чувствующие гордость от бешеных гонораров, и не пророки и самопровозглашенные патриоты, рисующие светлое будущее, а простые опытные врачи и медицинские сестры, работники скорой помощи и волонтеры. Это они, рискуя собственным здоровьем и жизнью, непрерывно совершали подвиги, спасая жизнь больных.

Наиболее заметным политическим следствием этой экстремальной ситуации в России может быть нарастание недовольства бедных слоев населения, связанное с низкой заработной платой, ростом безработицы, падением доверия к правящей партии и власти, рост протестных настроений. Подчеркнем: именно настроений. Учитывая ментальность российского народа, сложившуюся исторически, проявляющуюся преимущественно в рассуждениях, аналитических словопрениях, можно прийти к выводу, что каких-либо практических действий, приводящих к радикальным политическим и экономическим изменениям в стране, не ожидается.

Склонность масс интеллигенции к бесконечным аналитическим рассуждениям очень точно, полно и глубоко показана в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». В настоящее время эту особенность демонстрируют телепередачи «Время покажет» (1 канал), «60 минут» (Россия 1) и «Место встречи» (НТВ), где зрелые компетентные люди упражняются в словопрениях, высказывая иногда интересные мысли и идеи.

Сторонников радикальных перемен в настоящее время много: наемные рабочие крупных и средних предприятий; занятые в мелком бизнесе; техническая и трудовая

интеллигенция, в том числе вузовская; низший слой чиновничества в регионах. Однако у этих групп населения нет единого организационного центра левых сил, желающего и способного активно мобилизовать их ресурсы.

Ситуация с коронавирусом отчетливо показала, какая система здравоохранения эффективнее справляется с эпидемией. Известны две системы охраны здоровья человека: страховая медицина и бюджетная модель. Первую называют соответствующей общепризнанным нормам и принципам, или англосаксонской, американской моделью, согласно которой работающие в сфере здравоохранения должны обеспечить выполнение работ и оказание услуг. Основная идея системы – медицина должна приносить прибыль. Главное – не охрана здоровья населения страны, а извлечение прибыли. Вторая, бюджетная модель (ее еще называют системой Семашко) ставит целью обеспечение охраны здоровья всего населения страны. Это советская модель, в которой персональная ответственность за достижение цели возлагалась на министра здравоохранения.

Обсуждение

Согласно Гражданскому кодексу РФ, в нашей стране принята американская система: все организации, работающие в сфере здравоохранения, должны оказывать услуги населению, поэтому растет количество платных медицинских услуг. Министр здравоохранения не отвечает за результаты деятельности медицинских организаций, а создает условия, мотивирующие работников на охрану здоровья населения. По Конституции Россия остается социальным государством, где существует и бесплатная (т. е. бюджетная) медицина, хотя в ряде случаев анализы, манипуляции, консультации обходятся во внушительную сумму. В пандемию коронавируса в России частная медицина не справилась с нагруз-

кой, поэтому государство увеличило финансирование государственных и муниципальных клиник.

Если до конца следовать логике страховой медицины, то государство не должно непосредственно управлять медициной, а только создавать правовые и экономические условия для оказания услуг. Тем более, управлять частной медициной, ибо государство через Гражданский кодекс РФ утвердило ее цель – получение прибыли. Поэтому в стране нет единой цели победить новую коронавирусную инфекцию.

Части современной молодежи присущ так называемый социальный инфантилизм – ориентация на иждивенчество, зависимое положение, нежелание брать на себя ответственность, иметь постоянное место работы. Эта часть молодежи в создавшейся экстремальной ситуации вела себя несдержанно, нарушая требования самоизоляции.

В наиболее трудном положении в условиях ограничений из-за эпидемии коронавируса оказался прекариат. Это социальная группа неполно занятых людей, мигрантов, в основном молодого возраста, работающих вахтовым методом. Им грозят потеря работы, отсутствие заработной платы. Невысокие доходы, неустойчивость трудовых отношений не позволяют этим людям нормально планировать жизнь. В дальнейшем у части населения постепенно формируется и усиливается всеобъемлющее чувство неадекватности, другая часть будет стремиться преодолеть сложности активным обращением к собственным целям и интересам. В конечном счете реальной угрозой становится игнорирование такой фундаментальной ценности человеческого бытия, как свобода. Многие эксперты на Западе откровенно признают: «Готовность людей “обменять” свободу на безопасность наблюдается сегодня и в Европе, и в Амери-

ке, при том, что граждане последней всегда высоко ценили право на то, что называется трудно переводимым словом *privacy*, то есть правом на частную жизнь, не подконтрольную государству или каким-то иным внешним силам» [2, с. 10]. Иными словами, современный человек не считает свободу абсолютной ценностью и готов пожертвовать частью свободы ради безопасности и комфорта.

В крайне тяжелом положении оказалась экономика. Необходимо срочно выбираться из кризиса. Подготовлен план восстановления экономики страны. Возникает вопрос: какую экономику мы должны восстанавливать? В аграрном секторе, машиностроении, производстве бытовой техники высокая доля импорта первичных материалов и комплектующих². Доля импорта в легкой промышленности составляет 65–80 % (закупаем за рубежом 80 % товаров для детей, 70 % лекарств, 80 % медицинских изделий; в фармацевтике до 80 % исходников из Китая и Индии).

Разумеется, необходимо восстанавливать не просто прежнюю сырьевую экономику, а универсальную, отечественную, способную производить самую разную необходимую продукцию. Для этого следует задействовать стимулы роста, развития регионов, малого и среднего бизнеса, повышать заработную плату, чтобы росла покупательная способность населения. Однако в этом новом плане восстановления экономики предложено стимулировать не потребительский спрос, а масштабные инвестиционные проекты крупных компаний.

Люди были вынуждены под угрозой штрафов и ареста сидеть дома на самоизоляции. К концу месяца у многих закончились деньги. Правительству предлагали тратить резервы на финансовую поддержку граждан, как это делают во многих странах

² Маркин Я. Восемь тысяч человек под одним зонтом // Аргументы и факты. – 2020. – № 22. – С. 8.

Запада. Финансовая помощь населению является не только реальной поддержкой малого бизнеса и населения, но и адекватной кризисной мерой – оживлением экономики через удовлетворение потребительского спроса. В свою очередь со стороны граждан необходимо формировать требования нуждающихся (посредством сбора подписей) в выделении финансовых средств.

Заключение

В социальной теории вызывают тревогу идеи невозможности «естественного» общества, смерти социального, кризиса институтов власти, неспособности социальных институтов воспроизводить социальное, девальвируется понятие патриотизма. Ситуации кризиса, социальности делают беззащитными социально невзрослого, превращая общество в общество риска. Задача не в апологии негативного, а в анализе и демонстрации извилистого характера социальной реальности. Если социальность есть продукт деятельности человека, а человек есть продукт социального, то неизбежно в результате опредмечивания способности и замыслы субъекта находят воплощение в произведенном продукте, который становится закодированной социальностью и основным субстратом этой социальности [5]. Социальное и идеальное воплощаются в предметные формы культуры, достижения цивилиза-

ции. Идеальное в процессе опредмечивания также обретает материальные формы, существуя и «исчезая» в них, и непрерывно оживает в процессе распределмечивания, в результате которого осуществляются связь в собственной истории людей, связь поколений, воспроизводство социального субъекта. Во взаимосвязи опредмечивания и распределмечивания возрождаются новые формы социального, одновременно реализуется деятельное начало человека как источника социального. Таким образом, социальное непрерывно возрождается через диалектику опредмечивания – распределмечивания.

Однако следует признать, что в условиях, когда перераспределительные механизмы в России работают неэффективно (например, налог на богатство в развитых странах доходит до 40 %, а у нас – всего 15 %; разрыв между доходами 10 % самого состоятельного и 10 % самого бедного населения в России – в 15 раз, а в успешных странах Европы – в 6–7 раз), когда наша страна зависит от импорта до 80 %, с таким состоянием экономики трудно решать и проблемы пандемии коронавируса. Возникают трудности и в воспроизводстве социального как человеческого, как специфического способа бытия человека в мире. Человеческое начало социальности постоянно подвергается рискам.

Библиографический список

1. *Баева И. А.* Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 145. – С. 6–18.
2. *Баталов Э.* Современные глобальные тренды и новое сознание [Электронный ресурс] // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2012. – Т. 10. – № 1. – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm>.
3. Большая энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 1576 с.
4. *Орехов А. М., Скачко Е. Л.* Философия социологии: взгляд со стороны социальной философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Философия. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 565–571.
5. *Сомкин А. А.* Целостная личность и современный социум (единство и оппозиционность) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Саранск, 2011. – 42 с.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Шульга Н. А. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине. – Киев : Бизнесполиграф, 2011. – 447 с.

References

1. Baeva I. A. Safety psychology as the basis for the analysis of an extreme situation. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena* = Bulletin of Herzen Russian State Pedagogical University. 2012; 145: 6–18. (In Russ.).
2. Batalov E. Modern global trends and new consciousness. *International processes* (2012); 10(1). Available at: www.Intertrends.ru/twenty-eight/02.htm. (In Russ.).
3. Big encyclopedic dictionary. Moscow, 1998, 1576 p. (In Russ.).
4. Orekhov A. M., Skachko E. L. Philosophy of Sociology: A View from Social Philosophy. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2017; 21(4): 565–571. (In Russ.).
5. Somkin A. A. Integral personality and modern society (unity and opposition). Abstract of Doc. Sci. (Philos.) Dissertation. Saransk, 2011, 42 p. (In Russ.).
6. Frankl V. Man in search of meaning. Moscow, 1990, 368 p. (In Russ.).
7. Shulga N. A. Drifting to the sidelines. Twenty years of social change in Ukraine. Kiev, 2011, 447 p. (In Russ.).

Поступила 03.12.2020.

Сведения об авторе

Савкин Николай Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, социальное воспроизводство в системе культуры и цивилизации, прикладная философия. Автор 188 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-1691>.

E-mail: doctorsavkin@yandex.ru

Submitted 03.12.2020.

About the author

Nikolay S. Savkin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy, social reproduction in the system of culture and civilization, applied philosophy. The author of 188 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-1691>.

E-mail: doctorsavkin@yandex.ru

А. Е. Шишкин

*Медицинский университет «Реавиз» (Самара, Россия),
e-mail: ladomir12345@rambler.ru*

Взаимные процессы умирания человека и видов его деятельности

Введение. Расследуются причины «исчезновения» человека в контексте его отказа от Бога, истории, культуры, природы. Автора интересует двоякий подход к осмыслению смерти: а) вся тленная и имитационная деятельность представляет собой сигнал умирания как сознания, так и человека; б) человек материальный, дробный и секулярный не может конструировать Красоту, Истину, Вечность. **Методология и новизна полученных выводов.** Междисциплинарный подход показал излом человека с разных сторон. Герменевтический подход помог вскрыть внутреннее содержание понятия «смерть». Системный подход показал широту исследуемого объекта смерти, затрагивающей все институциональные структуры и сферы жизни. Структурно-функциональный метод помог представить феномен смерти в детальном проявлении как в онтогенезе, так и в филогенезе. Ценностно-институциональный анализ помог осознать устойчивость социального порядка через фиксацию базовых ценностей в сознании. Используются общенаучные методы познания: индукция и дедукция, анализ и синтез, единство логического и исторического, восхождение от конкретного к абстрактному. **Результаты исследования.** Если нет трансценденций у человека, фокус понимания зауживается, а духовно-нравственные параметры заменяются консьюмеристскими. Если человек отстает лишь имманентность бытия, то в одиноком и сиротливом состоянии его удаленность от Первоисточника означает собственный приговор к довольству предельным «ничто». Ч. Тайлор через понятия «закрытого», или «горизонтального», мира определяет бессмыслицу человека, находящегося внутри трансцендентной структуры. **Обсуждение и заключение.** Тема смерти показала «сквозной характер» проблемы господства/зависимости от смерти человека на протяжении всей истории философии.

Ключевые слова: неэнтропия, имитация, антропологический кризис, онтогенез, ремиссия, трансцендирование, коммунитаризм, танатология, иммортология.

Для цитирования: Шишкин А. Е. Взаимные процессы умирания человека и видов его деятельности // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 104–111. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.104-111.

Alexey E. Shishkin

Medical University “Reaviz” (Samara, Russia), e-mail: ladomir12345@rambler.ru

Reciprocal Processes of Human Dying and Its Activities

Introduction. In this article, we investigate the reasons for the “disappearance” of man in the context of his rejection of God, history, culture, nature. We are interested in a two-fold approach to understanding death: a) all perishable and imitative activity is a signal of the dying of both consciousness and a person; b) a material, fractional and secular person cannot construct Beauty, Truth, Eternity. **Methods.** The interdisciplinary approach showed a kink in a person from different angles. The hermeneutic approach helped to reveal the inner content of the concept of “death”. The systems approach showed the breadth of the studied object of death, affecting all institutional structures and spheres of life. The structural-functional method helped to present the phenomenon of death in a detailed manifestation both in ontogeny and phylogeny. The value-institutional analysis helped to realize the stability of the social order through the fixation of basic values in the mind.

© Шишкин А. Е., 2021

General scientific methods of cognition were used: induction and deduction, analysis and synthesis, the unity of the logical and the historical, the ascent from the concrete to the abstract. **Results.** If a person does not have transcendences, then the focus of understanding narrows, and the spiritual and moral parameters are replaced by consumerist ones. If a person defends only the immanence of being, then in a lonely and lonely state, his remoteness from the Primary Source means his own sentence to contentment with the ultimate “nothing”. Charles Tylor, through the concept of a “closed” or “horizontal” world, defines the nonsense of a person who is inside a transcendental structure. **Discussion and Conclusion.** The theme of death has shown the “cross-cutting nature” of the problem of domination/dependence on human death throughout the history of philosophy.

Keywords: negentropy, imitation, anthropological crisis ontogenesis, remission, transcending, communitarianism, thanatology, immortality.

For citation: *Shishkin A. E. Reciprocal Processes of Human Dying and Its Activities. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 104–111 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.104-111.*

Введение

Философия только тем и занята, что осмысляет умирание и смерть [22, с. 10–11]. Главная научная проблема заключается в тенденции увеличения депрессивного состояния, связанного с повышением уровня безработицы¹, разводом семей (80 %), нищенской заработной платой (от 8 тыс. руб.) и оскорбительной пенсией (теневой бизнес 25 % без отчисления налогов). По данным Всемирной организации здравоохранения, от суицидов смертей бывает больше, чем от всех войн вместе взятых [6]. Причем мужчины совершают самоубийства в пять раз чаще, чем женщины, в соотношении 45,7:100 против 9,8:100 тыс. чел. [13, с. 86]. Возможно, статистические данные значительно занижены, потому как в исследовании профессионального выгорания врачей показатель в разных специальностях доходит до 72 % без всякой надежды на ремиссию [28].

Культурфилософские мутации темы смерти представляют процессы, где визуальная мозаика доминирует над сакральным текстом, цифра вытесняет букву, компьютер заменяет человеческое общение, медиасоциализация оттесняет общинную коммунитарность, клиповое сознание

опровергает созерцание, скорочтение становится предпочтительнее осмысления произведений.

Методология исследования

Аксиологический подход показывает и предопределяет испорченность нравов в связи со смещением ценностных ориентиров. За опошлением сакрализации Бога, философии и науки скрывается смерть человека. Ценностно-институциональный анализ помог осмыслить вестернизацию как насаждение чужих паттернов, трансформирующих социальный иммунитет общества.

Метафизический подход рассматривает диффузию мира в эсхатологической перспективе. Концепция «философии общего дела» (Н. Федоров) заставляет задуматься о способах борьбы со смертью и придает теме смерти этический характер и космопланетарный масштаб.

Дихотомический подход раскрывает природу смерти с диаметрально противоположных берегов зрения. Ф. Ницше представляет смертельно больного паразитом общества, которого следует со стороны врачей беспощадно давить и устранять как вырождающуюся жизнь [21, с. 8]. И. Кант, напротив, говорит: «Если больной, долгие

¹ В 2010 г. безработица составила 8,6 %. К 2017 г. лишь каждый пятый безработный регистрировался в государственной службе занятости. Такую ситуацию можно объяснить высоким уровнем бюрократизации в службе занятости, сложностью постановки на учет, низким пособием по безработице. В 2020 г. безработица увеличилась за счет пандемии COVID-19.

годы прикованный к постели, испытывающий жесточайшие страдания, постоянно призывает смерть, которая избавит его от мучений, – не верьте ему. Это не есть его действительное желание» [17, с. 300].

Танатология как наука о смерти, хотя и изучает динамику механизма умирания и причины смерти, но акцент делает лишь на патологических отклонениях.

Научно-оптимистическая иммортология осуществляет вызов смерти посредством клонирования человека, трансплантологии органов и создания искусственных хромосом. Не механистически и автоматически с помощью медицины воссоздается бессмертие, а исключительно метафизически, где «идеализм трансцендирования заканчивается посмертным бытием» [5, с. 18].

Объектом исследования является человеческая смерть как неизбежное социальное явление в земной юдоли.

Предметом исследования является двусторонний процесс умирания, как от тления человека к аннигиляции общества, так и от несовершенного, разлагающегося мира происходит разрушение отдельной личности.

Цели исследования: 1) объяснить роль депрессии/смерти как социальное явление, втягивающее в свою орбиту все структурные взаимосвязи; 2) обозначить поиск соборного и коммунитаристского смысла жизни, с которого начнется восстановление человека, семьи, общества, природы и Бога. Для всех народов исходным пунктом в поиске «смыслов» является национальное и религиозное самосознание. Нежелание укреплять социальные институты и насаждение потребительского отношения к природе заканчиваются «иссыханием культуры» (О. Шпенглер) и человека.

Результаты исследования

Депрессивное состояние «живого мертвеца» обусловлено рядом факторов, связанных с отторжением Бога, чрезмерной эксплуатацией человека, небрежным отношением к природе, упразднением памяти

предков (коммеморация), забвением философии, устремленностью к консьюмеризму.

Смерть Бога обусловлена переходом из мистического Средневековья в секулярную эпоху Возрождения и Нового времени. Если раньше Бог был трансцендентным, то теперь – имманентным в «проекции человеческой субъективности» (Л. Фейербах). Если в Средневековье Бог был «Кто», то при капитализме стал «что», как фактор, мешающий эксплуатировать и наслаждаться плодами преступлений. Редукция Бога просматривается в нисхождении из экзистенциального бытия в разряд секуляризма и постмодернизма.

Остатки «наличия Бога» обусловлены утилитаризмом по логике «из двух зол выбираем меньшее». Если Его присутствие регулирует преступность, то – хотя и не верим в Бога, поддерживаем религию как фактор сдерживания от произвола.

Смерть Бога мы рассматриваем как утерю смысла коммунитарной жизни, как смену парадигм от духовных к буржуазно-материалистическим целеполаганиям, как исчезновение человека.

Г. В. Ф. Гегель говорил об «убийстве» Бога как о процессе трансформации мира и общества от объективной субстанциональности к редуцируемой субъектности. Жизнь «для-себя-бытие» абстрагировала божественную сущность в виде Абсолютного Духа или Субстанциального Субъекта как промежуточную иерархию Бога [7, с. 434]. «Слышите звяканье колокольчика»? – вслед за Гегелем вторит Г. Гейне. – «Преклоните колена. Это несут святые дары умирающему Богу» [9, с. 132–133]. Гейне в убийстве Бога обвиняет Канта, который в «Критике чистого разума» вынес вопрос о Боге за пределы науки, отчего начались необратимые идейные преобразования [9, с. 196].

Манифест Ф. Ницше об убийстве Бога («Веселая наука») и признании, что «мы все его убийцы», ознаменовал переход обращения «твари» в Бога. Так богочеловек стал челове-

кобогом. «Осталось победить еще и Его тень!» [20, с. 71]. Для кого-то и Его тень перестала существовать. Процессы энтропии превратили вселенную в «застывшее, немое Ничто» [14, с. 342] как «мертвое тело природы» [14, с. 340]. С тотальным умерщвлением Бога человек стал сам для себя устанавливать закон. И хотя системно мир трещит по швам, большинство религиоведов упорствуют в секулярности и консьюмеризме, гедонизме и эвдемонизме.

А. П. Чехов в рассказе «Черный монах» показывает трансформацию гендерных отношений, когда женщина как «немогущий сосуд» не пускает мужа к трансцендентным высям, отчего в нем начинают происходить энтропийные и девиантные процессы. Так, секуляризация и консьюмеризм выхолащивают сакральное из человека, семьи и общества.

Как бы люди ни умертвляли Бога, Бог не может умереть, хотя и известен исторический феномен Его распятия. Акт распятия следует рассматривать как технологию «разрушения смерти» и возможность перехода из временного мира в вечность: «смертию смерть поправ» (пасхальный тропарь).

Следующим феноменом умирания стала философия. Одних мыслителей ощущение духовной смерти заставляет осмыслять тему бессмертия человека через сотериологию, метафизику и креационизм. Здесь философия рассматривает смерть как величайшее благо («гений-вдохновитель» [29, с. 217]) для человека по причине фактора вразумления. Для других исследователей, в силу поверженности материальным тлением, поиск истины заканчивается натурфилософией и психосоматикой в контексте постмодернизма.

Для В. Франкла смерть стала двигателем в поиске смысла жизни. Б. Паскаль считал, что выход души из темницы-тела вовсе не зло, а благо [23; 31]. И. Д. Ялом момент преодоления смерти осмысляет как зарождение фундаментального мотива человеческих переживаний. А. Камю рассматривает смерть как тотальный абсурд и равнодушие

к человеку Бога, природы, общества. Мысли о кончине и духовные страдания заставляют С. Кьеркегора размышлять о тайнах бытия, тогда как выздоровление человека сулит «смерть для мира» [18, с. 252]. Й. Хейзинга экзистенциальную тревогу смерти представляет как проявление героического и предельного садизму и мазохизму поступка.

Для выявления общего феномена осмысления смерти все сходятся в рассуждении о мести и наказании (кара за проступок) как адекватном выборе человека. С одной стороны, смерть, как и любовь, философы рассматривают за пределами добра и зла; с другой – ищут способы победить смерть не путем эскапизма (бегства от реальности), а экзистенциально, т. е. через проживание страдания как часть жизни.

Можно констатировать смерть философии. Если ее предмет исследования – Бог, социальное, личное и природа – умерли, то умерла и философия. Философия, как и религия, стала схоластикой. Со смертью Гегеля умерла классическая философия. Постмодерн с пострациональным мышлением, основанный на плюрализме и агностицизме, отказывается не знания превращать в знания. В то же время оптимистическая эпистемология заключается в постижении монизма и теологизма.

Вслед за религией и философией можно констатировать о смерти науки. Сколько было амбиций у науки на излечение больных, обещаний прокормить голодных, найти решение пространственно-временных трудностей, но «воз и ныне там». Умирание науки связано с явлением «флюгерства». Когда подул «ветер» марксистского материализма, все стали расхваливать социализм. Когда изменилось направление, все стали рукоплескать капитализму. А где же истина, о которой должны радеть гносеология и онтология? На разработку оружия тратят 50 % от валового внутреннего продукта, на фундаментальные науки (естественные и математику) – 10 %, на образование и медицину – всего 5 %. Циничный лозунг на-

уки: «Мы делаем то, за что платят!» – неминуемо приведет к гибели цивилизации. Так от смерти рождается смерть. Ж. Бодрийяр «новую атомизацию» и «массовизацию» диагностирует как «смерть социального» [25].

Смерть Бога, философии и науки логично перетекает в антропологический кризис. Классическая теория познания Р. Декарта выстраивает концепт субъекта независимо от материальной вещи [11, с. 269]. Для И. Канта субъектом выступает душа [16, с. 52], для И. Фихте субъект представляет субстанциональное и сущее начало как абсолютный субъект [26, с. 79].

В постмодернистской философии субъект медленно исчезает. Ж. Батай в работе «Внутренний опыт» пишет о безысходности субъекта, теряющего себя в опыте и «испаряющегося» [1]. Ж. Бодрийяр также пишет о «ежеминутном распадении» [2] и «исчезновении» [3, с. 135] субъекта. Ж. Деррида в книге «Письмо и различие» описывает, как «субъект... дробится и раскрывается» [12]. По мнению К. Ясперса, кризис вызван скукой, которая заглушается наркотиками всех видов и острыми ощущениями [31]. Ф. И. Тютчев писал:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...

Он к свету рвется из ночной тени

И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Современные исследователи пытаются «воскресить» [15; 24] и «реабилитировать субъекта» [4] как принципиально новую модель с новыми основаниями. Для нас эмерджентной моделью восстановления человека должна послужить идея коммунитаризма [27].

В Санкт-Петербургском институте точной механики и оптики под руководством Г. Н. Дульнева исследовали карлиановское свечение, которое в сочетании с акупунктурной голограммой показывает состояние внутренних органов. Эксперимент показал, что интенсивность, форма и цвет свечения связаны со способом умирания. По своей

причине амплитуда колебаний кривых на дисплее прибора плавно затухает в течение первых двух суток, а затем стабилизируется, становится небольшой, но постоянной. Преждевременная случайная смерть также показывает амплитуду колебаний кривых в течение первых 20 ч, после которых происходит резкая вспышка, а затем спад до стабильного состояния. Смерть в результате убийства или самоубийства показывает колебания, которые не стабилизируются, что дает предположение, в котором сознание существует независимо от работы головного мозга. Данный эксперимент практически может применяться в судопроизводстве.

Смерть можно рассматривать по старости, как насилие или героизм в результате жертвы.

Смерть по старости представляют русские поговорки: «Смерть косит и загребает человеческие жизни, как коса и грабли – полевую траву»; «жнет род человеческий, как серп колосья» [10]. Человек не знает не только о времени смерти, но и о дальнейшей судьбе своего тела и души (реинкарнация, прах, сон, воскрешение – ад – рай). Смерть сомнительна по отношению и к живущим, и к умершим: «для одних она не существует, а другие уже не существуют» [30, с. 126] по причине лишения страданий [19, с. 116].

Смерть как насилие предполагает принудительное воздействие (убийство, приговор суда, мазохизм, болезнь). Смерть как месть «кровь за кровь» (Ветхий завет) поддерживает Г. В. Ф. Гегель, считающий, что преступника следует наказывать смертной казнью [8, с. 151]. Цель насилия может быть вызвана благородными помыслами перевоспитания через вызывание сострадания к проступку (унижение или рабство других людей, как действие против воли и желания) или уголовными мотивами (обладание ценностями убитого).

Смерть как жертва красна страданием за друга и надеждой на спасение души. «Подвиг» может обессмертить имя героя и осмысливается скорее как социокультурный

идеал, нежели «натуральный» контекст. Добровольная смерть Сократа (мог скрыться от суда) послужила следующим поколениям образцом бессмертия. Герой Данко у писателя М. Горького «сердцем» осветил жизнь людей. Прометей ценой жизни добыл огонь для человечества не только для поддержки очага, а, главным образом, для развития знания, с помощью которого до сих пор рождаются разные ремесла.

Осмысление героического поступка обусловлено воспитанием: «Помни о смерти, и тогда не согрешишь» (патристика), а также памятью потомков как бессмертия в памятниках, документах, стихах. Идея бессмертия поддерживается «коллективным бессознательным» через воспевание славы героя как доблестной жизни [10].

Идея бессмертия не доказана в античном понимании «облачения» души в тело и «раздевания» тела от души (Платон, Аристотель). Механистическая идея субстанциональной изменчивости жизни и смерти также не подтверждается эмпирически. Жизнь и смерть всеми философами осмысляется в дуализме «метафизической пустоты» и «символической смертью» как переходом в иную жизнь [12]. Но если нет жизни после смерти, то жизнь не имеет смысла.

Обсуждение и заключение

Что может стать преградой смерти? Комфорт? Нет. Опыт на мышах показывает, что если дать все условия для жизни, то первые месяцы они активно размножаются, а затем начинают деградировать и умирать всем семейством. При прочих пороках (нежелание рожать и воспитывать детенышей) наблюдаются каннибализм и гомосексуализм.

Может быть, преградой смерти является коммуитаризм? Но суть вопроса связана с

тем, как жестокие и бессовестные люди, захватившие власть, добровольно откажутся от нее в пользу мудрецов (первой страты) и патернализма в общинах.

Может быть, преградой смерти станет киборг (человекоробот)? Тогда что станет с личностью? Вот и получается, что жизнь на Земле подобна экзамену для вечной жизни как прохождение инициации.

Рефлексия о смерти подводит к дуальному осмыслению, где смерть есть неизбежность и тлен или жертвенное служение, через которое получают в награду Царство Небесное? В первом случае смерть все спишет, потому как жизнь начинается в грехе – случайна, аморальна и безбожна. Этого «больного» человека мы пожалеем, но назовем «неверным» [32, с. 139], «живым мертвецом» [34, с. 63] и «внутренним преступником» [33]. Во втором случае смерть становится преддверием будущей загробной и вечной жизни.

Наш ответ связан с поиском смысла жизни. В процессе прохождения инициации или сдачи «экзамена» на зрелость все мысли должны «ологоситься» для полноты экзистенциального бытия через очищение от духовной «грязи» – зависти, лицемерия, лжи.

Аксиологические установки также должны подвергнуться ревизии. Не перечисление ценностей и эрзац-ценностей через запятую, не конструирование схем в порядке очередности «материальное/духовное», с обратными процессами, а создание социального системно-структурного механизма наподобие вечного двигателя, способного генерировать не гордость, а милосердие, не плотскую страсть, а аскетизм и любовь. В первом случае жизнь и смерть будут чередоваться, как и раньше. Во втором случае речь идет о возможном элиминировании энтропии.

Библиографический список

1. Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб. : Аxioma / Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
4. Верещанин О. А. Субъект истории в постмодернистской парадигме : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Н. Новгород, 2007. – 28 с.

5. *Вишев И. В.* На пути к практическому бессмертию. – М., 2002. – 324 с.
6. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.who.int/mental_health/prevention/en/index.html.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. – М. : Академический проект, 2014. – 494 с.
8. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 151 с.
9. *Гейне Г.* К истории религии и философии в Германии. – М. : Прогресс, 1994. – 232 с.
10. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Н. Новгород : Русский купец ; Братья славяне, 1995. – 560 с.
11. *Декарт Р.* Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Рассуждение о методе. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
12. *Деррида Ж.* Письмо и различие. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.
13. *Евсеев А. А.* Статистический анализ тенденций и факторов суицидального поведения // Статистика и экономика. – 2012. – № 6. – С. 86–90.
14. *Жан-Поль.* Мертвый Христос говорит с вершины мироздания о том, что Бога нет // Логос. – 1994. – № 6. – С. 340–345.
15. *Ильин А. Н.* Субъект в пространстве философии постмодернизма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 1. – С. 27–33.
16. *Кант И.* Критика чистого разума. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
17. *Кант И.* Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – 712 с.
18. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
19. *Латишин И. И.* Ars moriendi // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 116.
20. *Ницше Ф.* Веселая наука: злая мудрость. – М. : Триада-Файн, 1993. – 239 с.
21. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
22. *Платон.* Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
23. *Стрельцова Г. Я.* Паскаль и европейская культура. – М. : Республика, 1994. – 495 с.
24. *Смирнова А. А.* Проблема субъекта в контексте постсовременности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2009. – 169 с.
25. *Тереженко Н. А.* Социальная философия после смерти социального. – Казань : Казанский университет, 2011. – 368 с.
26. *Фихте И. Г.* Основа общего наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения : в 2 т. – СПб. : Мифрил, 1993. – Т. 1. – 687 с.
27. *Шишкин А. Е.* Дихотомия Восток – Запад в контексте коммунитаризма. – Самара : Мечта, 2020. – 492 с.
28. *Шишкин А. Е.* Профессиональное «выгорание» врача. – Самара : Мечта, 2020. – 396 с.
29. *Шопенгауэр А.* Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа : сборник произведений. – Минск, 1998. – С. 217.
30. *Эпикур.* Эпикур приветствует Менекея // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М. : Политиздат, 1991. – 659 с.
31. *Ясперс К.* Ницше и христианство. – М. : Медиум, 1993. – 114 с.
32. *Abd Elwahed A.* Contribution à une théorie sociologique de l'esclavage. – Paris : Mecheleinck, 1931.
33. *Pulleyblank E. G.* The Origins and Nature of Chattel Slavery in China // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 1958. – Vol. 1. – No. 2. – P. 204–211.
34. *Wiesdorf H.* Bergleute und Hüttenmänner im Altertum bis zum Ausgang der römischen Republik: Ihre wirtschaftliche, soziale und juristische Lage. – Berlin : Akademie-Verlag, 1952.

References

1. *Bataille J.* Internal experience. Saint Petersburg, 1997, 336 p. (In Russ.).
2. *Baudrillard J.* Symbolic exchange and death. Moscow, 2000, 387 p. (In Russ.).
3. *Baudrillard J.* Transparency of evil. Moscow, 2000, 258 p. (In Russ.).
4. *Vereshchagin O. A.* Subject of history in the postmodern paradigm: Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Nizhny Novgorod, 2007, 28 p. (In Russ.).
5. *Vishev I. V.* Towards practical immortality. Moscow, 2002, 324 p. (In Russ.).
6. World Health Organization. Retrieved 12.05.2012 Available at: http://www.who.int/mental_health/prevention/en/index.html. (Accessed 12 November 2020). (In Russ.).
7. *Hegel G.* The phenomenology of the spirit. Moscow, 2014, 494 p. (In Russ.).
8. *Hegel G.* Philosophy of law. Moscow, 1990, 151 p. (In Russ.).
9. *Heine G.* On the history of religion and philosophy in Germany. Moscow, 1994, 232 p. (In Russ.).

10. *Grushko E. A., Medvedev Yu. M.* Dictionary of Russian superstitions, spells, signs and beliefs. Nizhny Novgorod, 1995, 560 p. (In Russ.).
11. *Descartes R.* Works: in 2 vol. Vol. 1. Discourse on the method. Moscow, 1989, 654 p. (In Russ.).
12. *Derrida J.* Letter and distinction. Saint Petersburg, 2000, 432 p. (In Russ.).
13. *Evseev A. A.* Statistical analysis of trends and factors of suicidal behavior. *Statistika i Ekonomika* = Statistics and Economics. 2012; 6: 86–90. (In Russ.).
14. *Jean-Paul.* Dead Christ speaks from the summit of the universe that there is no God. *Logos* = Logos. 1994; 6: 340–345. (In Russ.).
15. *Ilyin A. N.* Subject in the space of postmodern philosophy. Knowledge. Understanding. Skill. 2010; 1: 27–33. (In Russ.).
16. *Kant I.* Critique of pure reason. Moscow, 1994, 591 p. (In Russ.).
17. *Kant I.* Treatises and Letters. Moscow, 1980, 712 p. (In Russ.).
18. *Kierkegaard S.* Fear and awe. Moscow, 1993, 383 p. (In Russ.).
19. *Lapshin I. I.* Ars moriendi. *Voprosy filosofii* = Questions of philosophy. 1994; 3: 116. (In Russ.).
20. *Nietzsche F.* Fun science: evil wisdom. Moscow, 1993, 239 p. (In Russ.).
21. *Nietzsche F.* Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one. Compositions. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1990, 829 p. (In Russ.).
22. *Platon.* Collection. In 4 vol. Vol. 2. Moscow, 1993, 528 p. (In Russ.).
23. *Streltsova G. Ya.* Pascal and European Culture. Moscow, 1994, 495 p. (In Russ.).
24. *Smirnova A. A.* The problem of the subject in the context of postmodernity: Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Saint Petersburg, 2009, 169 p. (In Russ.).
25. *Tereshchenko N. A.* Social philosophy after the death of the social. Kazan, 2011, 368 p. (In Russ.).
26. *Fichte I. G.* The basis of general scientific teaching. In 2 vol. Vol. 1. Saint Petersburg, 1993, 687 p. (In Russ.).
27. *Shishkin A. E.* The East-West Dichotomy in the Context of Communitarianism. Samara, 2020, 492 p. (In Russ.).
28. *Shishkin A. E.* Professional “burnout” of the doctor. Samara, 2020, 396 p. (In Russ.).
29. *Schopenhauer A.* Death and its relation to the indestructibility of our being. Collection of works. Minsk, 1998, P. 217. (In Russ.).
30. *Epicurus.* Epicurus greets Menace. In book: Man: Thinkers of the past and present about his life, death and immortality. The ancient world is the Age of Enlightenment. Moscow, 1991, 659 p. (In Russ.).
31. *Jaspers K.* Nietzsche and Christianity. Moscow, 1993, 114 p. (In Russ.).
32. *Abd Elwahed A.* Contribution à une théorie sociologique de l’esclavage. Paris, 1931. (In Fran.).
33. *Pulleyblank E. G.* The Origins and Nature of Chattel Slavery in China. *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1958; 1(2): 204–211. (In Eng.).
34. *Wiesdorf H.* Bergleute und Hüttenmänner im Altertum bis zum Ausgang der römischen Republik: Ihre wirtschaftliche, soziale und juristische Lage. Berlin, 1952. (In Germ.).

Поступила 17.09.2020.

Сведения об авторе

Шишкин Алексей Ефимович – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз» (Самара, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, биоэтика, проблемы консьциентальной безопасности. Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6684-2962>.

E-mail: ladomir12345@rambler.ru

Submitted 17.09.2020.

About the author

Alexey E. Shishkin – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Reaviz Medical University. Research interests: social philosophy, bioethics, problems of conscientious security. The author of over 70 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6684-2962>.

E-mail: ladomir12345@rambler.ru

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823 (Print), ISSN 2587-7879 (Online)
DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.112-122

УДК 159.9 316.6

К. М. Романов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: famlypost@mail.ru*

И. А. Ильин о феномене веры

Введение. В контексте психологического анализа научного наследия известного русского философа И. А. Ильина рассматривается проблема переживания трудных и критических жизненных ситуаций. Он считал, что подобные ситуации являются неотъемлемыми спутниками человеческого бытия, поэтому человек должен быть готов к встрече с ними. Воспитание активного и ответственного отношения к трудным ситуациям является очень важным направлением подготовки молодых людей к жизни. **Результаты.** Ключевыми понятиями автора являются категории «страдание» и «терпение». Он рассматривал терпение как психическое свойство человека и как процесс или особую активность субъекта, направленную на переживание трудной жизненной ситуации. Подробно анализируются приемы укрепления терпения и эффективные способы переживания жизненных трудностей: включение трудной ситуации в более широкий жизненный контекст, общение с близкими людьми, молитвенное обращение к Богу, отвлечение внимания от переживания, укрепление веры в себя, конструктивная работа с воображением и др. **Обсуждение и заключение.** Рассматривается проблема понимания смысла страдания, выделяются не только негативные, но и позитивные его элементы. Предлагаемый И. А. Ильиным подход к феномену страдания и терпения имеет большую практическую значимость.

Ключевые слова: вера, верование, доверие, личность, знание, истина, душа, душевная жизнь, Бог, духовный опыт, воспитание веры, созерцание.

Для цитирования: Романов К. М. И. А. Ильин о феномене веры // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 112–122. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.112-122.

Konstantin M. Romanov

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: famlypost@mail.ru

I. A. Ilyin about Faith Phenomenon

Introduction. In the context of the psychological analysis of the scientific heritage of the famous Russian philosopher I. A. Ilyin, the problem of experiencing difficult and critical life situations is considered. He believed that such situations are integral companions in human life. Therefore, a

© Романов К. М., 2021

person must be ready to meet them. Fostering an active and responsible attitude towards difficult situations is a very important direction in preparing young people for life. **Results.** The author's key concepts are the categories „suffering,, and „patience,,. He viewed patience as a mental property of a person and as a process or a special activity of the subject, aimed at experiencing a difficult life situation. Methods of strengthening patience and effective ways of experiencing life difficulties are analyzed in detail: inclusion of a difficult situation in a broader life context, communication with loved ones, prayer appeal to God, distracting attention from experience, strengthening faith in yourself, constructive work with your imagination, etc. **Discussion and Conclusion.** The problem of understanding the meaning of suffering is considered. Not only negative, but also positive elements of suffering are highlighted. The approach proposed by I. A. Ilyin to the phenomenon of suffering and patience is of great practical importance.

Keywords: faith, belief, trust, personality, knowledge, truth, soul, soul life, God, spiritual experience, education of faith, contemplation.

For citation: Romanov K. M. I. A. Ilyin about Faith Phenomenon. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 112–122 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.112-122.

Введение

Неотъемлемым свойством людей является наличие веры. Вера представляет собой очень важное личностное образование, стоящее в одном ряду с системой убеждений и ценностей [13]. Глубокая вера оказывает существенное влияние на душевное состояние и поведение человека, определяет направленность личности, образ жизни и ее смысл. Наиболее ярко ее влияние наблюдается у подлинно религиозных людей. Здесь можно говорить о соответствующем типе личности, основой которой является вера в Бога. «Вера – это образ жизни, основанный на богообщении», – отмечает митрополит Иларион [7, с. 15]. Особое место в этом ряду занимают религиозные подвижники и святые, вера которых сопряжена с совершенно уникальными и необъяснимыми феноменами: ясновидением, прогнозированием будущего, исцелением, стойкостью к нечеловеческим испытаниям, героизмом, творчеством и др. «Огонь веры на протяжении веков вдохновлял людей на подвиги и героические свершения. Верой вдохновлялись те люди, которые отстаивали свои убеждения и готовы были отдать за них жизнь. Вера была духовной силой, помогающей мученикам терпеть жесто-

чайшие страдания, помогавшей тем, кого вели на казнь, пережить последние минуты и достойно встретить смертный час» [7, с. 15–16]. Но вера не сводится к вере в Бога, она является гораздо более широкой по предметному содержанию. Например, можно верить в приметы, астрологические прогнозы, судьбу, справедливость, космический разум, торжество коммунизма и т. д. Особенностью веры как личностного образования является устойчивость. В отдельных случаях человек может нести свою веру на протяжении всей жизни. Потеря или крушение веры могут быть очень драматичными для человека. Как правило, подобные жизненные ситуации характерны для людей, верящих в ложные идеалы: богатство, власть, идеологические догмы и др. [3; 8; 12].

Надо подчеркнуть, что феномен веры остается довольно плохо изученным в современной психологии и философии [2; 3; 12]. В Универсальном энциклопедическом словаре дается следующее определение этого понятия: «1) В теистических религиях личное доверие к Богу и его слову, обращенному к человеку (божественное откровение)... 2) В философии и методологии науки принятие какого-либо знания

без непосредственных эмпирических и рациональных обоснований. 3) В обыденном словоупотреблении – доверие кому-либо, принятие каких-либо положений, утверждений без обоснования, убежденность в чем-либо» [11, с. 222]. Здесь можно выделить как минимум три значения этого слова: религиозное (вера как отношение человека к Богу), когнитивное (вера как особое знание) и социально-психологическое (вера как отношение человека к человеку). Первое значение рассматривается в материалистической науке как предрасудок или заблуждение, второе – как суеверие, ложное или недостоверное знание, третье – как феномен межличностных отношений. Вера как личностное образование включает в себя три структурных компонента: когнитивный, практический и аффективный. Когнитивный компонент веры представляет собой определенное представление человека о соответствующем предмете. Оно может быть разным по форме, широте и истинности [5; 9]. Это не имеет принципиального значения для силы и устойчивости веры. Человек может серьезно заблуждаться в представлении о предмете или плохо знать его и одновременно иметь глубокую веру. Например, некоторые члены Коммунистической партии Советского Союза искренне верили в определенные идеологические догмы, имея при этом весьма смутное или искаженное представление о соответствующем предмете. Практический компонент веры представлен системой психомоторных (конкретно-инструментальных) схем, определяющих способы поведения человека по отношению к соответствующему объекту или способы обращения с ним. Например, верующий в Бога человек совершает определенные молитвы, посещает храм, в нужное время постится и др. Речь идет о системе сопряженных с соответствующим объектом практических действий. Аффективный

компонент веры представляет собой эмоционально окрашенное, устойчивое отношение человека к соответствующему объекту, который является для него личностно значимым и ценным [3; 12]. Поэтому любая встреча с ним или мысль о нем так или иначе сопряжена с эмоциональным откликом: благоговением, страхом, надеждой, уверенностью и др. Именно он является главным и системообразующим структурным компонентом веры. Без него она перестает быть таковой. В этом отношении феномен веры близок к феномену доверия, «сущность которого заключается в специфическом ценностном отношении субъекта к объекту доверия. Это отношение представлено субъекту как ценностное переживание актуальной значимости (ценности) и априорной безопасности той части мира, с которой субъект собирается вступить во взаимодействие...» [10, с. 115]. Для более глубокого понимания феномена веры полезно обратиться к творческому наследию известного русского философа И. А. Ильина.

Материалы и методы

Основным методом исследования был теоретический анализ научных трудов И. А. Ильина. Творческое наследие этого ученого является очень важным источником информации, полезной для развития современной психологии и поиска принципиально новых методологических подходов к пониманию многих актуальных проблем, включая и проблему веры. К сожалению, оно до сих пор остается почти не освоенным в психологии. Это определяет новизну и актуальность данного исследования. Оно направлено на анализ основных положений концепции веры И. А. Ильина. В дальнейшем это поможет определить направления и методологические основы психологических исследований феномена веры. Наибольший интерес представляют следующие проблемы:

1. Место веры в структуре личности.
2. Соотношение веры с такими лич-

ностными образованиями, как убеждения, ценности, социальные установки, отношения.

3. Функции веры.
4. Условия развития и укрепления веры.
5. Методы воспитания и коррекции веры.
6. Созерцание и духовный опыт.

Результаты

Проблема веры занимает важное место в творческом наследии известного русского философа И. А. Ильина. Он рассматривал веру в качестве одного из духовных оснований человеческого бытия: «Вера всегда остается первичной силой человеческой жизни – совершенно независимо от того, понимают люди этого или нет» [6, с. 131]. Будучи верующим человеком, он не сводил веру к вере в Бога, а рассматривал ее более широко. Поэтому считал: если человек не верит в Бога, это не означает, что у него нет веры. Неизменной оставалась обязательность веры для любого человека. Человек, по его мнению, верит всегда, независимо от того, что является содержанием веры, осознает ли этот факт сам человек, может ли он обосновать свою веру и т. д. «Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от нее; хуже того, он может изменять своей вере по расчету и “продавать” ее. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры» [6, с. 131].

В философском наследии И. А. Ильина рассматривается проблема соотношения веры и истины. Он не выводил веру из факта признания истины. Верить можно и в то, что не соответствует критерию истины, т. е. человек может заблуждаться в своей вере и поклоняться ложным идолам. «Верить» – это гораздо больше, чем «признавать за истину» [6, с. 128]. Выражаясь языком современной психологии, можно утверждать, что

вера – это не столько когнитивное, сколько глубоко личностное образование, напоминающее убеждение, ценность, социальную установку и др. [2; 6]. И. А. Ильин утверждал, что «о вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души, где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа...» [6, с. 129]. Вера рассматривалась им как центральное личностное образование, «как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [6, с. 129]. Тем не менее авторы большинства теорий личности не разделяют это мнение.

Вера наполняет жизнь смыслом, является источником радости. Ради нее человек готов идти на жертвы, в том числе на смерть. Сильная и глубокая вера определяет направленность личности и может служить основанием для ее типологии. Достаточно сказать, что существуют довольно значительные различия в личности людей, принадлежащих к разным конфессиям или религиозным сектам. «Вера указывает человеку его жизненный путь; она определяет его отношение к себе, к людям, к природе и ко всему священному в жизни человека» [6, с. 138].

Понимая всю значимость веры, И. А. Ильин подчеркивал, что многие люди верят в то, что недостойно веры: в чувственные наслаждения, могущество денег и власти, социализм и т. п. Он писал, что «большинство людей верит в нечто такое, что не только не обещает им ни блага, ни спасения, но что прямо ведет их к гибели» [6, с. 134]. В качестве примера можно привести людей – членов всевозможных тоталитарных сект, которым уготована либо духовно-психологическая, либо физическая гибель. Он выделял также категорию людей, которые вообще не задумываются о своей вере или уходят от обсуждения этих вопросов. Во всех таких случаях вера воз-

никает стихийно и существует как бы независимо от человека, что может приводить к самым негативным последствиям. Поэтому воспитание «правильной» веры было и остается важной задачей семьи и школы.

Вера кардинально меняет человека: его взгляды, интересы, мысли, образ жизни, отношения с людьми. «Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон» [6, с. 134]. «Вследствие этого душа вживается в этот предмет, а самый предмет, в который она верит, проникает в душу до самой ее глубины. Возникает некое подлинное и живое тождество: душа и предмет вступают в особое единение, образуют новое живое единство» [6, с. 135]. Если человек верит в могущество денег, вся его жизнь превращается в бесконечную погоню за деньгами, подчиняя этим целям весь потенциал личностных ресурсов. Деньги становятся для него мерилем всего, с чем он сталкивается на жизненном пути: людей, работы, вещей, родины, природы и т. д. Деньгами объясняются любые значимые события: удачи и неудачи, достижения и потери, взлеты и падения. Современные средства массовой информации навязчиво внедряют в сознание молодых людей ложные ценности, т. е. заставляют верить в то, что, по мнению И. А. Ильина, недостойно веры.

В философских трудах И. А. Ильина представлен очень глубокий психологический анализ влияния веры на душевный мир личности: «Скажи мне, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, как бы живет и дышит им; ты желаешь предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей радости и остается им даже тогда, когда

тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твое воображение. Словом, здесь реальный центр твоей жизни: тут твоя любовь, твое служение, тут ты идешь на жертвы. Здесь твое сокровище; а где сокровище твое, там и сердце твое; – там и вера твоя» [6, с. 129]. Подлинная вера преобразует чувства, мышление, воображение, волю. Она делает их духовными. Этот феномен до сих пор не изучен в психологии.

Он различал веру и верование. Верить можно во что угодно: «в карты, в сны, в гадание, в астрологические гороскопы – верят, но в Бога и во все Божественное – веруют» [6, с. 136]. Можно сказать, что верование – это высшая форма веры. Только при глубоком веровании в Бога наступает особое преобразование человека: он обретает мистические способности, природу которых не может объяснить современная психология. «Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, – то божественное содержание становится для него жизненным центром и в созерцаниях, и в поступках, чем-то важнейшим и главнейшим, любимым, искомым, желанным и уже в силу одного этого – всегда присутствующим в душе обстоянием. Узреть с очевидностью лучшее и не восхотеть его, и не осуществить его – почти невозможно человеку» [6, с. 137].

Учитывая такую значимость веры, И. А. Ильин утверждал, что не все в мире заслуживает веры. Он выделил главный критерий выбора предмета веры: «Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть; ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний» [6, с. 139]. Он хорошо понимал, что именно на пороге смерти происходит подлинная оценка того, ради чего человек жил, к чему стремился, чему посвятил способности, на что потратил личностные ресурсы. По сути, речь идет о смысле

жизни. Воспользоваться этим критерием оценки смысла жизненных устремлений нельзя. Можно периодически ставить перед собой соответствующие вопросы: стоит ли бороться за это, достойно ли это моей смерти, чем бы я мог пожертвовать ради этого, стоит ли так сильно переживать из-за этого и т. п. Такие вопросы стоит задавать себе в кризисные периоды жизни. Аналогичную стратегию психологической помощи можно использовать при работе с людьми, переживающими трудные и кризисные жизненные ситуации.

Существует довольно распространенное отношение к вере в Бога как к заблуждению или предрассудку, в основе которого лежит нечто недостоверное. В этом случае она противопоставляется знанию и фактически отождествляется с суеверием [5; 13]. Такое отношение в вере характерно для людей, имеющих естественно-научное мировоззрение и отрицающих возможность существования иного (нематериального) мира. И. А. Ильин считал, что знание далеко не всегда бывает достоверным. Более того, он утверждал, что «вся картина мироздания в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти “подтверждаются” новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются» [6, с. 143]. Это является бесспорным законом развития научного знания. Любая научная истина рождается в дискуссиях, свидетельствах о наличии разных взглядов, позиций, точек зрения, которые нельзя абсолютизировать. Например, это очень характерно для современной психологии, которая пытается объяснить душевную жизнь человека с помощью методологии естественно-научного познания. Тем самым психика лишается статуса самостоятельной реальности, отличной от материального мира. Такая позиция научной психологии хорошо представлена в соответствующих

учебниках, поэтому широко транслируется через систему высшего образования. Однако она не является бесспорной. Существует другая трактовка человеческой души, основанная на принципиально иных методологических положениях. И. А. Ильин считал, что подлинная наука должна понимать свои возможности и ограничения. «Ее граница – чувственный опыт, ее метод – объяснить все явления естественными законами... Она держится за этот опыт и за этот метод, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины в другой области при помощи другого опыта и другого метода» [6, с. 150].

Источником знаний о мире далеко не всегда может быть чувственный опыт. Человеческий опыт является гораздо более широким и разнообразным, чем это представляется с позиций естественно-научной методологии познания. Источником подлинной веры И. А. Ильин считал не чувственный, а духовный опыт. «Через духовный опыт человек сообщается с Божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом. Отсюда возникает “верующая” вера» [6, с. 155]. В основе этого опыта лежит особый способ познания – созерцание. Оно позволяет человеку постигать сущность явлений и вещей непосредственно, минуя ощущение и восприятие. Современная методология научного познания относится к такому способу познания очень настороженно и фактически не признает его. «Созерцание – довольно редко используемое в современной психологии понятие, не наделенное категориальным статусом», – отмечает Г. В. Акопов [1, с. 16]. Пытаясь соотнести его с понятийным аппаратом и феноменологией современной психологии, он приходит к выводу: «Созерцание рассматривается как нетождественное восприятию, вниманию, воображению, инсайту, медитации и т. д. не вполне осоз-

наваемое психическое явление, актуализируемое в формах процесса, состояния и свойства личности-индивидуальности» [1, с. 30]. К этому можно добавить, что созерцание имеет большое сходство с широко известным феноменом эмпатии – механизмом постижения эмоционального состояния другого человека [8; 15–17]. По мнению Т. И. Пашуковой, эмпатия «обеспечивает возникновение эмоционального понимания или эмоционального отклика на переживание другого человека...» [8, с. 47–54]. При этом человеку даже не обязательно знать название познаваемого эмоционального состояния. Важно подчеркнуть, что постижение эмоционального состояния в данном случае осуществляется без участия восприятия. Эмпатия играет очень важную роль в профессиональной деятельности соответствующих специалистов: психологов, педагогов, врачей, социальных работников и др. [4; 14; 16]. Технология непосредственного способа познания (через созерцание) до сих пор остается неразработанной.

По мнению И. А. Ильина, каждый человек знаком с душевными состояниями, многие из которых приобщают его к иной реальности. Проблема в том, что люди как бы закрывают глаза на этот нечувствительный опыт, не распознают и не расширяют его, а дают ему материалистическую интерпретацию. Материалистическая система мировосприятия считается научной. Через систему образования она активно транслируется каждому поколению людей. И. А. Ильин был убежден, что картина мира, построенная на основе естественнонаучной методологии, далека от реальности. Она не отражает факта существования иной, гораздо более важной реальности – духовной. «Только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности

и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предмет религиозной веры» [6, с. 156]. Именно этот опыт делает человека человеком – «духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство» [6, с. 156]. На нем держится все творческое и прогрессивное: культура, искусство, наука. Высшей формой этого опыта и религиозной веры является любовь. Подчеркивая важность духовного опыта, И. А. Ильин в то же время предупреждал о последствиях отсутствия его у человека. «Он как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращают ее в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходит от него – и во внешнем мире, и в его собственной душе» [6, с. 155].

При обсуждении проблемы веры важное место занимают вопросы ее возникновения у людей: почему и как они начинают верить во что-то. По мнению И. А. Ильина, вера не дана человеку от рождения. Она воспитывается. Главным условием воспитания у ребенка подлинной веры является приобщение его к духовному миру, создание возможностей для обретения духовного опыта. Он считал, что основная задача воспитания «состоит в том, чтобы ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы его сердце, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и людях» [6,

с. 244]. Надо сказать, что современная система образования не ставит такую задачу. Соответственно, не разработана и методика ее воспитания. Поэтому вера возникает у людей стихийно. И. А. Ильин считал, что каждый человек должен постоянно заботиться о своей вере. «Ни один человек из живших или живущих не может считать свою веру совершенной и законченной – ни по глубине и объему ее, ни по ее содержанию. Напротив, каждый до конца остается строителем своей веры и Божиим учеником» [6, с. 169]. Выражаясь языком современной психологии, в вопросах формирования и укрепления своей веры человек является активным субъектом, а не пассивным объектом чьих-то воздействий. Другие люди могут только содействовать этому, но не подменять или заменять его.

Заключение

Философское наследие И. А. Ильина может служить основой для научного изучения проблемы веры и разработки методики воспитания у молодых людей подлинной веры. В его трудах представлено достаточно полное описание феномена веры. Подводя итоги проделанного анализа, выделим основные положения его концепции.

Вера является неотъемлемой частью человека. Вопрос только в ее качестве, т. е. в том, во что и как он верит. Вера не сводима к вере в Бога. Она сложна и многообразна по содержанию, широте, силе, глубине, устойчивости, уровню осознания, отношению к истине и т. д. Люди могут верить в науку, справедливость, гуманизм, право, астрологические прогнозы, сны, карты, эволюцию, всевозможные приметы, интернет и др. Их вера может быть узкой или широкой, слабой или сильной, глубокой или поверхностной, устойчивой или неустойчивой, осознаваемой или неосознаваемой, истинной или ложной.

Вера – это очень важное личностное образование, духовная основа и смысловой стержень личности. Она определяет направ-

ленность личности, содержание и характер душевного мира, смысл и траекторию жизненного пути, жизнестойкость, готовность к лишениям и страданиям, творческий потенциал. Главным критерием подлинности и силы веры является способность и готовность человека к жертвам во имя предмета веры. В предельном случае речь идет о готовности отдать за нее свою жизнь. «Верующему свойственно крепко держаться за свою веру – и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор?» [6, с. 140–141]. Подлинной, истинной и достойной человека является вера в Бога.

Вера является одним из основных факторов развития личности или ее изменения на определенном этапе жизненного пути. По выражению И. А. Ильина, «человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит» [6, с. 134]. При этом его душа и предмет веры взаимопроникают друг в друга и «образуют новое живое единство» [6, с. 134]. Он считал это духовным законом. Надо сказать, что он неизвестен современной психологии.

Вера – это не природный, а социальный феномен. Она не предопределена генетически, а возникает у ребенка в результате воспитания. Поэтому именно на взрослых (прежде всего родителей) лежит ответственность за содержание и характер веры детей – будущих граждан своей страны. Любое общество задает и через образовательные учреждения и средства массовой информации транслирует то, во что должны верить его члены. Например, в нашей стране в советский период существовал запрет на веру в Бога. В то же время активно насаждалась вера в неизбежную победу коммунизма, непогрешимость марксистской идеологии, моральную чистоту КПСС и тому подобные догмы.

Необходимыми условиями воспитания у ребенка подлинной веры являются его

приобщение к духовному миру и формирование у него духовного опыта. Основным инструментом обретения такого опыта является созерцание. Современная психология не располагает соответствующей методикой, а система образования не гото-

ва к решению данной задачи. Это является одной из причин духовного кризиса. Веру нельзя «вложить» в человека, он как субъект бытия должен сам обрести ее. Другие люди не могут сделать это за него, они могут только содействовать ему в этом.

Библиографический список

1. *Акопов Г. В., Семенова Т. В.* Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии [Электронный ресурс]. – Самара : ПГСГА, 2014. – 52 с. – URL: <http://docplayer.ru/27539258-G-v-akopov-t-v-semenova.html> (Дата обращения: 07.10.2020).
2. *Баркова К. И.* Феномен веры в русской ментальности // Молодежь третьего тысячелетия : сборник научных статей [Электронный ресурс]. – М., 2019. – С. 1229–1232. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41320511> (Дата обращения: 07.10.2020).
3. *Боташева С. К.* Феномен религиозной веры: опыт философских и теологических исследований [Электронный ресурс] // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3 (130). – С. 440–442. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37572286> (Дата обращения: 05.08.2019).
4. *Василенко Л. В.* Эмпатия и рефлексия в профессиональной деятельности практического психолога [Электронный ресурс] // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 9 (39). – С. 47–54. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36460513> (Дата обращения: 07.10.2019).
5. *Извекова Т. Ф.* О взаимосвязи веры, знания, ментальности в контексте гностицизма и дуалистической (манихейской) революции в сознании [Электронный ресурс] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9. – № 1–3. – С. 100–108. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43940875> (Дата обращения: 07.10.2020).
6. *Ильин И. А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения [Электронный ресурс]. – М. : Эксмо, 2006. – 912 с. – URL: <https://www.labirint.ru/books/122472/> (Дата обращения: 07.10.2018).
7. *Митрополит Иларион (Алфеев).* Катехизис. Краткий путеводитель по православной вере. – Изд. 4-е [Электронный ресурс]. – М. : Познание, 2018. – 280 с. – URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=615446&p=1> (Дата обращения: 05.10.2019).
8. *Пащукова Т. И.* Эмпатия: механизмы // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – 2-е изд. – М. : Когито-центр, 2015. – С. 168–169.
9. *Ряховская Т. В.* Сомнение как условие существования веры [Электронный ресурс] // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2020. – № 1 (10). – С. 42–54. – URL: <https://tamds.ru/wp-content/uploads/2020/06/42-54.pdf> (Дата обращения: 07.10.2020).
10. *Скрипкина Т. П.* Доверие // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – 2-е изд. – М. : Когито-центр, 2015. – С. 114–115.
11. Универсальный энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. – 1551 с.
12. *Хватова М. Б.* Вера как экзистенциальная проблема в русской философии // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 9. – С. 95–100. – DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.19>.
13. *Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Новейшая психологическая энциклопедия. Законы и тайны поведения человека. Психологический атлас поведения человека [Электронный ресурс]. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 575 с. – URL: <https://www.socionic.ru/index.php/spravochnaya-literatura-2/25389-novejshaya-psixologicheskaya-enciklopediya>.
14. Associations between Emotional Intelligence, Empathy and Personality in Japanese Medical Students / K. Abe [et al.] // BMC Medical Education. – 2018. – Vol. 18. – P. 47. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-018-1165-7>.
15. Empathy in Chinese Eight-Year Medical Program Students: Differences by School Year, Educational Stage, and Future Career Preference / Dongju Li [et al.] // BMC Medical Education. – 2018. – Vol. 18. – P. 241. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-018-1348-2>.

16. *Tariq N., Tayyab A., Jaffery T.* Differences in Empathy Levels of Medical Students Based on Gender, Year of Medical School and Career Choice // *Journal of the College of Physicians and Surgeons Pakistan*. – 2018. – Vol. 28. – Issue 4. – P. 310–313. – DOI: <https://doi.org/10.29271/jcpsp.2018.04.310>.
17. *The Relationship between Empathy and Emotional Intelligence among Iranian Nursing Students / F. Hajibabae [et al.] // International Journal of Medical Education*. – 2018. – Vol. 9. – P. 239–243. – DOI: <https://doi.org/10.5116/ijme.5b83e2a5>.

References

1. *Akopov G. V., Semenova T. V.* Contemplation as an additional category of psychology to activity. Samara, 2014., 52 p. Available at: <http://docplayer.ru/27539258-G-v-akopov-t-v-semenova.html> (Accessed 7 October 2021). (In Russ.).
2. *Barkova K. I.* The phenomenon of faith in the Russian mentality. Youth of the third millennium: a collection of scientific articles. Moscow, 2019: 1229–1232. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41320511> (Accessed 10 June 2020). (In Russ.).
3. *Botasheva S. K.* Phenomenon of religious faith: the experience of philosophical and theological research. *Evrziskij juridicheskij zhurnal = Eurasian legal journal*. 2019; 3(130): 440–442. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37572286> (Accessed 5 August 2019). (In Russ.).
4. *Vasilenko L. V.* Empathy and reflection in the professional activity of a practical psychologist. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki = Theory and practice of modern science*. 2018; 9(39): 47–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36460513> (Accessed 7 October 2019). (In Russ.).
5. *Izvekova T. F.* On the relationship of faith, knowledge, mentality in the context of gnosticism and the dualistic (Manichean) revolution in consciousness. Context and reflection: philosophy about the world and man. 2020; 9(1-3): 100–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43940875> (Accessed 10 July 2020). (In Russ.).
6. *Ilyin I. A.* Why we believe in Russia: Works. Moscow, 2006, 912 p. Available at: <https://www.labyrinth.ru/books/122472/> (Accessed 7 October 2018). (In Russ.).
7. *Metropolitan Hilarion (Alfeyev)*. Catechism. A short guide to the Orthodox faith. Ed. 4th. Moscow, 2018, 280 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=615446&p=1> (Accessed 5 October 2019). (In Russ.).
8. *Pashukova T. I.* Empathy: mechanisms. Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. Moscow, 2015, P. 168–169. (In Russ.).
9. *Ryakhovskaya T. V.* Doubt as a condition for the existence of faith. Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2020; 1(10): 42–54. Available at: <https://tamds.ru/wp-content/uploads/2020/06/42-54.pdf> (Accessed 7 October 2021) (In Russ.).
10. *Skripkina T. P.* Trust. Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. Moscow, 2015, P. 114–115. (In Russ.).
11. Universal encyclopedic dictionary. Moscow, 1999, 1551 p. (In Russ.).
12. *Khvatova M. B.* Faith as an existential problem in Russian philosophy. *Munuskript = Manuscript*. 2019; 12(9): 95–100. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.9.19>. (In Russ.).
13. *Chaldini R., Kenrick D., Neuberg S.* The latest psychological encyclopedia. Laws and secrets of human behavior. Psychological atlas of human behavior. Saint Petersburg, 2008, 575 p. Available at: <https://www.socionic.ru/index.php/spravochnaya-literatura-2/25389-novejshaya-psixologicheskaya-enciklopediya>. (In Russ.).
14. Associations between Emotional Intelligence, Empathy and Personality in Japanese Medical Students / K. Abe [et al.]. *BMC Medical Education*. 2018; Vol. 18: 47. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-018-1165-7>. (In Eng.).
15. Empathy in Chinese Eight-Year Medical Program Students: Differences by School Year, Educational Stage, and Future Career Preference / Dongju Li [et al.]. *BMC Medical Education*. 2018; Vol. 18: P. 241. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12909-018-1348-2>. (In Eng.).
16. *Tariq N., Tayyab A., Jaffery T.* Differences in Empathy Levels of Medical Students Based on Gender, Year of Medical School and Career Choice. *Journal of the College of Physicians and Surgeons*

Pakistan. 2018; Vol. 28. Iss. 4: 310–313. DOI: <https://doi.org/10.29271/jcpsp.2018.04.310>. (In Eng.).

17. The Relationship between Empathy and Emotional Intelligence among Iranian Nursing Students. F. Hajibabae [et al.]. International Journal of Medical Education. 2018; Vol. 9: 239–243. DOI: <https://doi.org/10.5116/ijme.5b83e2a5>. (In Eng.).

Поступила 29.10.2020.

Сведения об авторе

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психологическая культура человека, психологическая культура финно-угорских народов, психология общения. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7662-3632>.

E-mail: famylypost@mail.ru

Submitted 29.10.2020.

About the author

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychological culture of a person, psychological culture of Finno-Ugric peoples, psychology of communication. Author of more than 200 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7662-3632>.

E-mail: famylypost@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 19.00.00 – Психологические науки.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписанные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– приставный библиографический список составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.9-2009 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics: 07.00.00 – Historical sciences and archeology; 09.00.00 – Philosophical sciences; 19.00.00 – Psychological sciences.

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

- acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.
- the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.9-2009 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.
- affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.